

ОТ АРЕНЫ ДО ПЛОЩАДИ. ПРОЖИВАЯ АЛМАТИНСКУЮ ТРАГЕДИЮ

ОТ АРЕНА ДО ПЛОЩАДИ.

ПРОЖИВАЯ АЛМАТИНСКУЮ ТРАГЕДИЮ

УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5Каз)
О-80

Авторский коллектив:

Илеуова Гульмира, социолог, кандидат социологических наук
Симакова Ольга, социолог, магистр социологии
Омаров Мэди, политолог, магистр политологии
Мухамедиев Азат, социолог, магистр социологии
Нурахметова Светлана, экономист
Коспанов Расул, политолог, магистр философии

Докторанты кафедры политологии и политических технологий КазНУ имени аль-Фараби:

Нурбекова Раушан
Токбергенова Бахыткуль
Ниеткалиева Динара
Касымбаев Арман

О-80 От Арены до Площади. Проживая алматинскую трагедию – Алматы:
Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»,
2024. – 212 стр.

ISBN 978-601-80841-3-3

Авторы этой книги – алматинцы. Кто-то живет в Алматы с рождения, а для кого-то этот город стал родным не так давно. Но все мы искренне любим наш город, дорожим им. Поэтому, несмотря на масштаб произошедшего в стране в начале января 2022 года, и понимая ограниченность ресурсов Фонда «Стратегия» исследовать эту масштабность, мы сделали акцент на событиях, произошедших только в Алматы.

Почему именно в нашем городе произошли столь драматические события? Этот вопрос побудил нас взяться за работу над книгой.

Мы думаем, что наше исследование может быть важно не только алматинцам, но и всем жителям Казахстана, кто переживал в эти дни за судьбы города и страны, но не имел достаточной информации о происходящем, и с помощью собранных здесь воспоминаний сможет восстановить ход тех драматических событий.

УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5Каз)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ИДЕЕ ЭТОЙ КНИГИ. ПРОЖИВАЯ АЛМАТИНСКУЮ ТРАГЕДИЮ.....	7
4 ЯНВАРЯ: ПРОБУЖДЕНИЕ.....	15
Утро.....	17
День.....	18
Вечер.....	26
Ночь.....	31
5 ЯНВАРЯ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ.....	43
Утро.....	45
День.....	55
Вечер.....	65
6 ЯНВАРЯ: СТРАХ.....	77
Утро.....	79
День.....	85
Вечер.....	90
РАЗМЫШЛЯЯ О ЯНВАРЕ. ДНИ, КОГДА НАС БРОСИЛИ.....	95
Туман.....	97
Что это было? Почему Алматы?.....	98
Вперед, на Площадь!.....	99
«Движущие» силы протеста.....	100
«Кто виноват?» или «Нас бросили!».....	102
ОДКБ.....	103
Что с информационной машиной? Она сломалась.....	104
«Бесплатно дают».....	106
Гражданское участие и сопротивление.....	107
Жизнь после.....	109
ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ И ОЧЕВИДЦАМИ.....	111

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ОБ ИДЕЕ ЭТОЙ КНИГИ. ПРОЖИВАЯ АЛМАТИНСКУЮ ТРАГЕДИЮ

А можете ли вы уверенно сказать, что происходило в стране в январе 2022 года: мирное шествие, попытка государственного переворота, нападение террористов, общественный беспорядок, выступление недовольных властью, начало гражданской войны? И, может быть, теперь, спустя время, вам только кажется, что вы помните, что тогда происходило? Может быть, ваши воспоминания смешались с тем, что другие говорили и рассказывали в те дни или говорят и рассказывают сегодня?..

Судя по активности журналистов, выступлениям экспертов в пабликах социальных сетей, осознание произошедшего начало происходить буквально через несколько дней после того, что произошло, когда власти приступили к установлению порядка на улицах города, и стало понятно, что у этого масштабного и разрушительного по последствиям события будет много свидетелей и очевидцев, и также тех, кто будет называть себя участником протестных выступлений. Слишком массовым был протест. Слишком много людей оказались вовлеченными в него вольно или невольно... Но, кроме этого, появилось много обсуждений, интерпретаций, спекуляций, описаний, версий о том, что же, в конце концов, произошло в те дни в Алматы.

Авторы этой книги – алматинцы. Кто-то живет в Алматы с рождения, а для кого-то этот город стал родным не так давно. Но все мы искренне любим и дорожим нашим городом. Поэтому, несмотря на масштаб произошедшего в стране в начале января 2022 года, и не в последнюю очередь понимая ограниченность ресурсов Фонда «Стратегия» исследовать эту масштабность, мы делали акцент только на событиях, произошедших в Алматы. И поэтому одним из вопросов стал: почему именно в Алматы произошли столь драматические события? В этом причины, которые побудили нас взяться за работу над этой книгой и сделать объектом описания наш город.

Сложно не согласиться, что слово «трагедия» отражает суть того, что происходило в городе в начале января 2022 года¹. В Алма-

---

¹Касым-Жомарт Токаев о беспорядках в стране: В историю войдет, наверное, как «Алматинская трагедия». 10.01.2022 г. – https://www.inform.kz/ru/kasym-zhormart-tokaev-o-besporyadkah-v-strane-v-istoriyu-voydet-navernoe-kak-almatinskaya-tragediya_a3883347

ты произошли самые массовые выступления и беспорядки в стране, сопровождавшиеся значительным числом пострадавших и жертв среди гражданских (митингующих и наблюдателей) и представителей правоохранительных органов. На улицах были перестрелки, жители центра города не спали, боялись подойти к окнам, организовывали гражданские патрули и дежурства в отдельных дворах и целых микрорайонах. Малому и среднему бизнесу города был нанесен серьезный урон: большое количество магазинов и торговых центров подверглось разграблению². За все годы Независимости город и его жители не переживали ничего подобного. Это был новый драматический и травмирующий для всех опыт, замешанный на страхе и неопределенности; никто из жителей не знал, что происходит вокруг и каким будет исход.

Мы, исследователи-социологи, осознавали необходимость зафиксировать те события, которые произошли в городе. Но как это сделать? Сбор и анализ информации из открытых источников показал, что сообщения не всегда верифицированы. Во-первых, отсутствие устойчивого интернет-соединения и ограничение доступа к телевизионным каналам наводнило информационное пространство большим количеством слухов и домыслов, а во-вторых, «горячие», не всегда объективные комментарии разных людей, до которых смогли дотянуться журналисты после 7 января, стали создавать информационный «шум», проявились ангажированность и модные акценты в описании событий, тем самым искажая картину произошедшего. Мы смогли бы описать информационное поле, которое формировалось вокруг событий, и выделить факторы, которые оказывали влияние на этот процесс, но мы бы мало что узнали о самих событиях.

Кто же может рассказать о самих событиях, если не его участники и очевидцы? Именно они являются носителями той самой информации «из первых рук», которую мы хотели изучить. Нам нужны были свидетели. И мы решили обратиться к опыту личных интервью. В качестве метода исследования было решено использовать нарративный анализ, поскольку он, по нашему мнению, в полной мере соответствовал поставленной задаче осуществить реконструкцию случившегося на основе повествований очевидцев и участников, попробовать выстроить хронологию событий, произошедших в эти январские дни и проследить их развертывание в воспоминаниях свидетелей.

---

²По информации заместителя руководителя «Управления предпринимательства и инвестиций» города Алматы Кайрата Нуркасымова, с января 2022 года было рассмотрено 1 647 заявок от представителей малого и среднего бизнеса на сумму 16 млрд 194 млн тенге. https://el.kz/ru/na-16-mlrd-tenge-vozmeschchen-uscherb-biznesu-postradavshemu-v-hode-yanvarskih-sobytiy_61038/

Таким образом, источниковой базой данной книги послужили нарративные интервью с горожанами, проведенными в течение второй половины января – первой половины марта 2022 года. Интервьюируемые определялись с помощью метода «снежный ком». Всего было проведено 60 интервью. Респондентами выступили предприниматели, пожарные, сотрудники частных компаний, таксисты, военные и полицейские, как действующие, так и на пенсии, безработные, самозанятые, журналисты, политические активисты и общественники, представители ассоциаций, преподаватели вузов, повара, представители госорганов, студенты, пенсионеры, иностранные граждане.

В соответствии с характеристиками нарративного исследования можем выделить повествователей, рассказчиков, в лице которых выступали участники интервью, которые в те дни находились на площади Республики или двигались к ней по проспектам и улицам города; были случайными свидетелями или участниками отдельных актов мародерства и вандализма, или все дни наблюдали за происходящим из окон своих квартир, или выполняли свои профессиональные обязанности.

Чтобы помочь респондентам в их повествовании нами был разработан специальный путеводитель, включающий в себя несколько блоков вопросов, касающихся разных аспектов, например, таких, как: начало событий для каждого интервьюируемого; источники информации о происходящем в Алматы в условиях отсутствия интернета, блокировки социальных сетей и однообразности телевизионной картинки; причины вовлечения в события и характер участия; оценка действий митингующих и городского акимата, городских служб, органов правопорядка. Особое внимание в разговорах уделялось следующим вопросам: как и почему было принято решение о движении в сторону площади Республики? Какие лозунги выдвигали участники марша? Чувствовалась ли хаотичность в движении или действия были организованными, упорядоченными? В целом, как оценивалось происходящее и что пугало больше всего в эти дни? Почему именно в Алматы последствия выступлений были такими разрушительными?

Все рассказчики в той или иной мере последовательно излагали события тех часов и дней, которые они пережили, и почти все они выражали свое отношение к тому, что произошло, и как они это проживали. Мы посчитали важным передать эмоциональную составляющую нарративов респондентов. По этой или другим причинам имена рассказчиков где-то были изменены, в каких-то случаях отсутствуют.

Цитаты мы постарались сохранить максимально соответствующими оригиналу, убрали лишь не несущие смысла фрагменты.

Мы также понимали, что в повествованиях об одном и том же событии могут возникать несоответствия или даже противоречия между рассказами разных людей. Поэтому ставили задачей последовательно изложить в книге события, о которых говорили участники интервью, в той или иной мере логично стыкуя их повествования друг с другом.

В работе с текстами мы совместили два подхода к анализу нарративов. На основе категориального подхода полные тексты нарративных интервью, полученные от разных собеседников, были разбиты на отдельные части, отнесенные к категории «день» – 4, 5 и 6 января, и подкатегории «характерные интервалы суток» – утро, день, вечер и ночь. Таким образом была составлена хронология событий так, как она коллективно виделась нашим собеседникам. С другой стороны, был использован холистически-содержательный способ интерпретации некоторых нарративов, который помогает выявить связь отдельных деталей с общим контекстом. При этом, уважая мнение собеседников, мы постарались изложить их воспоминания того или иного эпизода целостно, сохраняя эмоциональные особенности передачи их наблюдений и переживаний. В конечном счете, на основе категориального и холистического подходов был получен «нарратив в нарративе», итоговый материал, который и представляем читателям. Также в конце книги в приложении приведены полные интервью некоторых респондентов. Интервью были отобраны с учетом содержательности рассказа, вовлеченности собеседника в события и его социального статуса (пожарный, полицейский, журналисты, участники шествия 4 и 5 января и другие).

В самом начале проекта, поскольку респондентов мы искали по горизонтали, двигаясь «снежным комом» от одного собеседника к другому, нам крайне важным представлялось выдержать квотирование респондентов, чтобы не было перекоса повествований представителей той или иной группы. Но в последующем при написании текста, мы столкнулись с пониманием, что, заботясь о квотировании по целевым группам, мы несколько упустили распределение интервью по дням протеста. Поэтому есть некоторый перекося в объемах текста: так, по 6 января свидетельств несколько меньше, чем по 4 и 5 января.

Тем не менее, триединая задача, поставленная в отношении отбора респондентов, была практически выполнена, а именно:

- должны быть опрошены те, кто мог рассказать именно о тех трех

днях января, вне зависимости от того, были ли они в числе активных участников протестов или являлись наблюдателями;

- должны быть опрошены те, кто был вовлечен в события в силу своих профессиональных обязанностей: медицинские работники, которые оказывали помощь пострадавшим; представители правоохранительных и силовых структур, пожарные, журналисты, которые были в гуще событий; волонтеры, которые помогали горожанам в эти дни; и также, поскольку город подвергся массовому мародёрству, должны быть опрошены предприниматели, которые понесли ущерб от подобных деяний;

- и, наконец, мы изначально делили всех потенциальных респондентов на три группы: участники, свидетели и очевидцы, предполагая при этом, что кроме непосредственных участников выступлений (включая и мародеров), есть те, кто являлся свидетелем событий (например, пассажир международного рейса, в числе других просидевший в самолете всю ночь с 5 на 6 января) и очевидцем (например, жительница дома на Площади Республики).

Вместе с тем, что большая часть собственных требований к выборке нами была выполнена, есть аспект, на который хотелось бы обратить внимание. К сожалению, несмотря на все прилагаемые нами усилия по рекрутированию респондентов из числа медицинских работников г.Алматы, нам не удалось взять ни одного (!) интервью у представителей этой группы, хотя ее роль в условиях многочисленных жертв и пострадавших среди горожан и правоохранителей была, безусловно, очень важной. Нам представляется этот момент острым и вызывающим вопросы, поскольку не совсем понятно, что могло вызвать «круговую оборону» медиков – связанность некой присягой, врачебная этика или, как утверждал один из респондентов, *«страх перед скрывшимися боевиками, которые, зная, где работают медики, могут прийти и отомстить»*.

К нашей досаде и сожалению, мы не смогли выполнить намеченный объем выборки в 100 интервью, который определили в начале реализации проекта. Во второй декаде марта 2022 года большая часть сотрудников, проводивших интервью, заболела коронавирусом. А при возобновлении работ (после праздников Наурыз) мы столкнулись с тем, что время и информационный фон стали играть против нас. «Мы на работе обсудили», «мама мне объяснила», «я прочитал в комментариях» – эти слова стали сопровождать рассказы респондентов, и мы поняли, что время нарративов на этом закончилось, появилось много

интерпретаций событий и корректировок много раз произнесенных воспоминаний. Поэтому было принято решение закончить сбор первичной информации.

И все же, считаем, что собран хороший эмпирический материал, который позволил выполнить задачу восстановления хронологии событий трех январских дней 2022 года как она виделась глазами участников и свидетелей.

В работе по сбору первичных данных участвовали 5 интервьюеров. Беседы, в основном, проводились очно, но также некоторые интервью, по желанию респондентов (для сохранения анонимности), проводились онлайн и по телефону. Участники интервью могли отвечать на наши вопросы на казахском и русском языках, поэтому в тексте книги приведены цитаты на двух языках. В случае, если цитата приводилась в тексте на казахском языке, в ссылках курсивом был предложен адаптированный перевод на русский язык. Отметим, что длительность интервью разных респондентов заметно отличалась. Интервью в среднем длились от 40 минут до 2 часов. Во многом это было связано с тем, в какой мере опрашиваемые были вовлечены либо в сами январские события, либо какой период времени являлись наблюдателями за ними.

Надо признаться, когда мы уже начали встречаться с людьми и брать интервью, все еще были сомнения в том, найдет ли наша работа поддержку, будет ли она интересна кому-то еще, кроме нас. Но наши сомнения вскоре развеялись. Все, кто узнавали, что мы собираем «январские истории», проявляли искренний интерес к нашей работе, помогали в поиске очевидцев для интервью. Сами интервьюируемые, узнавая о цели беседы, старались дать более расширенные ответы, без оговорок старались вспомнить и уточнить даже самые мелкие детали.

В тексте используются слова: «митингующие», «протестующие», «толпа», обозначающие участников митинга. Их использование главным образом определено тем, как эти действующие лица были обозначены нашими собеседниками во время интервью, и не являются, и не отражают отношения или предпочтений авторов книги. Также в рассказах некоторых респондентов площадь Республики фигурирует под старым названием «Новая Площадь».

Хотим уточнить, что эта книга не для того, чтобы кого-то обвинить или оправдать, – не стоит искать скрытый умысел там, где его нет. Эта книга, чтобы помнить, как это было, чтобы почувствовать атмосферу тех трех дней, чтобы рассмотреть, что происходило не только на ули-

цах города Алматы, но и в домах алматинцев. Мы видим эту книгу, как структурированный архив воспоминаний свидетелей, с надеждой, что она станет не только источником информации о январских событиях 2022 года в г.Алматы, но и будет использоваться для исследовательских целей теми, кто захочет глубже понять содержание и движущие силы протеста.

Мы выражаем глубокую признательность и благодарность всем, кто доверился нам и согласился рассказать – для многих это был первый разговор о пережитом – о том, что происходило вокруг них, как это воспринималось, переживалось с их угла зрения, что они чувствовал и что они делали в эти дни. По факту все эти люди являются нашими соавторами, потому что в книге звучат их голоса.

**4 ЯНВАРЯ:
ПРОБУЖДЕНИЕ**

УТРО

События 4 января – первого дня алматинской истории – произошли во второй половине суток. Утро для многих было обыкновенным – начало обычного посленовогоднего дня. Школьники и студенты на каникулах.

Каждый день, отправляясь на работу и возвращаясь домой в поселок Иргели, Замира с мужем проезжают мимо рынка «Алтын Орда». Еще накануне Нового года, 31 декабря, она обратила внимание мужа на то, что необычно много междугородных автобусов собралось на автовокзале, в районе рынка, куда приезжают автобусы из Тараза и Шымкента. *«У меня, может быть, эта привычка, я не знаю, но я каждый день обращаю внимание на то, что там стоят автобусы. И как-то мы заинтересовались, и с мужем посчитали: в обычные дни рядом с этим автовокзалом стояло 20 автобусов, ну, плюс-минус. Когда праздничные дни, автобусов, бывало, до 30. На новогодние праздники там уже стояло около 60 автобусов, междугородние, большие, вместительные».*

Возможно, в этом не было ничего удивительного, а имел место наплыв иногородних жителей, желающих посетить Алматы на праздники, поэтому связи с описываемыми событиями здесь нет. Мы этого не знаем, и искать эту связь не входит в наши задачи. Однако наблюдение было сделано. Утром 4 января Замира почувствовала легкую тревогу и от вида большого количества патрульных полицейских машин, но связала это с обычным усилением мер безопасности, свойственным праздничным дням. Ближе к вечеру она снова обратила внимание на автобусы, которых уже было, по ее оценкам, около 100. *«Меня это удивило, я еще мужу сказала: «Праздники почти закончились, середина каникул, кто хотел уехать – уехали, кто хотел приехать – приехали. Почему такое огромное количество автобусов?».*

ДЕНЬ

Примерно в 16:00 по городу местами начал пропадать мобильный интернет, стационарный интернет при этом работал. Это позволяло людям следить за новостями. Те, кто собрались на митинг, через VPN передавали трансляции с места сбора. Работала также телефонная связь, и горожане имели возможность сообщать друг другу о своих планах. Многие получали сообщения с призывами выйти на митинг в поддержку протестующих в Жанаозене³. Примерно в это же время (около 16:00) люди начинают собираться возле Театра традиционного искусства «Алатау», расположенного в районе пересечения проспекта Рыскулова и улицы Момышулы. Кроме театра, здесь расположены Олимпийский городок и спортивный комплекс «Алматы Арена». Через пару часов в этом районе можно было заметить полицию и отдельно стоящие группы митингующих в количестве до нескольких сотен человек. Еще через пару часов, возможно узнав о намерении людей с восточных окраин города (ВОАД, Восточная объездная автомобильная дорога) идти в сторону городского акимата, митингующие возле «Алматы Арены» в количестве уже нескольких тысяч человек начинают шествие к центру Алматы. Место назначения – Площадь Республики.

Политический активист с многолетним стажем А. давно анализирует процессы в Казахстане и в мире и считает, что невозможно спрогнозировать, когда случится резонансное событие, и что может стать триггером для мобилизации широких масс. *«Вот арабская революция, как она началась, когда экспансивная, экспрессивная женщина-полицейский ударила парня, пощечину дала, он пошел на самосожжение, и 100 миллионов с лишним арабов поднялись, смели несколько режимов. Поэтому это невозможно было предсказать»*. В своей политической деятельности А. с соратниками много общаются с городской интеллигенцией, встречаются с профессурой, историками, философами, политиками и понимают, что со-

---

³Жители Мангистау вышли на митинг против повышения цен на сжиженный газ. Газета «Ак жайык», 02.01.2022 г. – <https://azh.kz/ru/news/view/81755>; Жители Жанаозена перекрыли дорогу, протестуя против повышения цен на газ, 02.01.2022 г. – <https://rus.azattyq.org/a/31636220.html>

бытия в Казахстане также назревали постепенно. Было понятно, что накапливается недовольство людей, и в какой-то момент должен произойти выплеск.

События в Жанаозене внимательно отслеживались, и когда 4 января «вышел Атырау», А. и его соратники стали призывать жителей города собираться возле «Алматы Арены». «Почему не стали в центр призывать – я думаю, потому что, с одной стороны, это уже «намоленное» место, с другой стороны, полиция всегда перекрывает за 2 квартала вниз, вверх, сбоку, слева и не пройдеши. И мне кажется, власти не думали, что на окраину города соберутся». Было озвучено время – 18:00 вечера.

Очевидец Кайнар, услышав о происходящих событиях, решает проехать по городу, чтобы своими глазами увидеть, что происходит на улицах. Заметных скоплений жителей, по его словам, не было, правда, как обычно во время митингов, на улицах было много полицейских. Около 16:00 мобильный интернет начали глушить, но домашний беспроводный интернет работал, и в соцсетях шло бурное обсуждение ситуации в стране. Кайнар узнал об этом по возвращении домой, который находится в нижней части города. Примерно к 19:00 ему стало понятно, что возле «Алматы Арены» что-то начинается происходить. «Надо сказать, что вначале в Алматы народ спонтанно вышел, – там не было явного лидера, – он не знал, куда собираться и так далее. Как я понял, Жанболат Мамай сказал, что возле «Алматы Арены». Кто-то, возможно, не понял, и собирался возле «Халык Арены». Я смотрел в Facebook трансляции людей, они через VPN смогли вести прямые репортажи».

Днем 4 января Ерлан, 29-летний житель Алматы, замечает, что сообщение, которое он написал в 17:20, не дошло до адресата. Кроме того, не работает сеть Instagram. «Сағат 18:00 болмай тұрып, интернетті толығымен өшіріп тастады. «Жетісуде» тұратын досымнан сұрап едім, интернет бар, бірақ әлсіз деді. Ал «Алматы Аренада» мүлдем болмады»⁴. В 18:30 Ерлан вышел из своего дома, чтобы посмотреть, что происходит на улице, и увидел толпу людей возле «Алматы Арены», среди которых замечает лидера Демократической партии Жанболат Мамай: «Жанболат Мамайдың жанында 50 адамдай бар, бірақ 50 адамға 200 ОМОН⁵ тұр. Ал біз бергі жағында, 300-400 шақты адам, қорқып тұрмыз. Ара-

⁴ «Еще не было и 18:00 часов, когда отключили интернет. Когда спросил у друга, который живет в микрорайоне «Жетісу», он ответил, что сигнал есть, но слабый. А на «Алматы Арене» не было совсем».

⁵ Отметим, что в интервью многими респондентами использовалось понятие «ОМОН», как одним из подразделений правоохранительных органов, противостоящем митингующим. На самом деле речь идет о СОБРе – Специальном отряде быстрого реагирования МВД РК

сындагы адамдар: «шығыңыздар, шығыңыздар!», – деп айқайлайды»⁶.

К назначенному времени собрались около 300 митингующих и 200 сотрудников полиции и СОБР. Организаторы митинга, пользуясь мегафоном, при любом удобном моменте напоминали собравшимся о его мирном характере. Собравшиеся полицейские также просят людей сохранять мирный характер митинга. Это было важно, чтобы любым неосторожно сказанным словом или действием не спровоцировать конфликт. Но примерно через полчаса после начала митинга завязались первые стычки с полицией, нескольких активистов задержали. У одной из организаторов силой отняли рупор. «Оперативник в гражданском, типа титушник⁷, но мы их знаем на лицо, потом на следующий день на митинге видели этих титушников, ребята опознали его. Трех забрали, народ потихоньку стал рассеиваться, и они начали нападать, рассеивать людей», – так описал начало событий политический активист А.

Журналист Асылхан, узнав о призывах собираться возле «Алматы Арены», направился к указанному месту сбора и на месте наблюдал за развитием событий. Он и до этого по роду профессии отслеживал развитие протестности в стране, встречался с людьми, и считает, что народ вышел сам, чтобы заявить о своем несогласии с имеющейся социальной несправедливостью.

По словам Ерлана, «Алматы Аренадан» «Алатауға» (театр) қарай жүргенде, әйелдер жүр, әжелер жүр, бала-шаға, бәрі жүр. Үйінен халатпен шығып жүргендер де бар. Есімде қалғаны, үлкен апамыздың айтқаны: «Намыстарың жоқ па? Бір күн тұрсаңдар не болыпты? Маңғыстауда қыс, суық, бірақ адамдар шығып жүр» – деген еді»⁸.

40-летний работник одной из алматинских компаний Едил ехал в автобусе в сторону спортивного комплекса «Алматы Арена». Мужчина планировал поддержать протестующих. В течение дня он активно смотрел в социальных сетях ролики со всей страны: сначала Жанаозен, затем другие западные области страны, другие города и, наконец, Алматы. Как утверждал мужчина, он устал от беззакония и несправедливости, существующих в Казахстане 30 лет, и поэтому ре-

⁶ «Около Жанболат Мамай было около 50 человек, на эти 50 человек стоят 200 ОМОНовцев. А мы с этой стороны, человек 300–400, боимся. Люди среди них кричат: «выходите, выходите!»».

⁷ «Титушки» — собирательный термин, возникший в мае 2013 года на Украине, первоначально для именованя молодых людей, негласно используемых местными властями в качестве подстрекателей и наёмников для организации силовых провокаций, потасовок, иных акций с применением физической силы.

⁸ «Когда пошли по направлению от «Алматы Арены» до «Алатау» (театра), в толпе шли женщины, бабушки, дети, все шло. Были женщины, которые вышли из дома в халатах. Я помню, что сказала взрослая женщина: «У вас нет чести? Что произойдет, если вы постоите один день? В Мангистау зима и холодно, но люди выходят», – сказала она».

шил выйти на митинг.

Доехав до места, Едил увидел много людей: молодежь, женщин, мужчин, стариков. Когда собралось около 2–3 тысяч человек, полиция начинает задерживать активистов из числа митингующих. Едил ранее служил в спецподразделении одной из силовых структур и хорошо понимает тактику сотрудников и понял, что силовики не смогли справиться с сопротивлением такой огромной массы и отступили. По словам Едила, силовики наблюдали за протестом в течение часа, а затем покинули место митинга.

Адилхан из Каскелена добирался до Театра искусств «Алатау» примерно к 19:00 и увидел, как собираются горожане, чтобы выразить свою позицию. Так же, как и Ерлан, и другие участники митинга, Адилхан смотрел, как сотрудники полиции препятствовали проходу людей к трибуне, а когда количество протестующих достигло нескольких тысяч, предприняли попытку их разгона. *«Сотрудники полиции сначала не пускали людей, которые подтягивались разрозненными группами, там люди начали кричать: «Присоединяйтесь!». В общем, когда уже 3000 человек набралось, сотрудники СОБРа в черной одежде, по-моему, были, они, начали предпринимать попытки штурма и захвата участников. То есть, они нападали и пытались по одному уволочь митингующих в эти машины, но люди начали их отбивать, и обратно к себе забирать. Они, по-моему, только 5 или 6 человек забрали, и вот это продолжалось часа два. Я стоял и со стороны смотрел за этим».*

Находившегося там оппозиционного политика Жанболата Мамая, который выступал в соцсетях с призывами выйти на митинг, полицейские быстро задержали и увезли. Это было примерно в 18:50. Люди при отсутствии лидеров оказались предоставлены сами себе, не зная точно, зачем они собрались и какие лозунги выдвигать. Многие обращались друг к другу с просьбой выступить, но что-то сказать от лица собравшихся оказалось некому. *«Мен соның ишінде, бас жағында тұрдым топтың, сонда былай деп айтады: «Біреуің сөйлесеңдерші», – дейді. Ол жерде сөйлейтін адам да жоқ. Сөйлейтін, басқаратын, «былай істейік», – дейтін адам болған жоқ»*,⁹ – об этом, в частности, говорил и журналист Асылхан.

В свою очередь журналистка Карина узнает о сборе людей районе «Алматы Арены» только к вечеру. По ее рассказу в середине дня она была на Площади Республики, увидев в Фейсбуке призывы Жан-

⁹ «Я стоял в начале толпы, и кто-то сказал: «Пусть кто-нибудь выступит!». Говорить некому было. Некому было руководить, сказать: «Давайте сделаем так».

болата Мамай собрался там на митинг в поддержку протестующих в Жанаозене. Днем ранее, 3 января, на эту же Площадь уже выходили на митинг около 15 сторонников Мамай и Демократической партии. Попыткам Мамай организовать митинг на Площади Республики во второй раз, 4 января, помешали действия полиции. Когда Жанболат и один из его соратников направлялись в назначенное место, их автомобиль был остановлен сотрудниками полиции, которые отказались пропустить их на Площадь. В итоге Мамай изменил планируемое место сбора людей и призвал их выходить к спортивному комплексу «Алматы Арена». Карина и ее коллеги также прибыли к спорткомплексу. *«Нас пропустили, потому что у нас на машине была табличка «Пресса» на лобовом стекле. Мы туда приехали часов в 7 вечера, там уже Момышулы в районе Рыскулова была перекрыта полицейскими. Чуть ниже Рыскулова уже собирались какие-то люди, уже СОБР куда-то бежал. Мы решили доехать до самой «Арены»».*

В это время на ступеньках театра «Алатау» стояли люди, которые пели гимн и скандировали лозунги «Мы с Жанаозеном» и «Шал, кет!»». По словам Карины, митингующие не похожи на алматинцев, потому что «вели себя по-другому». *«Здесь были молодые парни, казахи, явно неместные, говорили только по-казахски. Иностранной речи я не слышала. На каждых 10–15 митингующих были молодые ребята, уже городские, тоже казахи, но такие светленькие, прекрасно говорящие по-русски, образованные, и они следили за тем, чтобы митингующие ни на кого не нападали. Потому что кто-то попадался пьяный, кто-то агрессивный. И при попытках что-то начать, они этого человека оттесняли, извинялись, уводили».*

По наблюдениям Асылхана, у участников стихийного митинга в этот момент еще нет намерения пойти «сечь акимат». Но события развиваются стремительно, людей становится все больше и больше. Против них был выставлен небольшой контингент, состоящий из полицейских и бойцов Национальной гвардии, – в количестве около сотни человек – который пытался противодействовать проведению несогласованного с властями митинга.

Ерлан, вернувшись домой, быстро оделся потеплее и вновь вышел на митинг. Он также позвал с собой двоюродного брата. За это время толпа перед театром «Алатау» увеличилась до 1500-2000 человек: одни пели гимн, другие скандировали «Қазақтар, алға!» и другие лозунги.

Как представитель государства, к протестующим вышел прокурор и в громкоговоритель начал призывать людей разойтись, потому что

данный митинг не был согласован с городскими властями. Однако его никто не хотел слушать. Журналист Асылхан отметил, что представители акимата, которые могли бы выслушать требования протестующих или начать с ними какой-либо диалог, так и не появились. *«Саяси технологияда бұндайды «пар шығару» деп айтады. Яғни пар шығарса халық өзі қайтады сол жерде. Егер сол жерге әкімдік келіп, «міне, микрофондарың мынау тұр, осы жерде сөйлеңдер, біз тыңдаймыз дейтін болса», – бәлкім олар айтып-айтып, сол жерде тарқап кетуі әбден мүмкін еді»¹⁰.*

Журналист заметил, что требования людей постепенно становятся политическими, а лозунг «Шал, кет!» превращается не только в требование ухода бывшего президента Назарбаева с политической арены, но и в призыв демонтажа той политической системы, которая была построена в период его правления. *«Ол жерге Алматының әкімі барғанмен де, «Шал, кет!» деген ұранға ол жауап бере алмайды. Бірақ дегенмен де ол сол жерде өйтіп-бүйтіп тоқтатуына, әр түрлі уәде беруіне, ертең келіс-сөзге шақыруға мүмкіндігі бар еді. Бірақ, оның ешқайсысын қолданған жоқ»¹¹.* Люди, которых призвали собраться в поддержку Жанаозена, перешли к политическим лозунгам, выкрикивая: «Шалдар кетсін!», «Билік кетсін!» («Долой стариков», «Долой власть!»).

Итак, по мере разрастания противостояния, сотрудники полиции перестали справляться с численным перевесом митингующих, которые уже не давали никого задерживать. *«Бірақ 100 адамды 3000 адамға қарсы қойып, шетінен ұстап алып кетем деген өте бір дұрыс емес нәрсе зой. Былайша айтқанда, ақымақтық деуге де болады. Міне, дәл осы әрекеті бейбіт тұрған адамдарды қатты ушықтырып жіберді. Мен өзім көзіммен көрдім. Полиция келіп адамдарды ұстай бастаған кезде, адамдар қарсылық көрсетті де, ешкімді бермей қойды. Ешкімді берген жоқ. 100 ОМОН эшейінде автозакка күштеп салып алып кететін, 100 ОМОН түк істей алған жоқ»¹².* После часа-полтора противостояния с силовиками люди, уже порядком разгневанные и почувствовавшие свою силу, начали призывать идти на

¹⁰ «В политтехнологиях это называется «выпустить пар». То есть, если выпустить пар, люди сами успокоятся. Если бы туда пришли акиматовские и сказали: «Вот ваши микрофоны, говорите здесь, мы слушаем», – они бы поговорили и возможно разошлись».

¹¹ «Если аким Алматы поехал бы туда, он бы не смог ответить на лозунг «Старик, уходи!». Однако у него была бы возможность на этом остановить, дать различные обещания, призвать к завтрашним переговорам. Но он ничем из этого не воспользовался».

¹² «Но ставить 100 человек против 2000–3000 человек, и хватать их с краю – это очень неправильное дело. Другими словами, это глупо. Именно этот поступок очень разозлил мирных протестующих. Я видел это своими глазами. Когда пришла полиция и начала арестовывать людей, люди начали сопротивляться и отказывались кого-либо выдавать. Никого не отдали. 100 ОМОНцев обычно насильно увозили митингующих на машинах, а тут 100 ОМОНцев ничего не смогли сделать».

Площадь Республики.

Адилхан, который наблюдал за событиями со стороны, также понимал, что у собравшихся людей нет своих лидеров, и они не имели представления, какие действия нужно предпринять. Выглядело так, что план «пойти на Площадь» – Площадь Республики – сформировался достаточно спонтанно. *«Потом народ пошел к дороге, и там прямо слышно, что они не знали куда пойти. Начали кричать, и потом все сказали, что надо идти в сторону Площади, потому что кому-то начали звонить, и говорить, что со стороны «Думана» (прим. с восточной части города) люди тоже хотят пойти на Площадь. И чтобы это не было разрозненно, нужно всем пойти на Площадь, там госорганы, там можно требовать».*

Спецподразделения полиции отступили и затем покинули свои места, когда произошло значительное увеличение числа участников стихийного митинга. Попытки выставить барьеры в виде БТР и тяжелых машин также не увенчались успехом. Расстояние от «Алматы Арены» до проспекта Рыскулова быстро заполнилось людьми. На проспекте Райымбека Ерлан увидел, что количество людей еще больше увеличилось, и движение по нему полностью прекратилось: *«Момышулымен көтеріліп, Райымбек даңғылындағы өткелден қарасам, алдында адамдар өте көп. Момышулы толығымен жабық, қозғалыс нөл. Артындағы адамдардың саны Райымбектен Рыскулова көшесіне дейін жетеді»¹³.*

В какой-то момент после начала митинга и отъема мегафона у его организаторов, А. вместе с двумя соратниками сели в машину и начали объезд городских РОВД, пытаясь найти задержанных. А когда они вернулись к «Алматы Арена» увидели, что там собралось уже несколько тысяч человек, и началось движение по улице Момышулы. А. присоединился к движению. *«Это удивительное было ощущение! Единение людей, призывы, люди шли, пели гимн и «Шал, кет!» кричали, никакого хулиганства. Я одного парня заметил, может пару эксцессов».* Толпа, оцениваемая А. в 20 тысяч человек, растянулась на 3–4 километра. В ходе движения соратники А. и он сам говорили, общались с людьми, узнавая об их настроениях и о том, что они думали в связи с тем, что происходило вокруг.

Отслеживая ситуацию с помощью друга, который живет рядом с «Алматы Ареной», Кайнар узнал, что около 20:00 там собралось примерно 2000 человек, *«все мирно проходит, даже тех, которые хотят*

¹³ «Когда я поднимался по Момышулы по переходу на проспекте Райымбека, передо мной было очень много людей. Момышулы полностью закрыта, движение транспорта нулевое. Количество людей растянулось от Райымбека до проспекта Рыскулова».

бунтовать, народ сам успокаивает, потому что это мирный митинг». Кайнар со своим отцом решили увидеть происходящее своими глазами, «потому что тут реально, возможно, войдет в историю, мы тогда не знали, какие последствия, какие результаты будут, мы просто думали, это реальный митинг, нужно просто постоять. Отец рядом со мной, он как старший, если будут рядом какие-то провокаторы, чтобы их утихомирить». Но когда они приехали к «Алматы Арене», то поняли, что опоздали, как и другие желающие, которые разворачивались возле перекрытой улицы Момышулы. На тот момент основная масса людей уже двинулась в сторону центра города.

ВЕЧЕР

Вечером 4 января начинается усиление работы личного состава пожарной охраны. По словам пожарного Олжаса, «4-го у нас уже усиление было, личный состав полностью заступал в усиленном варианте, не как обычно, полный состав, два караула. И уже мы поняли то, что вызовы начали поступать, и уже нужно было выезжать с решетками, со всеми. В итоге мы своим здоровьем рисковали, жизнью, потеряли материально-техническое оснащение в виде пяти пожарных машин».

О тревожной ситуации в городе и принятых мерах обеспечения безопасности рассказал и капитан полиции Ризабек. По его словам, усиление мер по обеспечению общественного порядка, которое происходит в начале празднования Нового года, является обычной практикой для сотрудников правоохранительных органов. 4 января в 8:00 он вышел на работу по «усилению». Около 17:00-18:00 пришло сообщение о том, что начинается митинг, «Алматы Аренаңыз» алдында басталды»¹⁴. Как отметил Ризабек, их могли бы отправить в район, где проходит митинг, еще в 18:00, однако и в 21:00 он и его коллеги все еще находились в своей части: «21:00-ге дейін куттік. Хабар келді: «болды, ешкім үйге қайтпайды, өйткені «Алматы Аренадан» келе жатыр» деді»¹⁵.

В тоже время в верхней, южной, части города Айгуль около 20:00-20:30 позвонила удивленная сестра и сказала, что по улице Навои от Парка Первого Президента идет толпа людей в количестве около 70-100 человек, выкрикивая слова «Шал, кет!» и «Алға, Қазақстан!». Айгуль поразили не эти лозунги, а то, почему демонстрацию проводят поздно вечером, в темноте, а не днем, как это бывает обычно.

А в противоположной части города, на восточной окраине, в районе другого спортивного комплекса «Халық Арена» также собрались те, кто хотел принять участие в митинге. Предприниматель Замир рассказал, что примерно в 20:00 он заметил перекрытие дорог по направлению из ТРЦ «Достық плаза» в сторону его дома в Малой станице. Замир также фиксировал, что его улица заставлена необычно большим

¹⁴ «Началось перед «Алматы Арена»».

¹⁵ «Ждали до 21:00. Пришло известие: «все, никто домой не идет, потому что идут с «Алматы Арены»».

количеством машин с областными номерами. Его отец решил пойти посмотреть, что происходит возле спортивного комплекса «Халык арена». *«Он сказал, там толпа просто стоит, и собирается идти в город. Они собрались, машины все бросили на моей улице, все были колхозники, приезжие, и пешком пошли по Восточке, где-то уже часов 10 вечера было. Отец, когда пошел туда посмотреть, ему говорили, пойдёте с нами на Площадь. Чего вы здесь ходите? Так молодежь была настроена, без дубинок, без ничего. Тупо сейчас толпой пойдём. Там настроения были такие – пойдём за Жанаозен, поддержим. Никто не был, что пойдём в магазин ограбим. Там такого, прямо каких-то деструктивных тренировок вообще не было».*

Вечером 4 января, молодой предприниматель Жандос, вместе со своими родственниками, приехавшими на празднование Нового года из другой области, гуляли по городу. Во время ужина около 21:00 Жандос решил посмотреть новости в Telegram, так как в последние дни слышал о протестах на западе страны, но обнаружил, что интернет заблокирован. Он почувствовал неладное, собрал свою семью и вернулся домой. Приехав домой в 22:00, Жандос через прокси-сервер открыл Telegram-каналы «ORDA» и «Vlast», где стал смотреть события, разворачивающиеся возле «Алматы Арены». *«Там какие-то страницы Telegram вели прямой эфир. Выкладывали каждые 10–15 минут видео. И я вот наблюдал за событиями. Протестующие призывали: «Давайте все соберемся, пойдём на Площадь, и там будем выдвигать свои требования. И как западные люди будем стоять там со своими лозунгами».* Следя за разворачивающимися событиями через социальные сети, он даже не догадывался, что скоро ему придется вернуться в центр города и увидеть все своими глазами.

В это время колонна митингующих, которая двигалась со стороны спорткомплекса «Алматы Арена», продолжала свое движение. Примерно в 22:00, по свидетельствам журналиста Карины, которая с коллегами сопровождала митингующих, люди двигались по улице Момышулы, при этом полиция практически не препятствовала движению. Возле гипермаркета «Магнум», расположенного выше по улице Момышулы, собралась другая группа протестующих из нескольких сотен человек. Они присоединились к группе, собравшейся возле «Алматы Арены», и все вместе двинулись по улице Момышулы в южном направлении. *«Ближе к Рыскулова-Момышулы пытались перекрыть грузовиками. Ну, и что? Толпа сразу эти грузовики обошла с разных сторон, их это не остановило. Полицейские отошли в сторонку, прижались к какому-то заборчику, закрылись щитами и тихо стояли. Потом кто-то из митингующих пы-*

тался на них напасть, ну не так чтобы. Они все безоружные были. Но подбежал какой-то человек, стал отгонять их от полицейских».

Карина зафиксировала и момент, когда силовикам удалось кратковременно разогнать толпу, при этом полиции, вооруженной дубинками, практически не приходится применять серьезных усилий. «Видимо, полиция получила приказ, они быстро строем выбежали на Момышулы, их грузовик поехал, и они строем за этим грузовиком, вниз по Момышулы. . . эта толпа дошла до Рыскулова, вроде такая большая толпа, и вдруг как-то быстро рассосались. Почти моментально, 10 минут и почти никого нет. . . ». Когда ей показалось, что на Момышулы все закончилось, Карина с коллегами поехала к Площади Республики. На проспекте Райымбека обнаружили пробки: очень много автомобилей двигалось в сторону центра города.

Участники митинга, повернув с улицы Момышулы на восток на проспект Абая, пошли по обеим сторонам проспекта, не перекрывая движения. Некоторые хозяева автомобилей подсаживали к себе попутчиков «(көлік иелері) машиналарын бұрып, нөмірлерін шешті. Біз біреудің машинасына отырып алдық, шаршадық, жаяу жүру оңай емес. Тағы қайталап айтамын, кафелер, дүкендердің барлығы істеп жатты. Көптеген қымбат көліктердің иелері нөмірлерін шешіп, халықпен бірге митингіге шыға бастады. Не байқадым? Бір полиция қызметкері жоқ, әскерилер Рысқұлов-Момышулына жетпей қалып қойды»¹⁶. При подъезде к перекрестку проспектов Абая и Сейфуллина 40-летний Ерлан увидел огромную массу людей. Идя по верхней стороне проспекта Абая, он в толпе добрался до центральных (вертикальных) улиц и потом до Площади, где собралась многотысячная толпа.

Айбар работает водителем в Яндекс такси. Получив по WhatsApp сообщение от друга, что на проспекте Аль-Фараби в районе Парка Первого Президента будет митинг, он сначала отправился туда. Однако в районе Парка он никого не застал, но получил информацию о другом митинге возле «Алматы Арены», Айбар рванул туда, и, оставив машину на одной из улиц, присоединился к пешему шествию. Когда разросшаяся масса людей вышла на проспект Абая, он начал чувствовать усталость: возможно, из-за характера профессии, у него часто болят ноги. Кто-то из участников шествия посадил его в маши-

---

¹⁶ «(хозяева машин) разворачивали машины и снимали номера. Мы сели в одну машину – устали, тяжело идти пешком. Еще раз повторяю, кафе, магазины – все работало. Хозяева многих дорогих автомашин снимали номера и стали присоединяться к митингу вместе с народом. Что я заметил? Не было ни одного сотрудника полиции, военные отстали, еще не доходя до Рыскулова-Момышулы».

ну, которая довезла его до пересечения проспектов Абая и Гагарина. *«Ешқандай бұзақылық, қиратуға үндеу де болмады, әрекетте те болмады, керісінше, халық мерекеде жүрген сияқты болды. Білмеймін, неге екенін, халықта қуаныш сезімі болды, менде де сондай сезім. Сол жерде жүргенде көзге жас келіп, жылағың келеді, мойындағы ауыр жүкті түсіргендей. Үлкен мереке. Өмірімдегі ең ұмытылмайтын сәттердің бірі, сол сәтте халық өте қуанышты болды, бәрі бір-біріне көмектесіп, су беріп, дүкеннен азық-түлік сатып алып, печенье таратып, қамқоршы болды»¹⁷.*

По дороге он обратил внимание на большое число автобусов и «газелей», которые везли людей в сторону Площади Республики. По краям шествия ехало множество сигнализирующих мопедов курьеров Glovo и Wolt. Айбар дошел до пересечения проспекта Абая и улицы Желтоқсан и дальше уже решил не участвовать в шествии, поскольку не видел для себя смысла. Вокруг начали взрываться шашки со слезоточивым газом, светошумовые гранаты – все это плохо сказалось на самочувствии части митингующих. *«Алаңға біз жетпедік, біздің келе жатқан тізбектің басы жетті, біз барганда, атыс басталып кетіпті, түтін, жарылғыш заттар, көзден жас ағызатын газ көзді қатты ашытты»¹⁸.*

До момента попытки захвата здания администрации города Ерлан не замечал, чтобы против собравшихся со стороны полиции применялась сила, избиения. Но в какой-то момент собравшаяся толпа решила атаковать акимат, снося препятствия на своем пути, чтобы добраться до административного здания. Преодолев первое препятствие в виде полицейского оцепления, группа наиболее активных митингующих ворвалась в городской акимат. Примерно в это время, не выдержав звуков светошумовых гранат и воздействия раздражающего газа, не дающего возможности дышать, Ерлан вместе с другими людьми покинул Площадь. *«Ары қарай, такси ұстадық, қайтып бара жатқан жолда Момышұлы-Райымбекке келгенде, Райымбек жақ екі блокпен таңға дейін жабық болды. Үйге қайтып келдім, ешқандай тонау болмады, ал галамтор бүкіл Қазақстанда ажыратылыпты, тек галамтор-провайдерлер істеп тұрды»¹⁹.*

¹⁷ «Не было никаких призывов к хулиганству, разрушениям, даже не было никаких попыток, наоборот, как будто народ был на празднике. Не знаю почему, народ чувствовал себя радостным, и у меня было такое же чувство. Когда находился в толпе, глаза слезились, хотелось плакать, как будто с плеч упал тяжелый груз. Большой праздник. Один из самых незабываемых моментов в моей жизни, народ был очень радостный, все помогали друг другу, давали воду, покупали продукты в магазине, раздавали печенье, опекали друг друга».

¹⁸ «Не дошли до Площади, начало колонны достигло ее, а когда мы дошли, уже оказывается началась перестрелка, дым, взрывчатка, от слезоточивого газа сильно слезились глаза».

¹⁹ «Дальше мы поймали такси, когда возвращались на Момышұлы-Райымбека. Райымбека был закрыт с двух сторон блоками до утра. Пришел домой, никакого грабежа не было, а интернет по всему Казахстану был отключен, только работали интернет-провайдеры».

Каким образом люди двигались к Площади Республики? Пешком? На каком транспорте? Похоже, что по-разному. Кто-то своим ходом, кто-то на своей машине, кто-то взял такси, а кого-то просто подвозили добрые люди, поскольку среди митингующих были пожилые, беременные, инвалиды, влюбленные пары, и, в конце концов, просто уставшие люди, которые просили проезжающих подвезти их к нужному месту. Люди присоединялись к колонне протестующих в разных районах города, на разных улицах. Это движение напоминало поток, в который вливались большие и малые реки. На Площади «Астана», которую респонденты называли «Старая Площадь», также собрались люди. Однако здесь ситуация была спокойной, без происшествий. И, услышав, что «на Новой – война», люди стали направляться к Площади Республики.

НОЧЬ

Полицейский Ризабек вспоминал, что полицейские прибыли на Площадь Республики в 22:50, где выстроились для охраны городского акимата «23:00-23:30 шамасында әкімшіліктің шығыс беткейінде, Фурманова көшесі (Назарбаев даңғылы) жағында тұрдым. Ол жерде 30-40 қызметкер периметр бойынша тұрды. Артқы қақпада, шлагбаум бар, әкім кіретін жер, ол жерде 8 қызметкер тұрдық. Ғимаратқа кіретін есікте шамамен 30 адам тұрды. Қалғаны, участковыйлар бар, алдыңғы қақпада үш қатардан тұрды»²⁰.

Ближе к полуночи, Карина с коллегами оставили машину на проспекте Абая и решили подняться по проспекту Назарбаева в сторону Площади, где на тот момент сохранялась относительно спокойная обстановка и можно было безопасно передвигаться. «Проходим вверх, и кто-то напротив останавливает и говорит: «девчонки, еще рано, еще не началось». Мы даже не знали, что должно начаться...».

Журналисты увидели перед собой несколько сотен полицейских, которые при них надевали каски и щиты. Оружие и автоматы были только у нескольких полицейских на машинах. Все выглядели и вели себя спокойно. «Мы спокойно пофотографировали, снимали, обычно они, если ожидают чего-то такого, они тоже начинают нервничать».

Часть сотрудников полиции переместилась на Площадь, а здание акимата было окружено полицейскими машинами. Примерно через полчаса прибыла большая толпа участников протестного шествия, по-видимому, со стороны «Алматы Арены», еще часа через два подошла толпа с восточной окраины – все столкнулись на Площади. «Был интересный момент, в одной из этих машин находился полицейский, и я видела, как двое митингующих выводили его из машины, собой закрыли, уводили его в безопасное место, и говорили ему: «ты не бойся, все нормально». Он, конечно, был жутко перепуган, и они его просто увели в безопасное место, то есть, никто не пострадал».

По словам Карины, до определенного момента митингующие

²⁰ «В 23:00-23:30 я стоял с восточной стороны акимата, со стороны улицы Фурманова (проспекта Назарбаева). Там стояли 30–40 сотрудников по периметру. Где задние ворота, есть шлагбаум, оттуда въезд для акима, там стояли 8 сотрудников. Перед входом в здание стояли примерно 30 человек. Остальные, среди них были участковые, перед главными воротами стояли в три ряда».

вели себя достаточно корректно, и ей удалось снять интересный кадр с поврежденной полицейской машиной, перед которой лежал отобраный у полицейского шлем. *«Я вижу, что шлем валяется, решила сфотографировать, а один митингующий мне говорит: «извините, вы можете отойти, я дверь отломаю»». Потом начались светошумовые гранаты на Сатпаева, поехала вот эта техника со щитами, и впереди они кидали эти гранаты. Я сначала даже не поняла, что это, я их никогда не видела. Мы находились между акиматом и Площадью, причем эти митингующие говорили, чтобы мы отошли подальше».*

Среди митингующих стало формироваться понимание некой общности целей, царило воодушевление. Отдельных бунтарей или провокаторов, как их называли в интервью, утихомиривали, чтобы поддерживать цивилизованный и мирный характер протеста. Однако примерно к полуночи на Площади начинают происходить беспорядки, вызванные попытками полиции вытеснить с нее людей.

Итак, до Площади «голова» колонны митингующих, выдвинувшихся из района «Алматы Арены», добралась около 23:30 в количестве примерно 300-400 человек. По оценке А., пеший марш до Площади Республики продолжался не менее трех часов.

Нуртлеу, студент, внимательно следящий за событиями, решил не оставаться в стороне и присоединиться к своим друзьям, которые шли в колонне от спорткомплекса «Алматы Арены». *«Бақылаушы ретінде көрейінші осы, не болып жатыр екен деген ниетпен бардым. Менің достарым да болды. Айтуы бойынша «Алматы Аренадан» Абаяның бойымен түсіп келе жатыр деді. Төртінші қаңтар күні кешке болып жатырған жағдай. Мен Қонаев көшесінен қосылдым. Халықпен энұран айттым»²¹.*

Начало митинга, по словам Нуртлеу, было вдохновляющим, люди активно присоединялись к шествию, но по мере движения характер митинга стал меняться – его все сложнее было называть мирным, настроения и поведение людей явно менялись, становились «другими». С какого-то момента молодой человек перестал ощущать единение с толпой и только наблюдал со стороны. *«Уже военныйлар келіп, светошамдар лақтырып, олар бір-біріне жақындатпай. Халық көшесіне қопара бастады. Сол уақыттарда бұл митинг түсініксіздеу болды»²².*

Как он считает, сотрудники органов правопорядка находились на

²¹ «Я поехал с намерением посмотреть, что происходит, как наблюдатель. Со мной были мои друзья. По словам друга, они шли от «Алматы Арены» по Абая вниз. Это происходило вечером четвертого января. Я присоединился к ним на улице Кунаева и пел гимн со всеми».

²² «Уже подошли военные и начали кидать светошумовые (гранаты), не давали приближаться друг к другу. Народ стал разрушать улицы. В этот момент митинг стал непонятным».

Площади Республики для того, чтобы «охранять здание акимата», а не обеспечивать порядок. По оценке Нуртлеу происходящее напоминало «*бои во время гражданской войны*»: взрывались светошумовые гранаты и шашки со слезоточивым газом, которые оглушали, ослепляли, отравляли всех на Площади, становилось опасно находиться в толпе. «*Халыққа қарсы олар тек қорғанумен болды. Акиматқа қарай жібермеу болды олардың мақсаттары. Жақсы тактика қолданды. Жұмыс жүз пайыз өтті деуге болады. Себебі акиматқа жібермеу болды, толық приказбен, заңға сай өздерін ұстап тұрды*»²³.

Как рассказал Едил, «*большое количество людей шло по Момышулы вверх до Абая, по Абая налево, то есть, в сторону Площади. Мы не видели ни одного сотрудника, везде было открыто, народ шел. И уже ближе, когда мы подошли к Мира (Желтоксан)/Абая, услышали оттуда выстрелы*». Мужчина увидел массу людей, убегающих от воздействия слезоточивого газа, у которых безостановочно лились слезы, многих сильно тошнило. Попав в облако газа, мужчина тоже почувствовал себя плохо. Но он продолжал стоять на пересечении улицы Желтоксан и проспекта Абая и видел, как по Желтоксан, в северном направлении, спускались сотрудники полиции и Национальной гвардии, которые бросали светошумовые гранаты в протестующих. «*Они уже стреляли, газовые, дымовые шашки, там дышать даже невозможно было. И если бы был аким в тот момент или кто-то из властей вышел бы, можно было бы этот народ остановить, я там не видел, чтобы кто-то бастовал, орал, истерил. Нет, такого не было. То есть, силовики первыми начали открывать огонь, газом травить начали*».

По подсчетам Едила на пересечении улицы Желтоксан и проспекта Абая работали 2 батальона Национальной гвардии по 40–50 человек. Протестующие начали убежать по Абая в западном направлении. По утверждению Едила, бойцы Национальной гвардии стали стрелять в протестующих резиновыми пулями, что разозлило людей. Митингующие решили использовать в ответ камни и начали забрасывать ими полицейских, «*они пытались нас окружать со всех сторон, «разбить» народ, это же военная тактика. Они хотели «разбить» и может быть, потихоньку забирать этих людей, такой у них был план. Однако там было очень много народу, в основном молодежи. Кто будет терпеть, если в них стреляют?! Мне лично одна граната в ногу попала, то есть, она осколком слегка зацепила, но по сей день у меня шрам остался от нее. Я в них ничего не кидал, у меня даже в*

²³ «Против народа они только оборонялись. Их целью было не допустить к акимату. Применяли хорошую тактику. Можно сказать, что работа была сделана на 100%, потому что не допускали к акимату, в соответствии с приказом вели себя согласно закону».

руках палки не было».

Мужчина увидел на проспекте Сатпаева 2–3 взвода силовиков, которые стояли возле университета «Туран». Не подавая каких-либо предупредительных знаков, они начали кидать в протестующих светошумовые гранаты. Это происходит примерно между 23:00 и 24:00 часами ночи. Поняв, что в этом районе совсем небезопасно, Едил решил возвратиться домой.

Ануар, журналист, в митинге участвовал вместе со всеми, но не в своем профессиональном качестве, а, скорее, как человек, который днем ранее, сам того не подозревая, подтолкнул своих друзей детства выйти на митинг. Его друзья семейные, но без постоянного места работы, живут в микрорайоне «Шанырак». 3 января он поздравлял их с Новым годом, и вместе они обсуждали события в Жанаозене, поскольку как раз начали распространяться ролики с репортажами оттуда. *«И мои друзья, которые никогда в жизни не выходили на митинг, сказали, что вот так и надо делать, пусть они выходят, пусть разговаривают. И я в шутку спросил, а если в Алматы случится, что вы будете делать? Я же знаю, они абсолютно аполитичные ребята, но они сказали: «да, выйдем»».*

Митинг в Алматы начался на следующий день, 4 января. Примерно в 22:00, позвонив друзьям, Ануар узнал, что они уже на митинге, и идут по проспекту Абая в сторону Площади Республики. Мужчина поехал к ним на своей машине, чтобы отговорить их и отвезти домой. Друзья отказались, и Ануар, оставив машину на улице Жарокова, присоединился к ним. По дороге он расспрашивал людей вокруг, чего они хотят, зачем идут. *«Один мне сказал: мы идем на Площадь, потому что в 86 году это все началось, и там же сегодня закончится».*

На Площади Республики Ануар убедил друзей не идти к зданию акимата, а оставаться на месте, т. е., на улице Желтоксан, и наблюдать за происходящим издали. Там они стояли около часа. Площадь была заполнена людьми, прибывающими со всех сторон. Возле монумента Независимости раздавались крики с требованием выхода представителей власти; силовики начали пускать слезоточивый газ, в ход пошли дубинки. Когда Ануар стал предлагать вернуться домой, кто-то из толпы возразил. *«Мне ответили, что ребята идут из аулов, надо подождать, к утру, к часам 4–5 придут, нас будет больше, а потом еще больше, мы будем вот так стоять, и ничего нам не сделают, выстоим».*

А в это время возле монумента Независимости – сумбурное движение, на улице Сатпаева «колыхалась» огромная толпа: в ней и горожане, и жители близлежащих населенных пунктов – Иссыка, Тал-

гара, Каскелена. Но большинство, все-таки, составляли горожане. Некоторые узнавали политического активиста А., подходили с предложением выступить перед ними. *«Я говорю: видите же, гул стоит, ничего не слышно, оттого что я сейчас буду голос надирать, ну человек 100 услышат, а эти 20 тысяч не услышат»*. Минут через 20–30 кто-то добыл мегафон, который работал с перебоями. Как отмечал А. все разговоры в толпе шли на казахском языке. Даже те собравшиеся, кто плохо владеет казахским, пытались на нем говорить, потому что понимали, что окружающие совершенно не принимают другого языка. *«Кто-то там если начинает говорить, на третьем предложении, сразу говорят: «қазақша сөйле!» («говори по-казахски!»)*. А. уверен, что выйди тогда к людям аким города, выслушай он требования пришедших к акимату, скажи он, что передаст их правительству, скорее всего, все было бы по-другому. *«С вероятностью 80%, что эти люди стояли бы и ничего не стали бы делать»*.

Над площадью летали дроны, камеры снимали происходящее. Но, тем не менее, среди участников собралось много молодых людей в возрасте от 20 до 25 лет, которые вели себя очень агрессивно. Как наблюдал Ризабек, *«арасында сау, жақсылары да болды. Бұзақыларды тоқтатып: «қойыңдар, жігіттер!»», – деп жатты. Бірақ агрессия көрсеткен араларында көбірек болды»²⁴*. Эта группа прорвала через первый ряд полицейских, стоящих перед городским акиматом. У стражей порядка были только щиты и дубинки длиной 60 см, с помощью которых трудно оказать сопротивление тем, кто вооружен железной арматурой. Как результат столкновения – это разорванные щеки, сломанные зубы, треснувшие черепа у полицейских.

В какой-то момент среди общего движения А. заметил, что часть молодых протестующих побежала к зданию акимата и тоже направилась туда же. Подойдя к зданию, он увидел примерно 40 СОБРовцев с белыми щитами. *«И когда я стал приближаться уже, оставалось метров 20–30, там же 2–3 ступеньки и площадка, осталось 20 метров, и вдруг эти СОБР-овцы, как по команде, исчезают мгновенно. Стояли, стояли, и тут исчезли, пока мы добежали – никого нет»*. По его наблюдению внешняя дверь здания уже была открыта, митингующие начали выбивать стекла из окон, несколько человек побежала на верхние этажи.

По свидетельствам полицейского Ризабека, когда он увидел, как сотрудники СОБРа стали забрасывать приближающихся к Площади Республики людей светошумовыми гранатами, ему стало понятно, что

²⁴ *«были среди них здоровые и хорошие. Останавливали хулиганов и говорили: «Перестаньте, ребята!»». Но среди них было больше тех, кто проявил агрессию»*.

ситуация сильно осложнилась, «*сол кезде бізге қарай шабуыл жасады*»²⁵. По словам же Ахмета, другого полицейского, принимавшего участие в охране здания акимата, разгон митингующих с использованием слезоточивого газа и светошумовых гранат, начался после того, как они начали приближаться к самому зданию и попытались прорваться к нему. «*Наши органы приняли решение после нападения уже на городской акимат, после всего этого уже, а до этого не применялось ничего. Просто толпа людей начали пробиваться в здание городского акимата, просто, без всяких претензий, без всяких разговоров*».

После того, как напор группы нападающих стих, представители полиции начали подводить печальные итоги атаки, помогать раненым товарищам, собирать разбросанные щиты, шлемы. Ризабек нашел лежащего покалеченного коллегу и отправил его в больницу машиной «скорой помощи». Позже митингующие снова атаковали акимат. Сотрудники полиции, численность которых уменьшилась после первого нападения, все еще оставались на защите здания. Попытки организовать хоть какой-то диалог между сторонами были, но они оказались безуспешными. «*Екі жақтан қоршаған кезде, алдыларына бір-екі активистері шықты. Активист болғанда, енді митингтегілердің ішінен 1-2 адам шықты да, болды деп қол көтерді. Мен де қол көтердім: «давай, жігіттер, бәріміз бір Қазақстанның тұрғындарымыз. Бір қазақпыз. Бәрімізде семьямыз бар» деп, сондай бір тоқтау айттық. Келіссөз дейді ғой. Олардағы 5-6 адам түсінгендей болды. Ар жағын тоқтатты. Бәрі тоқтады. Сол аргы жағында, біреу арасынан шығып: «е, бұларға сенім жоқ» деді. Қайтадан шабуыл жасады»*²⁶.

Полицейских продолжили беспорядочно забрасывать камнями, они отошли от здания акимата и спустились к Площади. Митингующие захватили здание городской администрации и находились там около 30 минут, разрушая подъезд, громя то, что находилось внутри на первом и втором этажах. Примерно в 3:00-4:00 утра на помощь сотрудникам полиции пришли дополнительные силы – Национальная гвардия, отряд курсантов и полицейские. Эта группа двинулась к акимату и взяла его под свой контроль. «*Акиматты қайтадан оборонаға алдық. Содан кейін біз енді бірінші келгеннен кейін, базаға қарай бізді жіберді.*

²⁵ «в это время они напали на нас».

²⁶ «Когда их окружили с обеих сторон, вперед выступили один или два активиста. Спросили, есть ли лидеры? Было 1–2 человека от митингующих, которые подняли руку и вышли вперед. Я тоже поднял руку: «Давайте, ребята, мы все жители одного Казахстана. Мы же казахи. У нас у всех есть семьи», – сказали мы. Говорят же, переговоры. 5–6 человек у них вроде бы поняли. Движение остановилось повсюду. Все остановилось. Но, с другой стороны, кто-то вышел и сказал: «Нет им доверия». И снова нас атаковали».

Базага қарай келе бастадық. Қалған свежая группа дейді гой. Свежая группа қалды»²⁷. Ризабек, раненный в результате нападения в ногу, получил первую медицинскую помощь и отправился домой.

В 00:44 Ануар написал другу, что протестующие «взяли» акимат, а примерно через полчаса начался разгон митингующих. Вокруг говорили о том, что надо оставаться и драться, чтобы показать «им», что нельзя разгонять народ, который вышел на мирный митинг. Но силовики уже легко разгоняли людей, избивая самых непокорных. Используя дроны, силовики определяли кучность людей и пускали слезоточивый газ. «Как оказалось, я первый раз увидел, как применяют слезоточивый газ, он примерно на 15 минут тебя «отключает», ты не можешь дышать, ты не можешь видеть».

Ануар с друзьями, спасаясь, накинув на головы куртки, побежали по улице Сатпаева примерно до улицы Наурызбай батыра и обнаружили, что в суматохе потеряли одного из товарищей. «И в тот момент, когда мы ждали нашего знакомого, который оказался среди толпы на Сатпаева, ехала машина патрульная, и ребята начали бросать в эту патрульную машину. Она остановилась, повернула на Дзержинского (Наурызбай батыра), а там люди убежали же, оказались на пути этой машины. Она остановилась, в это время кто-то взял, пил воду, мыл до этого глаза, и бросил в машину бутылку. Это какой-то триггер, как спусковой крючок, все побежали на эту машину, и на пути (этой машины) несколько ребят стояли, она просто сбила их и уехала». Силовой поворот событий разозлил людей еще больше, стали раздаваться крики о том, что раз полицейские так с ними поступают, надо также агрессивно вести себя в ответ.

Ануар с товарищами спустились по проспекту Сейфуллина до проспекта Абая и пошли пешком к оставленной далеко, на улице Жарокова, машине. Их подвезла семейная пара лет 50–60. Оказалось, что пожилые супруги, участники декабрьских событий 1986 года, приехали из близлежащего аула для участия в митинге. По их словам, в этот раз все было гораздо хуже, чем в декабре 1986 года.

Добравшись до своей машины, друзья поехали по проспекту Абая в западном направлении и все это время по проспекту в сторону Площади по-прежнему двигались группы людей, в основном, молодежь. Когда они доехали до ТРЦ «Москва», то видели продолжение людского движения в восточном направлении. В нижней части города Ануар остановился на АЗС, чтобы заправиться и взять воды. «У меня

²⁷ «Мы снова взяли акимат в оборону. Так как мы приехали первыми, нас отправили на базу. Свежая группа осталась».

работница начала спрашивать «вы оттуда? А что случилось?», «а кто победил?», я говорю: «в смысле кто?». Она: «бiздiкiлер жеңдi ме?» («наши победили?»). Я говорю: «не знаю, кажется, разогнали». Она расстроилась, кажется».

Предприниматель Жандос, находясь дома в районе пересечения улицы Саина и проспекта Абая, продолжал следить за событиями через социальные сети. В первом часу ночи раздался телефонный звонок, звонил его близкий друг с просьбой забрать его жену и 10-месячного ребенка, поскольку сам находится в другом городе. Семья друга живет в доме на углу улицы Сатпаева и проспекта Назарбаева, в районе Площади Республики. Так как к тому времени уже были слышны взрывы, а Площадь заполнена протестующими, жена в слезах звонила своему мужу и просила что-то сделать, чтобы забрать их из небезопасного места. Жандос сначала отказался со словами, что заберет мать с ребенком утром, но из-за настойчивости друга, изменил решение. «Я живу в микрорайонах. И мне было удобно по Абая ехать как раз. И я поехал. До улицы Тургуты Озала было пусто. Но оттуда уже была видна толпа людей. Я как-то доехал до улицы Розыбакиева через коридор людей, а дальше уже было невозможно. Было очень много людей. Они шли по проезжей части. Поэтому невозможно, трудно было передвигаться». Молодой человек решил спуститься по улице Розыбакиева до улицы Шевченко и поехать, нарушая правила одностороннего движения, так как друг постоянно звонил и говорил, что в районе Площади Республики постоянно раздаются взрывы, и ребенок сильно напуган. «Я поехал по Шевченко, в противоположном направлении, «по встрече». Не было других вариантов. И получается, в час ночи я по улице Абылай хана поднялся и выехал на Абая. Там все чисто было. Ну, спокойно. Именно в этом квадрате спокойно было. Но взрывы, шум слышно было».

При движении по улице Байсеитовой машину остановил сотрудник полиции, «мне надо было, чтобы повернуть на Назарбаева, там стоял сотрудник правоохранительных органов и сказал «езжай по встрече, все, здесь не проедешь». Там шум-гам. Взрывы, гранаты в ту сторону бросались. Я видел, как подорвалась одна граната даже. И по встрече я поехал обратно. По Абая». Двигаясь по проспекту Абая на пересечении с улицей Желтоқсан, Жандос увидел толпу людей, на фоне которой горел полицейский микроавтобус. Сворачивая с проспекта Абая на проспект Сейфуллина, он заметил колонну, которая ехала на помощь стражам порядка, «в колонне там четыре «КАМАЗа» было и два «УАЗа» «Патриот». Естественно, там были военные и сопровождали их 2 полицейских машины». Во втором часу ночи Жандос, забрав испуганную мать с младенцем, благополучно вернулся к себе домой.

Активная фаза по разгону демонстрантов началась после часа ночи. Со стороны проспекта Назарбаева силовики начали бросать светошумовые гранаты, при этом выходы на улицу Желтоксан и проспект Сейфуллина были открыты, таким образом, людей начали выталкивать с Площади. Дальше в ход пошел слезоточивый газ. Кругом хаотичное движение, невозможно никого слышать. Политический активист А. держался до последнего, хотя соратники предлагали ему уходить. *«Огромное количество людей по Желтоксан вниз пошли, на Абая, тысяч 5–6 пошли на Сейфуллина, часть из них, тысячи 2 вместе со мной поднялись по Сейфуллина вверх, пару тысяч дальше пошли, и часть из них по Сейфуллина стали спускаться».*

Наталья, проживающая на пересечении проспектов Абая и Сейфуллина, не читала социальные сети, но в ночь с 4-го на 5 января она непосредственно наблюдала за массовыми скоплениями людей из окон своей квартиры. *«Ночью к нам во двор заходили и мужчины, и женщины, справить нужду: естественно, они всю ночь стояли на улице, туалетов нет. И женщины были в возрасте 60+, и девочки были юные, и мужчины разных возрастов и разных социальных прослоек, были и интеллигентные мужчины в этом сборище».* Со стороны Площади слышались взрывы, а в окна ее квартиры проникал неприятный и едкий запах слезоточивого газа. В окно, выходящее на проспект Сейфуллина, Наталья видела отличавшуюся от других группу людей, одетых в черную одежду, позади которых шел человек в ярко-красной куртке и белых штанах. *«По внешнему виду и поведению было видно, что это как бы кураторы, эти в красных куртках, что ли, или люди, которые говорили, в какую сторону бежать».* Примерно после часу ночи Наталья видела из окна, что *«у нас выставили блокпост, милиция стала щитом, и не пропускала никого. Какое-то время через эти блокпосты пробивались машины, они останавливали машины, проверяли документы, машины пытались прорваться через эти преграды. И когда машины прорывались, слышны были взрывы, удары по машинам, ну и крики».*

Рустем, который живет на пересечении проспекта Сейфуллина и улицы Сатпаева, проснулся от звуков хлопков, похожих на звук взрывающихся петард. Выглянув в окно, он увидел, что на перекрестке собралось много людей, которые, похоже, намерены двигаться к Площади Республики. Народ стекался со всех сторон: кто-то спускался с проспекта Аль-Фараби в северном направлении, кто-то поднимался с проспекта Абая. В руках у некоторых были полицейские щиты, надпись «POLISIA» явно об этом говорила. *«Где-то в час ночи начались хлопки, я проснулся и подумал, что петарды кто-то взрывает новогодние».*

Потом посмотрел с окна, вообще я живу на Сейфуллина и Сатпаева, окно на восток, как раз в сторону площади, и вижу, что эти хлопки не в небе, а внизу вспышки идут. И тут я понял, что что-то неладное. Потом прошел в противоположное окно, на запад, в ту сторону, увидел, что на перекрестке там вообще народу тьма, они там собирались, группировались и шли в сторону Площади». По его оценкам, где-то к 5 утра полицейские смогли оттеснить толпу ближе к улице Масанчи.

Примерно в третьем часу ночи на мосту в районе пересечения улицы Тимирязева и проспекта Сейфуллина появились около 150 СО-БРовцев и атаковали остаток митингующих, применяя слезоточивый газ. Постепенно люди начинали расходиться по домам. А с оставшейся группой в 300–400 человек пошли по улице Тимирязева в сторону «Атакента», где он нашел свою машину. Из-за эмоционального подъема этой ночи он и не чувствовал, что уже 8 часов провел на ногах. «Я домой добрался уже часам к 5. Но какие-то люди обошли все, видимо, и снова попали на Площадь».

Гульшат, 54 года, у нее трое детей, живет на пересечении улиц Саина и Шаляпина. Она была уверена, что ничем хорошим митинг не кончится, и поэтому не пустила детей «на Площадь», несмотря на их намерения. «Барамыз, – деді, – бейбіт шеру гой, халық барып жатыр гой, мұң-зарын айтып жатыр. Неге біз бармаймыз? Біздің үйіміз жоқ. Біз де айтамыз», – деп, екі балам сөйтіп айтты. «Біздің дұрыс жұмысымыз да жоқ», – деп, екеуі екі түрлі айтты»²⁸. Только дав послушать и почитать сообщения от участников митинга, ей удалось успокоить своих сыновей.

Напротив дома Гульшат находится охотничий магазин. И вот в полночь возле него начали раздаваться выстрелы. «Бір уақытта он шақты бала келді. Түгел жауып алған беттерін. Қап-қара боп киініп алған. Шапкаларын басып, көздері гана көрінеді. Уже біздің үй жаққа машиналарын қойып қойған»²⁹. Гульшат видела подъехавшие машины и с десяток молодых людей. Около часу ночи дверь в магазин уже была открыта. «Қараңғышы, ол жастар егер біздікі террорист болса, айқалағанын, бәрін алады гой. Бұлар ақырын екі-екі баладан, жаңағы, ішіндегі охотничий автоматтары ма, пистолеттері ма екі-екіден былай көтерді, көтеріп әкетті, жаңағы, машинаның багажнигына ақырын асықпай салды»³⁰.

²⁸ «Говорят, что пойдем, ведь народ собирается там, рассказывают про свои проблемы. Почему мы не пойдем? У нас нет квартир. Мы тоже скажем», – так сказали мои двое детей. «И у нас нет работы».

²⁹ «Вдруг подъехали около десяти парней. Лица полностью закрыты. Одеты во все черное. Шапки натянуты на глаза. Поставили свои машины возле нашего дома».

³⁰ «Вот, смотрите, если бы наша молодежь была террористами, взяли бы все. А эти по двое ребят таскали из охотничьего (магазина) то ли автоматы, то ли пистолеты, поднимали по две штуки и закружали, не спеша в багажники машин».

На улице было темно, хотя обычно горит уличный фонарь. Один из грабителей стоял возле подъезда Гульшат, другие, по двое, спокойно выносили завернутое в тряпки оружие. Иногда они переговаривались по телефону. Гульшат вначале хотела снять это на свой мобильный, но дети отговарили ее, потому что боялись возможных последствий: вдруг придут грабители и застрелят их за съемку. И все они, охваченные страхом, следили за происходящим через полузадернутые шторы. Так продолжалось до 04:00 утра.

Этой ночью с 4-го на 5 января в центре города раздавались гул многотысячной толпы, бесконечные взрывы от светошумовых гранат, звуки выстрелов, вой сирен – все смешалось. Сизый дым от слезоточивого газа застирал центральные улицы, проникал в квартиры горожан, от него ухудшалось самочувствие людей, появлялись тошнота и рвота.

В нижней части города (пересечения улицы Саина с проспектами Райымбека и Рыскулова, северная часть улицы Момышулы, микрорайон «Шанырак») там, где начались события, очевидцы также наблюдают взрывы светошумовых гранат, в то время как активность протестующих на улице, если и была заметна, то без мародерства и погромов. Лишь кое-где небольшие группы людей все еще сопротивляются силовикам, которые очищали улицы города от протестующих.

Примерно в 01:00 ночи машины и люди начинают покидать центр города. Усилия силовиков по разгону толп митингующих достигли успеха. Около 02:00 митинг на Площади Республики разогнан. Около 03:00 ночи все стихло. В предрассветные часы город был почти безлюден.

**5 ЯНВАРЯ:
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ**

УТРО

Спать семья Натальи легла только под утро, решив, что на этом ситуация пришла к завершению. *«Мы, наверное, проснулись около 10 утра. У нас было тихо с утра, я подумала, что на этом все закончилось, потом мне позвонила подруга около 12. Она живет довольно далеко, но аптека ее мамы расположена возле БСМП. И мама позвонила, сказала, что снова взрывы, снова толпа, мы тоже около 12 слышали уже взрывы, были такие глухие взрывы, наверное, резиновых пуль выстрелы, не огнестрельные».*

Примерно в 10:00 Магжан вместе с тестем вышел из своего дома в микрорайоне «Орбита-1» в надежде купить запчасть для поломавшейся накануне машины. На улице стоял густой туман. *«У меня в памяти осталось, как я иду по туманной улице Торайгырова, и вижу только одинокие машины на фоне ЖК «Шахристан». Также мне очень не понравилось отсутствие мобильного интернета, и я подумал, что происходит что-то плохое».* Мужчины дошли до магазина на улице Кекилбайулы. У продавца был включен телевизор, в котором выступал растерянный Ералы Тугжанов, на тот момент заместитель премьер-министра, с призывами к населению сохранять спокойствие. Далее в телевизоре появилась информация, что Президент принял отставку правительства Мамина³¹. Тогда Магжан окончательно убедился, что его предположения об ухудшении ситуации в стране не напрасны.

Алмас, 39-летний житель Алматинской области, рано утром выехал из алматинского пригорода на работу. Коллеги уже сообщили ему, что на проспекте Райымбека происходят беспорядки, поэтому он держал путь в город по проспекту Абая. На работе он был уже в 7 утра, однако в 9 часов из-за происходящих в городе событий коллектив распустили по домам. Находясь в машине, уже по дороге домой недалеко от 7-й городской больницы в микрорайоне «Калкаман», он услышал звуки взрывов. Заехав на мост по улице Момышулы через проспект Райымбека он стал свидетелем столкновения военных и полицейских с гражданскими, *«народ камни кидал, а военные – слезоточивый газ».* Он видел, что солдаты стараются отогнать толпу протестующих в сторо-

³¹Токаев отправил правительство Мамина в отставку. 05.01.2022 г. - <https://kz.kursiv.media/2022-01-05/tokaev-otpravil-pravitelstvo-mamina-v-otstavku/>

ну рынка «Алтын Орда», не применяя прямое насилие, *«и в военной форме были, полицейские там были, полицейские сзади шли, на «БТР» были»*, а лишь отпугивая их с помощью гранат со слезоточивым газом.

Дорога на выезде из города через мост оказалась перекрыта людьми в гражданской одежде. Толпа удерживала машины на мосту не менее 30 минут. Все это время рядом слышались звуки взрывов, газ от гранат проникал в салоны автомобилей. Алмас наблюдал, как мимо его машины шли люди с палками и камнями в руках, поэтому ему на секунду показалось, что они сейчас набросятся на его автомобиль, *«в тот момент был страх какой-то»*. Позже на мосту появились военные и стали разворачивать машины по встречной полосе, *«когда военные к нам подошли, сказали, разворачивайтесь по «встречке» и уезжайте, тогда уже успокоились мы»*. Когда Алмас добрался до дома, его поразило, что в их поселке все было тихо, люди занимались своими делами, не зная, что происходит в Алматы.

Но не только жители пригородных сел ничего не знали о происходящем. Многие горожане, особенно из удаленных от центра районов, не имеющие привычки начинать свой день с просмотра новостей, не знали или не обратили должного внимания на события в стране и в городе 3–4 января. Те, кто что-то услышал, привычно списали это на *«очередные митинги активистов и общественников»*, которые носят кратковременный характер и должны пройти под надзором полиции. 5 января большинство планировало выйти на работу после новогодних выходных. То, что происходит в городе, для многих стало неприятным сюрпризом...

Одним из таких жителей стала Ольга, проживающая в микрорайоне «Орбита», находящемся примерно в 11 км от Площади Республики. 5 января ее разбудил телефонный звонок сестры из Новосибирска, которая увидела новости о выступлениях 4 января в г.Алматы и теперь волновалась за своих близких. *«Она своим звонком меня разбудила. Оказывается, она с 6 утра пыталась до меня дозвониться по WhatsApp. Знаете, она у меня еще та паникерша, поэтому, когда она стала кричать в трубку: «Как вы докатились до жизни такой?! У вас бунт! У вас там светошумовые гранаты, машины жгут!»*, – отмахнулась от нее. Я ей сказала, что у нас чуть ли не каждые выходные кто-то где-то митингует, что это мода такая пошла, и чтобы она не волновалась».

Ольга не следила за тем, что и где происходило 4 января. Она слышала только сообщение о том, что вечером 4 января перед входом в

Парк Первого Президента, недалеко от их дома, собиралась на митинг молодежь, но она не придавала этому значение. Поэтому утром 5 января в ее представлении в городе все должно было быть в порядке, о чем она и сообщила своей сестре. Но уже через несколько часов, просмотрев официальные новости и новости в социальных сетях, Ольга поняла, что в городе проходят далеко не рядовые события. *«Честно говоря, я даже допустить не могла, что у нас могут произойти события такого масштаба. Мы же уже давно не столица! Конечно, после ее звонка я стала просматривать новости в интернете, в Telegram, и никак не могла поверить в то, о чем читала. А уже потом сама писала сестре сообщения в WhatsApp, что в городе творится что-то из ряда вон. Потом отключили интернет. . . У нас дома телевизор работал круглосуточно: «Атамекен бизнес», «Еврорьюс», «Хабар24». . . Ощущение было, как будто ты в подводной лодке: не знаешь, что происходит на поверхности и куда не сбежишь».*

Аружан, продавщица, несмотря на то что не живет в центральной части города, но и ее утром 5 января разбудил грохот взрывов. Немного позже она узнает от соседки о происходящих в городе митингах. Соседка, возвращаясь домой, видела большое скопление людей, движущихся по проспекту Абая в сторону центра города. Другой сосед, возвращавшийся из центра города с семьей, рассказал о происходящей стрельбе в микрорайоне «Калкаман», из-за чего ему пришлось ехать в объезд. В отсутствие интернета все новости Аружан получает, просматривая телевидение и переговариваясь с родными по телефону. Родственники Аружан работают в 12-й и 7-й городских больницах. *«И вот в 12-й горбольнице хирурги находились несколько дней подряд. Они не возвращались домой. Они говорили, что это прямо как конвейер, что не было свободных операционных столов. Оперировали на кушетках, на столах. И что на помощь пришли хирурги-анестезиологи с детской больницы, и с инфекционной больницы, к ним пришли анестезиологи на помощь. Что вот они работали очень много – очень много было раненых».* При этом у госпитализированных были не только огнестрельные ранения, но и механические травмы внутренних органов, получаемые при физическом воздействии на организм. В 7-й городской больнице также были раненые, в том числе члены вооруженных групп. Сопrotивление и давление на медицинский персонал они не оказывали.

Часть жителей по своей воле или случайно оказались вовлеченными в события 5 января.

Общественник Сакен, проживающий в районе пересечения про-

спекта Абая и улицы Ауэзова, с самого начала внимательно следил за событиями через социальные сети. В ночь с 4-го на 5 января, просматривая новости в социальных сетях, он сделал предположение о возможном разгроме и сожжении зданий на Площади Республики из-за высокого подъема просмотров онлайн-эфиров местных блогеров (что потом и произошло по факту). Это предположение он выдвинул в связи с тем, что редакции основных теле- и радиостанций находятся в здании по адресу Площадь Республики, 13. *«Многие блогеры, которые ведут подобные стримы, как обычно из своего рабочего места, они получают смотримость, потолок там, 500–700, по полторы тысячи человек. Когда этот стрим закончился, его смотрели большие 50–60 тысяч человек. Я сразу сделал вывод о том, что зря этот стрим был сделан. Потому что, если, а скорее всего, этот митинг получит продолжение, здание, из которого велся стрим, будет превращено в негодность для того, чтобы из него не вели вообще какие-либо репортажи. Можно сказать, я за сутки понимал, что дом на Площади Республики, 13 будет сожжен».*

Позднее Сакен встретился с большим количеством знакомых из числа очевидцев и участников выступлений, и на основе их комментариев и рассказов пришел к выводу, что зачинщиками беспорядков 5 января в городе были не мирные участники протестов, а вооруженные группы. По мнению Сакена, ближе к вечеру 5 января мирные участники протеста стали покидать Площадь, поняв, что ситуация выходит из-под контроля и применение силы любой из сторон неизбежно. *«И многие из них подтверждают, что как только люди увидели, что акимат начнет гореть, во второй день, все они уже... Они уже все поняли, что дело идет уже не к тому, чего они ожидали. И все, которые поддерживали этот протест, разъехались по домам».*

В 10:30 утра 5 января Кайнар, который так и не смог принять участие в первом митинге, вместе с отцом едет, чтобы посмотреть, что происходит на въезде в город со стороны рынка «Алтын Орда», где собирались митингующие. К этому времени в социальных сетях публикуется самая разная информация, например, о том, что часть сотрудников полиции перешла на сторону протестующих³².

³²Полицейские в Актобе заявили, что они с народом и не будут поднимать руку на народ. 05.01.2022г. - https://t.me/orda_kz/12981; В Казахстане силовики начали присоединяться к протестующим, 05.01.2022 г. - <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2022/61d557579a794723d7b45d31>; Силовики перешли на сторону протестующих в Актау, 05.01.2022 г. - <https://iz.ru/1273594/2022-01-05/siloviki-pereshli-na-storonu-protestiuiushchikh-v-aktau>. 6 января популярный белорусский Telegram-канал «Nexta life» написал, что сотрудники КНБ сдали оружие и покинули городской департамент: «Появилось видео, как протестующие разбирали оружие в отделении Комитета национальной безопасности в Алматы». https://t.me/nexta_live/15484

Мужчины живут в районе пересечения проспекта Рыскулова и улицы Тлендиева. Доехав до перекрестка проспекта Рыскулова и улицы Момышулы, Кайнар припарковал машину, и они пошли к митингующим, которые собирались там несколькими группами людей по 20–30 человек в каждой. У этих людей не было четко сформулированных политических требований и явных лидеров. *«Женщины кричали, чтобы всем простили кредиты, то есть, кредитная амнистия. Кто-то хотел разбить камеры «Сергек», так как они снимают митингующих. Затем людям поступила информация, что по проспекту Райымбек батыра и улице Толе би идет большая масса, соответственно, люди решили к ним присоединиться»*. И вот, как и 4 января, началось движение в сторону Площади Республики.

Поднимаясь по улице Момышулы, протестующие пели гимн страны, выкрикивали лозунги *«Алға, Қазақстан!»*, *«Шал, кет!»*. Некоторые люди старшего возраста проводили параллели с декабрьскими событиями 1986 года. Дойдя до проспекта Райымбек батыра, Кайнар увидел огромную толпу людей, среди них были и те, кто начали кидать камни в проезжающие мимо машины, но их быстро успокоили. Завернув на проспект Райымбек батыра, Кайнар увидел горящие машины, на которых были заметны следы от пуль, заметил, что по дороге разбросаны многочисленные щиты, брошенные полицией, которыми вооружались молодые участники шествия. Периодически над демонстрантами пролетал дрон. В этот момент они с отцом поняли, что митинг уже перестал быть мирным. *«Стало очевидно, что это явно не мирный митинг, было уже понятно, что началась тотальная анархия. Мне было непонятно, где вообще полиция? Они же должны контролировать ситуацию? Значит, кому-то была нужна эта анархия и бесчинства этих ублюдков»*.

Наргиз, 50-летняя повариха, проживающая в районе улицы Яссауи и проспекта Райымбека, в 11 часов 5 января вышла в магазин. Она увидела, что по дороге в большом количестве куда-то идут люди. *«Идет толпа. . . не толпа, а люди идут, и мужчины, и женщины»*, которые призывали окружающих присоединиться к ним. *«Мне женщина кричит, мол, ты не хочешь, что ли за внуков своих? Давай, присоединяйся, нечего стоять в стороне, пойдём!»*. У Наргиз с молодости было желание принять участие в митинге, поэтому она присоединилась к идущим по улице с мыслью о том, что, наконец, ее мечта осуществится, и что *«это митинг такой, походишь с лозунгами и вернешься домой»*. На вопрос Наргиз о том, что это за шествие, ей ответили, что люди идут со стороны рынка *«Алтын Орда»*, поскольку *«вчера митинговали ребята, мы пойдём, сейчас их сменим, мы останемся, а они пойдут домой отдыхать»*.

На пересечении проспекта Райымбека и улицы Саина идущие сделали остановку, чтобы сгруппироваться и выбрать маршрут для дальнейшего движения. Было принято решение пойти по улице Саина в южном направлении до улицы Толе би и повернуть на восток в сторону центра города. На улице Саина уже стояли сгоревшие машины и грузовик Национальной гвардии. Наргиз видела, как молодые люди хватали камни и кидали их в сгоревшие машины. Мужчина, который шел рядом с ней, пытался их утихомирить, повторяя, что это чужое имущество, не надо его трогать.

Когда участники колонны дошли до улицы Толе би, они увидели следы разрушений и поджогов. *«Толе би вообще была разгромлена, мы подылись туда, где рельсы, где «Казахтелеком» остановка, там уже даже рельсы были разобраны, кирпичи везде валялись. Когда мы дошли до здания районного «Нур Отана», он был уже весь разгромленный».* Но это не остановило процессию, которая продолжила движение по Толе би в сторону центра. В общей эйфории от происходящего Наргиз продолжила идти в колонне, несмотря на неподходящую одежду (вышла в магазин) и состояние здоровья.

Журналист Ануар был на Площади 4 января. Ввиду прошедших событий, 5 января он чувствовал недомогание и решил остаться дома. Но поскольку он живет в районе пересечения улиц Толе би и Момышулы, то оказался невольным свидетелем следующих событий. В 6 утра Ануар услышал звуки от взрывов светозумовых гранат, а к 9 утра этот шум стал еще громче. Выйдя на улицу, Ануар увидел, что на пересечении улиц Толе би и Момышулы сооружены баррикады: двумя автобусами перекрыта Момышулы, а «КАМАЗом» – улица Толе би. Возле импровизированной баррикады находилась небольшая группа митингующих, по его оценкам, около 200 человек. При этом обычные машины имели возможность передвигаться. Но когда подъехала полицейская «Газель», люди начали забрасывать ее камнями, поэтому Ануар понял, что не пропускают конкретные автомобили – полицейские. Примерно в это время подъехали машины, заполненные людьми в форме. Ануар насчитал 10 машин с «военными», которые легко могли бы разогнать толпу собравшихся возле баррикад людей, но этого они по каким-то причинам не сделали, а стояли, окруженные толпой около часа. Но потом в толпе возникла версия, что эти машины пропускать нельзя, так как они направляются в город, чтобы принять участие в разгоне митинга на Площади Республики. Поэтому протест-

стющими началось дополнительное блокирование движения спецмашин, которые не успели проехать ранее по улице Толе би в сторону центра города.

Ануар также наблюдал сцену, как полицейские спокойно беседовали с митингующими перед баррикадой, и даже делились друг с другом сигаретами. Но ситуация вдруг резко изменилась, и между представителями двух сторон завязалась драка. Причиной стало то, что у одного из офицеров сдали нервы, и он вытащил оружие, что и спровоцировало конфликт. В итоге часть спецмашин уехала, но другие машины митингующие смогли удержать и потребовали от полицейских снять амуницию, что те и сделали. *«Они начали бить их, там была милиция, не СОБР и не курсанты. Сказали: «снимайте амуницию». Они быстро разделись, отдали щиты и амуницию, им сказали: «уходите отсюда», и они все ушли, милиция имеется в виду».* Оставшийся на месте «УАЗ» несколько участников беспорядков подожгли с помощью бензина, но из толпы митингующих вдруг кто-то со словами, что это мирный митинг, начал пытаться потушить возгорание.

Постепенно толпа митингующих на баррикадах начала редеть. Куда люди уходили – домой или в сторону Площади Республики – для Ануара было непонятно. Ближе к обеду в районе перекрестка появилась вторая волна митингующих, сильно отличающаяся от той, что была здесь утром. Эта группа была более агрессивной, а ее участники закрывали свои лица масками. Ануар также заметил, как из одного только что припаркованного автомобиля вышел водитель, вытащил из машины арматуру и пошел в сторону центра города. Ануар почувствовал страх, поскольку понял, что добром сегодня митинги не закончатся.

Наргиз, которая продолжала движение в середине толпы, не видела, что происходит в начале колонны, идущей по улице Толе би, но заметила, что мимо них проезжают внедорожники без номеров, из которых участникам движения раздают воду и сэндвичи. Некоторые машины предлагали подвезти женщин, которые от усталости уже не могли идти самостоятельно. *«Какой-то ехал джип, и женщины, которые шли со мной, они моего возраста и чуть старше, они сели в этот джип. Мужчина им сказал, что тоже туда едет и что подвезет».*

Утром 5 января, журналист Джон шел на работу, которая находится на улице Шевченко, и понял, что его пугает абсолютная тишина вокруг, хотя всю ночь с 4-го на 5 января он слышал подозрительный шум

со стороны Площади Республики. Дойдя по улице Шевченко до ее пересечения с улицей Масанчи, он почувствовал едкий запах в воздухе и услышал в отдалении какой-то грохот. На пересечении улиц Шевченко и Байтурсынова Джон встретил коллег, которые вышли узнать, что за шум стоит на улице и обсуждали инцидент, который случился с ними ранее, когда они сидели в кафе в квартале от места встречи, а именно: в кафе забежал какой-то человек и стал кричать, чтобы все уходили, потому что, по его словам, *«сейчас тут все в крови будет!»*. В этот момент они увидели, что снизу со стороны улицы Жамбыла продвигаются клубы дыма, слышны хлопки, громкие возгласы, *«и вой этот звериний – ничего, просто «ууууу!»*.

Внезапно из дыма и тумана перед журналистами показались несколько солдат-курсантов, *«все такие «маломерки», – извиняюсь, где они таких курсантов берут, – никакой рослой, высокой молодежи не было»*, которые бежали в их сторону. Джон и его коллеги, прикрывая рот и нос шарфами, бросились в ту сторону, откуда бежали курсанты. Они увидели машину «Урал», с которой военные бросали светозумовые гранаты и шашки со слезоточивым газом в толпу, поднимающуюся по улице Байтурсынова со стороны улицы Толе би. Дышать становилось все тяжелее. Военные, обнаружив у себя в тылу гражданских журналистов, стали кричать и просить их уйти в безопасное место. Джон с коллегами отступили выше улицы Жамбыла и, находясь на возвышении, увидели сквозь дым и туман огромную толпу людей, конец которой терялся ниже Никольского собора, *«когда говорят: «20 тысяч террористов», – может, собственно, террористов не было, я не знаю, – но, слушайте, город разнесли не 20 тысяч, а минимум 35 тысяч, – толпа была просто «мама, не горюй»*.

Джон видел, как люди из толпы интенсивно бросали в военных камни и брусчатку, оттесняя солдат вверх к улице Шевченко. В этот момент со стороны улицы Курмангазы спустилась еще одна толпа митингующих, и военных взяли в кольцо. Поняв всю опасность ситуации, журналисты и зеваки, оказавшиеся неподалеку, стали спасаться бегством. *«Мы бежали, задыхались и плакали. Когда падали, даже не было намеков на помощь друг другу, каждый пытался спастись сам. Было страшно»*. Журналисты побежали по проспекту Сейфуллина до улицы Курмангазы, по которой свернули в западном направлении в надежде обойти толпу по верхним улицам. По пути им встретились спускающиеся со стороны проспекта Абая группы молодых мужчин по 5–6 человек, в

руках которых журналисты видели устройства «уоки-токи»³³. В конце концов журналистам удалось добраться до дома одного знакомого, где они оставались до 18:00.

В тот день уличная камера, установленная на здании, в котором работает Джон, зафиксировала не только как он с коллегами убегал от толпы, но и как толпа расправлялась с солдатами. *«Как раз перед этой камерой убивали солдата, реально убивали, потому что парень уже был никакой. Его раздели и мало того, что его били, и в лицо пинали, еще подкидывали. Это, кстати, эски подкидывают так: человек падает почкой или головой. Потом его потащили в сторону улицы Сейфуллина...»*.

Тележурналист Виталий, как и его коллеги, принимал активное участие в освещении событий 5 января. Утром по дороге на работу он заметил рассредоточенные группы людей в районе Национальной библиотеки на пересечении проспектов Абая и Абылай хана. Подходя к месту работы, его с коллегой-оператором окликнули молодые люди словами: *«друг, не ходи туда, в 12 вместе пойдем»*.

Аскер, военный пенсионер, утром 5 января наблюдал за происходящим, оказавшись в городе за рулем своего автомобиля. Он собирался спуститься вниз по проспекту Сейфуллина, но там образовалась пробка из-за перекрытия проспекта Абая, и был вынужден изменить маршрут. На пересечении проспекта Абылай хана и улицы Шевченко образовалась другая автомобильная пробка, причиной которой стала толпа агрессивно настроенных митингующих, вооруженных дубинками, идущая вверх по Абылай хана, из-за чего машины начали разворачиваться, несмотря на одностороннее движение по улице Шевченко. Еще раз изменив маршрут и доехав до пересечения улиц Богенбай батыра и Наурызбай батыра, он увидел горящую машину, а также дымящееся здание прокуратуры. По пути Аскер видел, что на пересечении улицы Шевченко и проспекта Сейфуллина, помимо затора из машин, также стояли полицейские и группа людей, на проезжей части лежали осколки разбитой машины.

Студент Нурлан около полудня оказался в районе ресторана McDonald's, расположенного на пересечении улицы Шевченко и проспекта Сейфуллина. Он видел, как группа людей поджигает запаркованные машины и разбивает камеры видеонаблюдения «Сергек». *«5*

³³В рациях обычно используются фирменные аккумуляторы или модели форм-фактора пальчиковых батареек. В режиме непрерывного разговора уоки-токи работают в среднем от 8 до 20 часов. В городских условиях пользователям можно рассчитывать на рабочий радиус в 500–2000 метров. На природе этот показатель доходит до семи километров. Для фильтрации от других радиостанций и бытовых помех используется кодирование.

қаңтар күні шамамен түскі 12:00 шамасында болу керек. Сол уақытта Шевченко көшесінде McDonald's жаққа машинаны қойдым. Сол уақытта өртеп жатыр дегенді естідім. Толпа өртеп жатыр бәрін, оны көріп тұрмын. Сол жердегі камераны бұзып жатыр. Бірақ сол уақытта халыққа қарсы оқ атылып жатты. Резина оқ болу керек. Жерде оқтар шашылып жатыр. Халық көзі көрмейді. Тек алға осы араны өртейміз, камераны өшіреміз дейді. Неге деп сұрағанда, халыққа жазықсыздан оқ атылып жатыр деп айтты. «Көрмейсіңбе жердегі оқтарды!» – деп жауап қайтарып, сол оқ атқанын принцип қылып ұстап алған. Солай алдыға қарай жүре берді»³⁴.

Общественница Жанар 5 января вышла утром из дома с улицы Ауэзова и после долгого ожидания общественного транспорта решила пойти на Площадь Республики по проспекту Абая пешком. По дороге она фиксировала осколки гранат на улице, мусор, камни, выломанную брусчатку. Площадь выглядела спокойно. «Я шла не спеша, минут 30 может, фотографировала. Дошла, никто не преграждал путь, кроме одной полицейской машины, которая запрещала машинам заезжать на Желтоқсан вверх до Сатпаева, но пешком люди ходили. Они тоже ходили, смотрели, что произошло, я собирала уже не только резиновые пули, но и боевые патроны. Я встретила двоих собачников, мужчину и женщину, женщина сказала, что ее окна выходят на Сатпаева, она тоже всю ночь не спала из-за того, что окна дрожали. Мы вот так собирали патроны, у меня до сих пор есть на балконе пустые патроны, от гранаты то, что осталось, у нас не было сомнения, что стреляли по людям. Знаете, Площадь выглядела нормально, военные стояли огромной цепочкой, стояли БТР. Был вид, что пятого числа все под контролем, все хорошо, просто митинг был, его отогнали, но тревоги, ужаса еще не было. Вернулась к обеду домой».

---

³⁴ «Это было примерно около 12:00 5 января. В это время я припарковал машину у McDonald's на улице Шевченко. В это время я услышал, что они подожгли. Толпа все сжигает, я это вижу. Они там ломают камеры. Но в это время в сторону людей начали стрелять. Скорее всего резиновыми пулями. Пули (гильзы) были разбросаны по земле. У людей глаза уже не видят, а они говорят: «Только вперед!». Говорят, мы сожжем это место и выключим камеры. На вопрос «почему?», они отвечали, что из-за того, что стреляют в невинных людей: «Разве ты не видишь пули на земле!».

ДЕНЬ

В полдень Кайнар с отцом двигались по проспекту Райымбека, хотя там уже происходили столкновения. *«Я ужаснулся, потому что там уже следы от пуль были, горящие машины, и это было сделано не ночью, а недавно, часа два назад, горящая «Скорая» стояла»*. Кайнар отметил полное отсутствие сотрудников правоохранительных органов, что вызвало у него еще большую тревогу. Но увиденное на пересечении проспекта Райымбека и улицы Саина повергло его в ужас: в этом месте стояла баррикада из горящих легковых автомобилей и автобусов со следами от пуль, чуть дальше горели грузовики.

Среди митингующих находились зазывалы-вербовщики, которые по ходу движения колонны людей, призывали находящихся на улице прохожих присоединиться к их движению. Кайнар сделал предположение, что это был расчет организаторов движения, чтобы включить наибольшее количество людей в число протестующих, создавая массовость движения. *«Это явно был уже не мирный митинг, а тотальная анархия»*. В этот момент они с отцом решили покинуть толпу и незаметно вернуться к машине, поскольку указанные вербовщики агрессивно реагировали на попытки людей из колонны покинуть ее. Примерно к часу дня они с отцом добирались домой.

Ресторатор Гульнара рассказала о своем работнике, который 5 января вышел с рабочей смены на работе и оказался насильно вовлеченным в события. *«Он работал в ночь и утром выходил со смены. И его берут и вот так втаскивают в толпу»*. Сама она, как человек, который имеет волонтерский опыт организации питания в кризисных условиях, еще 4 января поняла, что в городе происходит что-то плохое, потому как ей стали звонить сотрудники медицинских учреждений и правоохранительных органов с просьбой о помощи, оказавшись в тяжелых условиях без воды и питания. *«С акимата позвонили ребята и говорят, что вы должны накормить 7 тысяч человек, но деньги будут позже»*.

Днем 5 января Руслан, 40-летний мужчина, шел по проспекту Райымбека в сторону микрорайона «Калкаман». Он работает сотрудником Службы безопасности магазина в ТРЦ «Apport Mall», расположенного по проспекту Райымбека. В микрорайон «Калкаман»

мужчина шел для того, чтобы узнать, насколько накалена ситуация вокруг ТРЦ. Проходя мимо одной из СТО, стоящей вдоль проспекта, Руслан заметил молодых людей, которые брали автомобильные покрышки, обливали бензином и поджигали их. Парни призывали людей присоединиться, выкрикивая: «Адамдар көмектесiңдер!!! Немене жай түрсыңдар? Қайда кетiп жатырсың? Бізбен бол!»³⁵. Мужчина помнит стоящий в районе едкий запах горячей резины. «У них цель была перегородить дорогу, чтобы машины с Алматинской области не смогли сюда [в город] заезжать. Посмотрел обстановку я там, прошелся со старшими смены, я все посмотрел, все снял, естественно, на свой телефон, назад прошел. Меня никто не тронул. Не знаю, может внешность у меня такая была, похож я был на их людей, но меня никто не тронул. Затем назад вернулся и доложил, что обстановка нормальная».

Примерно в час дня журналистка Карина поговорила по телефону со своим знакомым, проживающим возле спортивного комплекса «Алматы Арена», который сообщил ей, что в этом районе собрались люди, которые развели костры, после чего куда-то ушли. Карина вместе с коллегой приняла решение ехать к городскому акимату, потому что, по ее сведениям, возле него выставили БТР и полицейские машины. Прибыв на Площадь Республики, полицейских и военную технику Карина не обнаружила, но заметила 2 водомета: один за акиматом, а второй – между президентской резиденцией и акиматом. Также за акиматом стояли солдаты Национальной гвардии (по ее оценкам, около 100–150 человек) в бронежилетах и шлемах, но без оружия. Не считая одной сгоревшей машины, стоявшей возле акимата, на Площади не наблюдалось никаких изменений обстановки, намекавших на будущие события. В это время было тихо и безлюдно.

Когда Карине сообщили, что события разворачиваются на пересечении улиц Толе би и Наурызбай батыра, командой было принято решение немедленно направиться туда. Прибыв на место, они увидели, что по улице Толе би шли митингующие, которые забрасывали камнями и брусчаткой грузовики Национальной гвардии, двигавшиеся им навстречу. Людей, идущих по улице с камнями и палками в руках, она описала как «агрессивно настроенных» и «скрывающих свои лица». По ходу движения они ломали камеры видеонаблюдения, установленные на улицах города.

Карина и ее коллеги были в специальных жилетках с надписью

---

³⁵ «Люди помогите!!! Почему стоите просто так? Куда уходите? Оставайтесь с нами!».

«Пресса» для освещения событий в прямом эфире. Но, несмотря на данное обстоятельство, один из митингующих предпринял попытку выбить из рук ее коллеги видеокамеру. В этот момент к журналистам неожиданно подошла небольшая группа мужчин, которые постарались отеснить журналистов от агрессивно настроенных митингующих и настойчиво попросили их сесть в свой автомобиль и уехать с места событий. *«Нас буквально затолкали в нашу машину и сказали, чтобы мы уезжали. Мы, когда в машину садились, эти ребята еще стояли как-то, чтобы дать возможность нам уехать, потому что тот мужик уже схватил бульжник, и с бульжником на нас побежал».*

Примерно к 14:00 колонна людей, в которой шла Наргиз, подходила по Толе би к улице Желтоксан. И здесь в середину толпы первый раз прилетела шашка со слезоточивым газом. *«Я только увидела указатель на улицу Желтоксан, и в нас начали кидать слезоточивым газом. Но в нас слезоточивый газ кидала не полиция, потому что впереди нас же шла толпа еще, мы, получается, в серединке, а в нас кидали сверху».* Все обратили внимание, что шашку бросил молодой человек, одетый в камуфляжную форму, *«этот парень был военный, молодой человек, курсант или как там их называют».* Наргиз видела, как несколько человек из колонны бросились вдогонку за ним, а когда поймали, стали избивать его с криками: *«зачем в людей гранаты бросаешь?».* Взрослые мужчины отбили «военного» и куда-то увели.

Чем ближе колонна, в которой двигалась Наргиз, подходила к Площади Республики, тем чаще они видели, что повсюду было разбросано *«очень много одежды, вот этого обмундирования военного, которые с щитами идут, – вот это было разбросано».*

Предприниматель Серик знал, что от «Алматы Арена» в центр города идет толпа, но в промежутке 14:30-15:00 ему было необходимо выехать по семейным делам в район пересечения улиц Наурызбай батыра и Курмангазы. Сначала обстановка в городе ему показалась спокойной. Но поднимаясь по улице Наурызбай батыра в южном направлении, он увидел, что по улице Шевченко со стороны улицы Сейфуллина идут люди. По оценкам Серика двигающаяся группа была небольшой, состояла примерно из 150 человек, но своим видом она внушала страх. Люди шли, сгруппировавшись по 10–15 человек: все были в масках и капюшонах, у некоторых в руках были палки, *«такая внушительная толпа».* Они начали останавливать машины, не пропуская их дальше.

Серик был в машине с супругой и хотел проехать дальше, но су-

пруга запаниковала, и им пришлось развернуться и поехать в другую сторону в поисках безопасной парковки. Оставив машину около Центральной клинической больницы (Совминка) в районе фонтана «Неделька», они решили пойти в сторону перекрестка улиц Наурызбай батыра и Курмангазы пешком. Серик отметил, что люди, которых они встречали на своем пути, не проявляли никакой агрессии, все шло мирно, но напряжение обстановки все-таки чувствовалось. Серик с супругой по улице Жамбыла дошли до улицы Наурызбай батыра и повернули в сторону улицы Шевченко. Когда они подошли к перекрестку улиц Шевченко и Наурызбай батыра, движение автомобилей вверх по Наурызбай батыра было все еще перекрыто. Молодые люди, которые ее перекрыли, пропускали только те машины, водители которых по их требованию снимали государственные номера с автомобилей.

Серик отметил про себя, что людей, которые шли по улице Шевченко, стало больше. Откуда появилась эта толпа за то время, пока они с супругой искали парковку, он не знает, а еще у него возник вопрос, почему люди шли по улице Шевченко, а не по проспекту Абая? Движение митингующих было динамичным: кто-то оставлял шествие, а кто-то, напротив, к нему присоединялся. Пропустив толпу, Серик с женой беспрепятственно добрались до места назначения.

Журналистка Карина с коллегами припарковали машину в другом месте, сняли жилетки с надписью «Пресса», чтобы вернуться и продолжить репортаж с места событий. Но на пересечении улиц Богенбай батыра и Наурызбай батыра журналисты стали свидетелями столкновения группы полицейских и толпы. Небольшое количество полицейских, постепенно отступая под натиском, кидали в толпу светошумовые гранаты. На перекрестке стояло плотное облако слезоточивого газа, которое, казалось, не оказывало никакого видимого эффекта на митингующих. В толпе Карина выделила хорошо одетого мужчину лет пятидесяти, который, в отличие от большинства, был не в куртке, а в пальто и кепке. *«Он махал руками и раздавал остальным участникам указания: куда и что кидать, поджечь «Газель», атаковать людей с телефонами».* Сняв репортаж, журналисты решили разъехаться по домам.

Уже на пути домой журналист получила указания редакции вернуться на Площадь Республики. По дороге она наблюдала, как люди поднимались по проспекту Абылай хана и далее по улице Байсеитовой в сторону Площади, и пошла следом за ними.

Ближе к 15:00 Карина уже была на Площади, где, по ее оценкам, собралось около 20 тысяч человек. Люди были повсюду вокруг: на про-

спекте Назарбаева, улицах Сатпаева и Желтоксан, на самой Площади. Она была свидетелем сцены, когда со стороны проспекта Назарбаева появился человек с автоматом, к нему подбежали другие участники митинга, которые скрутили его и отобрали автомат. Из чего Карина сделала заключение, что мирных митингующих на тот момент, все-таки, было больше. Но в следующие минуты толпа людей атаковала акимат. *«Акимат взяли без боя, они зашли, как к себе домой, снесли дверь, никакого оцепления не было, никто их не задерживал, не пытался остановить. Видимо ходили по акимату, потому что из окон начали падать какие-то бумаги, потом акимат загорелся, сначала с левой стороны, потом с правой».*

Студент Нурлан также в 15:00 оказался на Площади Республики, но со стороны улицы Желтоксан. Он видел как в здании акимата города начинался пожар. *«Иә, өртеніп жатты. Дымы қалмаган. Түстен кейін сағат 15:00 кейін»*³⁶. Также он видел как Арман Джумагельдиев (Дикий Арман) и Кайрат Кудайберген пытались начать диалог с собравшимися перед акиматом людьми, но их не стали слушать, а Армана Джумагельдиева избили. *«Дикий Арман және жас депутат Қайрат Құдайбергенов, осы екі жігіт келіп басу айтып жатқандарын көрдім. Оның өзінде де Дикий Арман жақсы әңгіме айтып тұр еді, оны ұрып жіберді»*³⁷.

А Карина наблюдала за происходящим от монумента Независимости, и первое, на что она обратила внимание – это отсутствие у здания городского акимата сотрудников правоохранительных органов, видимо, охранять здание поставили солдат Национальной гвардии. Ее поразило, как кто-то из митингующих вытаскивал солдат из горячей машины, при этом солдаты были без бронежилетов, касок и даже одежды. Некоторые из них кое-как держались на ногах, у некоторых были переломы. Пострадавших заносили в здание на Площади Республики, 13, в двери, где находился телеканал «Мир», и которое в дальнейшем также подожгли. Тяжелораненных грузили в машины, одного из них даже в багажник легкового автомобиля. В то же время машины «скорой помощи» на Площадь протестующие не пропускали. На самой Площади каким-то чудом оказались 2 «скорые», которым участники акции не давали проехать, атакуя их.

Толпа людей была очень разрозненной, что было понятно по их действиям. Кто-то нападал на машины, кто-то штурмовал акимат, кто-то просто наблюдал за происходящим, как и Карина. *«5 числа никаких лозунгов не было, иногда были выкрики «Шал, кет!», причем иногда я слыша-*

³⁶ «Да, уже горело. Ничего не осталось. После 15:00 все сгорело».

³⁷ «Я видел, как Дикий Арман и молодой депутат Кайрат Кудайбергенов вдвоем успокаивали народ. Дикий Арман хорошо выступал, но его потом ударили».

ла выкрики «Аллах Акбар». Один из митингующих прямо расстелил коврик и читал намаз, хотя шла стрельба и кидали светошумовые гранаты. Было достаточно много «бородачей», причем интересно, что они скучковались на пересечении проспекта Назарбаева и улицы Сатпаева. Но среди тех, кто поджигал машины, я не видела бородачей, может, были, но я не видела». К Карине несколько раз подходили какие-то люди, которые сначала советовали ей осмотрительней вести съемку на телефон и не снимать лица людей на Площади, а в другой раз посоветовали надеть маску, чтобы ее лица не было видно.

Штурм президентской резиденции, в отличие от нападения на акимат, шел долго. Другая часть толпы поджигала здания, в которых располагались редакции телевизионных каналов. Началась стрельба и Карине показалось, что это было со стороны тех, кто оборонял Резиденцию. Когда стрельба усилилась, она поняла, что пора уходить. «Я стояла за памятником, и часть митингующих стала потихоньку расходиться. Один мужчина подошел и сказал, что стреляют боевыми, другой достал из кармана пулю, мол, смотрите, вчера стреляли резиновыми пулями, а сегодня боевыми. А другой мужчина, лет шестидесяти, сказал, что был в первом ряду тех, кто пошел «братъ» Резиденцию. Он сказал, что рядом с ним было четверо парней, а эти просто стреляют в толпу, и рядом с ним четверых убили. А другой сказал, что было много раненных именно при штурме Резиденции, вся стрельба была в основном там. Я спросила, а куда дели раненных, он сказал, что их увозят на своих машинах, видимо вверх через Аль-Фараби, а вниз не пробиться».

Преподаватель вуза Гульмира утром 5 января узнала, что, несмотря на происходящие события, работа в учебном заведении не была переведена на дистанционный формат. После обеда, все-таки, было принято решение распустить преподавателей по домам. Проживая по проспекту Сейфуллина, она стала невольной свидетельницей происходящего. Ближе к 16:00 Гульмира видела, как по проспекту Сейфуллина в южном направлении поднималась толпа людей, которые шли, сгруппировавшись партиями по 20–30 человек, несмотря на автомобильное движение. Ближе к вечеру количество идущих стало заметно увеличиваться. Наблюдая длительное время за происходящим из окна, она отметила про себя, что не видела ни одной полицейской машины, но слышала призывы толпы к жителям домов по пути следования колонны: «Қазақтар шығыңдар!» («Казахи, выходите!»), «Вы же казахи, что вы сидите дома?! Выходите!». «80% были, все-таки, мужчины, молодые, ну, тех, что мы видели – очень молодые, в возрасте от 18 до 35 лет. Почему-то все они были в шапках, капюшонах, в спортивной одежде, 10% были и

молодые девушки, женщины были среди них. Среди них были люди, которые были разносчиками еды типа «Wolt», у них отличительные есть жилетки синие, и на синем написано белым».

Виталий, тележурналист, с самого утра этого дня был в команде, освещавшей происходившие события, и поэтому находился в самой гуще событий, поскольку редакция их канала находилась на Площади. «Было очень спокойно. Получается, в 13 часов 5-го числа у нас был первый прямой эфир, и уже начались беспорядки на Площади, и сразу стало понятно, что это не обычный какой-то митинг, при котором там поишумят все, к обеду разойдутся как обычно, а это будет что-то серьезное».

До определенного момента в редакции была надежда, что все закончится движением вокруг акимата, но в 15:00 после поджога здания городской администрации, Виталию и его коллегам стало понятно, что ситуация максимально обострилась, и они начали готовиться к худшему сценарию. «Когда акимат начал гореть ярко-красным пламенем, уже стало понятно, что все, вот тут точно это не остановится. В 15 часов уже начались у нас сборы активные, в это время уже забаррикадированы были двери. Нас было 8 человек всего в тот день, мы сразу рассредоточились, часть коллег отправилась домой, кто-то остался дописывать материал, быть на телефоне, что-то сообщать, а других ребят мы отправили срочно зайти все видео, которые у нас есть, на файлообменник, чтобы оно не пропало никуда, потому что уже предполагали, что можем остаться без всего. Оператора отправили снимать все максимально, что он может, через окно. Знаете, как в кино, никто ни с кем не прощался, но все понимали, что что-то серьезное вот точно будет и надо пытаться как-то уберечься».

Участники протестной акции, которые врывались в редакции телеканалов, требовали «прямого эфира», чтобы выступить с неким сообщением, но столкнулись с тем, что это было невозможно осуществить технически. Итогом их ярости стал разгром редакций с последующим поджогом здания на Площади Республики, 13. «Они не шли с целью захватить и уничтожить, они шли с целью захватить и выйти в прямой эфир. Требования были конкретные – организуйте прямой эфир. Они когда зашли, нашли мало людей. Они же просили прямой эфир, не особо образованные оказались, потому что нельзя просто зайти на телевидение, и как в западном фильме сказать: «организуйте мне прямой эфир!». Это же подключение техники, это не так просто одну кнопку нажать. Это налаживание спутников связи, проверка сигнала, то есть, там подключение к эфиру, это работа минимум 4 человек, это инженеры, это операторы. То есть, это еще должен быть свободный спутник

в данный момент над нами. И когда они не нашли этого ничего, они просто начали все ломать и поджигать. Офиса у нас не осталось». В 15.20 все члены команды тележурналистов этой редакции успели покинуть свой офис.

К обеду, оказавшись дома, Аскер заметил в своем дворе в районе пересечения улицы Масанчи и проспекта Абая посторонние машины и молодых людей, откручивающих с них номера. У него создалось ощущение, что эти молодые люди находились здесь с какой-то конкретной целью: их физически крепкие телосложения, то, как они общались между собой, пока снимали номера с автомобилей – все это выглядело так, словно они готовились к чему-то. Сфотографировать их на свой телефон он не рискнул, но вдруг понял, что таких же подготовленных людей он видел и среди толп митингующих. Также у него в памяти всплыл автомобиль без номеров, который он часто встречал в центре города 4 и 5 января – «Land Cruiser 100» черного цвета с задними затемненными окнами.

Пенсионеру МВД Канату 5 января нужно было попасть к стоматологу, и его путь проходил через микрорайон «Калкаман», где движение было перекрыто протестующими. Проезжая через район пересечения улицы Саина и проспекта Райымбека, он увидел горящие автомобили. Решив поймать такси, Канат узнал, что крайний пункт назначения для него – это пересечение улицы Толе би и проспекта Абылай хана. По дороге его удивляло полное отсутствие полиции. Канат решил узнать, что происходит, и поднялся до Площади Республики, вверх по проспекту Назарбаева. По его оценке, около 16:00 на Площади находилось около 50 тысяч человек. *«Там было большое, массовое скопление людей, Площадь гудела просто, я так прикинул, свыше 50 тысяч человек. Почему так прикинул: я ходил на Центральный стадион на футбол в Алматы, там вместимость 25 тысяч, вот когда европейские клубы приезжают – полный стадион, а здесь в 2 раза больше было. Сама Площадь была полная, прилегающие улицы, прилегающие территории были полные, Фурманова вся была в народе, Сатпаева вся».* Были слышны выстрелы, чувствовался слезоточивый газ и дым от светошумовых гранат, повсюду грохотало. Левая часть здания городского акимата уже горела. Тем не менее, люди, по его словам, были настроены миролюбиво. Кто-то ходил и раздавал воду, пирожки, что резонировало с тем, что другая часть людей в это время пыталась взять штурмом резиденцию Президента, и где происходили самые ожесточенные события. *«Горела Резиденция, лежали трупы, в общем, много было крови, хорошо отстреливались, видимо».*

Находясь на Площади в 17:00, студент Нурлан заметил, что у лю-

дей, собравшихся возле акимата, появилось оружие. Около здания акимата он увидел мужчину с автоматом Калашникова на перевес, который кричал: «қазір көрсетеміз, патрон келеді! Мылтық таратып жатыр!»³⁸. Появление перед акиматом трех групп людей с оружием в руках напугало Нурлана, и он быстро принял решение возвращаться домой. «Сағат 17:00 шамасында, күн батып келе жатқан кез. Кешқұрым. Сол уақытта үйге қарай кете бастадым. Оң жерде мылтық ұстап жүр! Әкімшілік алдында үш топ тұр. Акиматтың алдында бір топ, ескерткіштің алдында бір топ және жолдың ортасында бір топ тұр»³⁹.

Юрист Арман, 45-летний житель области, пенсионер МВД, и его друг 5 января в 15:00 выехали в Алматы, думая принять участие в митинге, а когда приехали на Площадь, сделали вывод, что он носит далеко немирный характер. Арман, человек с опытом, заметил, что среди митингующих «у многих осанка военная, выправка, они с наушниками ходили, с прозрачными. Возможно, гражданский человек не заметил бы среди толпы таких людей, но я сразу вычислил, потому что разбираюсь: были люди, я так думаю переодетые в гражданку».

В итоге, решив не принимать участие в митинге, друзья проехали по городу, оценить ситуацию. «Сделали круг по городу, посмотрели на этот беспорядок, хаос, мародерство пошло. Проехали улицу, возле охотничьего магазина, когда проезжали, видели, как люди оттуда выносили оружие, сумки, вещи. Потом я видел, как с багажника раздавали оружие людям. Кто хотел воспользоваться моментом, воспользовался, я так думаю».

А для ресторатора Гульнaры и ее коллег-поваров 5 января стал сумасшедшим ненормированным рабочим днем. Весь день она созванивалась с коллегами, собирая доступные продукты для приготовления пищи: мясо, масло, овощи. «У нас закупка-то особого и нет же, на неделю закуп, готовим с него. Приготовили первую партию отвезли. Позвонила моя подруга из общественного фонда, говорит: «ну, что, ты где»? Я говорю: «мы вот тут кушать варим, полиция и еще медики остались голодные, ребята со «скорой помощи», пожарные и все, они закрыты у себя. А ты же знаешь, что медики даже выйти не могут, они просто «шьют и шьют» на автомате. Она говорит: «у нас в морозилке есть нога кабана и нога косули», я говорю: «вези». Потом я позвонила рестораторам всем: «у тебя масло есть?», «а, картошка, лук, морковка?». Я говорю: «ну, вот так и вот так, ребята голодные сидят,

³⁸ «Мы сейчас им покажем, сейчас патроны придут! Ружья раздают!».

³⁹ «Около 17:00 солнце начало садиться. Позднее время. В это время я собрался пойти домой. С правой стороны стоят с оружием. Перед акиматом стоят три группы. Одна из групп стояла перед акиматом, вторая – перед памятником и третья – посередине дороги».

надо покормить».

Приготовив еду, ее команда из коллег, добровольных помощников и членов семьи развозила питание, что также не происходило без инцидентов. Сын Гульнары попал под обстрел полицейских, когда привез еду в Департамент полиции, который к тому времени подвергся нападению боевиков. Гульнара в ужасе звонила в Департамент, чтобы прекратили огонь и опознали машину волонтеров: *«Вы что?! Это же наши ребята! Я же вам номер машины сказала! Марку машины! Мы кушать привезли!».*

В течение дня кухне Гульнары и ее коллег пришлось менять дислокацию, потому что волонтерам стали поступать звонки с угрозами с неизвестных номеров, чтобы они прекратили свою деятельность. *«Звонили с разных номеров, говорили: «мы вам башки отрежем», еще что-то. Нашу машину побили вот так со всех сторон, аж краска слетела, пинали. Мы за своими строго следили, хотя не было WhatsApp, но каждые 10 минут созванивались: «я там, там», все это было под строгим надзором. Если ты на точку приехал, то должен был позвонить и сказать, что я приехал на точку. Или говоришь «я выезжаю с точки, еду таким и таким маршрутом».*

Работник акимата рассказал о том, что 5 января протестующие тремя волнами двинулись на штурм городской администрации. Анализируя причиненный урон, он пришел к выводу, что мародерам и нападавшим на акимат бандитам необходимо было показать, что они владеют и управляют ситуацией в городе, и что другой власти и правоохранителей в городе нет. *«4-го они захватили акимат, но они его не сожгли, они оттуда вышли. 5-го пошли, захватили, сожгли. . . 6-й этаж – уничтожили именно блок, где сидело руководство города, напалмом, представляете? Они блокировали все силы полиции: Бостандыкский, Алмалинский, городской Департамент полиции, Наурызбайский акимат пострадавший вот этот, Ауэзовский РОП».*

К Кайнару, который с обеда находился дома, около 17:00 вечера приехали друзья из пригородного поселка и сообщили, что несмотря на объявленный режим ЧП, блокпостов на въезде в город не было.

ВЕЧЕР

Вечер 5 января «отметился» знаковым событием – захватом алматинского аэропорта. У правоохранительных органов так же, как и у простых граждан, до сих пор нет четкой и ясной версии, для чего вооруженным группам понадобилось здание аэропорта? С точки зрения грабежа и мародерства – это не самое подходящее место: бутиков с модной одеждой, дорогой косметикой и элитным алкоголем там совсем немного. Разве что Duty Free, но что там есть такого, чего нет в других магазинах, особенно в тех районах, которые стали объектами атаки в центре города? К тому же аэропорт – это место, которое охраняется лучше, чем другие объекты. Очевидно, что вооруженным людям, пришедшим туда вечером 5 января, не нужны были магазины и кафе, которые там расположены. Они лишь стали попутными жертвами или маскировкой. Но настоящая цель людей, захвативших аэропорт, все же до сих пор не ясна, и вся ситуация с нападением на алматинский аэропорт до сих пор остается загадкой для широкой общественности.

В определенной мере о цели захвата аэропорта можно понять из рассказа сотрудника аэропорта Абзала. Около 17:30-18:00 вечера начальник смены сообщил ему, что работники дневной смены в аэропорту готовятся к эвакуации, и, скорее всего, сегодня в аэропорт приезжать не надо. Но через какое-то время его все равно вызвали на работу.

Около 20:00 Абзал вместе с коллегами сел в такси и поехал на работу на улицу Саина-Рыскулова. *«Рысқұлов даңғылымен төмен түскенде, Air Astana-ның машиналарымен жүргендерді, Қазақстанның туын көрдік. Көбісінің сұрағаны: «келесі митинг қай жерде болады?»⁴⁰*. Однако дорога на аэропорт была перекрыта и примерно в 20.30 Абзала вместе с коллегами высадили на остановке общественного транспорта, и дальше они пошли пешком: *«біз «Озеро» деген аялдамадан түсіп жаяу бардық. Ол кезде басым бөлігі митингке қатысу үшін аэропорттан бері қарай қайтып келе жатты. Шамамен, елу-алпыс адамдай. Аэропортқа кіретін илағбаум-*

⁴⁰ «Спускаясь по проспекту Рыскулова, мы увидели людей, едущих на машинах компании Air Astana с флагом Казахстана. Многие спрашивали: «Где будем следующую митинг?»».

нан бері екі жүз метрді жауып тұрды. Сол жерде, адамдардан естүім бойынша, агрессивті топ бар. Сол топты сол жерден көрдім деп айта аламын. Өйткені, аэропорттан шығып келе жатқан таксисттерден де, жолаушылардан да митингке шығуды талап етіп жатты. Жақынырақ барып қараған кезде, менің көзімше, бір көлікті тоқтатып, басқа ұлттың адамына митингке шығуды айттып, айқайлап жатты. Ол келісімін бермеді, өйткені, үйге бара жатқан адам, ал олар оны ұрып, көлігін талқандады»⁴¹. В толпе Абзал слышал разговор, что целью собравшихся в районе аэропорта людей было не допустить прибытия российской армии в аэропорт, хотя, по его мнению, на тот момент конкретной информации о россиянах не было, были только предположения о такой возможности.

Когда Абзал и его спутники миновали шлагбаум и подошли к аэропорту, здание уже подверглось нападению, начался грабеж: он видел, как группа из нескольких человек ломали банкоматы в аэропорту, чтобы их открыть. «Бірінші қабатта қиратумен айналысып жатты, тонайтын нәрсе де жоқ. Өрт сөндіргіш баллондармен терезені сындырып жатыр, он-он бес адам банкоматты ашуга тырысты»⁴². У Абзала создалось впечатление, что люди действовали под воздействием алкоголя или наркотиков.

Основной целью Абзала и его коллег, вошедших по специальному пропуску в аэропорт, было безопасно вывести пассажиров из здания, чтобы они смогли вернуться домой. Все это время Абзал наблюдал, как разрушались внутренние помещения аэропорта, продолжались взломы и грабежи находившихся там магазинов и кафе. Когда Абзал подошел к зоне вылета он увидел, что нападавшие разъезжают на служебном транспорте. В руках этих людей были в основном орудия разрушения – палки, железная арматура. Подъехав к сотрудникам аэропорта, нападавшие спросили, знают ли они, где находятся военные самолеты и получили отрицательный ответ. «Бізде эвакуация сағат 19:30-да басталған, өзімнің ауысымым болғаннан кейін, өзіммен бірге жұмыс жасайтын қызметкерлерден алынған ақпарат. Аэропортқа келген ең бірінші топтың өзі, агрессивті бастаған. Әділ митинг немесе аэропортқа ұшақтардың қо-

---

⁴¹ «Мы вышли на остановке «Озеро» и пошли пешком. В это время большинство возвращались из аэропорта для участия в митинге. Около пятидесяти или шестидесяти человек. За двести метров до въездного шлагбаума (перед аэропортом) дорога была перекрыта. Там стояла агрессивная группа. Могу сказать, что я увидел там эту группу. Они требовали от таксистов и пассажиров, выезжающих из аэропорта выхода на митинг. Когда я подошел поближе, увидел, что они остановили машину и с криком требовали от человека другой национальности, чтобы тот шел на митинг. Он не согласился, т. к. шел домой, за что его избили и разбили ему машину».

⁴² «На первом этаже все ломали, грабить было нечего. Разбивали окна огнетушителями. 10–15 человек пытались вскрыть банкомат».

нуын тоқтату үшін келген адамдардың өзі, аэропорт қызметкерлерімен диалог құру керек деп ойлаймын. Аэропортқа кірген сәттен-ақ, шабуыл мен қирату басталып, қызметкерлердің көліктерін тартып алған, өзіммен бірге істейтін адамдарды машинамен қуған, ұшақтарға шабуыл жасалмаған. Біз үйге қайтып бара жатқан кезде, біздің бастығымыздың танысы басқа қалаға ұшып бара жатқан рейсте қалған, сол ұшақтың ішіндегі адамдарды құтқару үшін барғымыз келген, бірақ, капитанның ескертуі бойынша самолет жабылып, сырттан ешқандай көмек қабылдамау командасы берілді. Сөйтіп, біз үйге қайттық»⁴³.

Бишкекский врач Николай, приехавший в Алматы навестить своих друзей, вечером 5 января должен был улетать в Бишкек. Однако, по понятным причинам, сделать этого он не смог. Николай из Кыргызстана, страны, пережившей ни одну революцию и множество массовых беспорядков. Подобные обстоятельства – привычная для него ситуация, которую он лично много раз наблюдал у себя на родине. И поэтому, наученный горьким опытом, и зная о митинге 4 января в центре Алматы, он решил выехать в аэропорт пораньше, чтобы ничто не смогло помешать его плану вернуться домой. «*Решил выехать в аэропорт за несколько часов до рейса, потому что непонятно было, что в городе происходит, потому что я был на окраине. Такси меня провезло тоже по окраине, не через центр, поэтому я не видел того, что происходило в самом городе. В Киргизии была не одна революция, и в принципе приходилось быть свидетелем этих вещей*».

Николай был совершенно спокоен, убежденный в том, что алматинский аэропорт не будет захвачен, в отличие от других объектов. «*Я в принципе и не думал, что аэропорт могут захватить. Смотрите, аэропорты обычно хорошо охраняются, и брать их штурмом, если это просто мародеры какие-то, ну, а смысл? Во-первых, там можно получить, и как следует, во-вторых, все-таки, там нет какого-то великого богатства для людей, которые что-нибудь хотят украсть, бытовую технику, например, ну какие-то магазинчики могут быть в аэропорту, ну или чтобы ограбить пассажиров. . . ».*

К моменту вылета примерно около 19:00 ситуация в зале ожидания международных рейсов стала очень нервной, рейсы откла-

⁴³ «По информации моих коллег эвакуация началась в 19:30, после моей смены. Самая первая группа (протестующих), прибывшая в аэропорт, вела себя агрессивно. По моему мнению, люди, которые пришли на справедливый митинг или хотели помешать посадке самолетов, должны были вести диалог с сотрудниками аэропорта. С того момента, как они вошли в аэропорт, начались нападения и разрушения. Служебные машины захватывались, а потом на них гонялись за моими коллегами. Но на самолеты не нападали. Когда мы возвращались домой, узнали, что знакомый нашего начальника остался на борту самолета, который должен был лететь в другой город. Мы хотели поехать спасти людей, находившихся в этом самолете, но капитан предупредил, что самолет закрыт и была дана команда не принимать никакую помощь извне. Итак, мы пошли домой».

дывались, интернета не было, внятных сообщений от авиакомпаний тоже, но было много слухов и обсуждений среди пассажиров разных рейсов. И вдруг была объявлена посадка, которая в итоге закончилась тем, что пассажиры заняли свои места в самолете, а вылет рейса так и не состоялся. Когда пассажиры уже готовились к взлету, Николай сквозь окно иллюминатора увидел, как персонал аэропорта с личными вещами массово покидает здание терминала и уходит в неизвестном направлении. То, что это был именно персонал, у Николая сомнений не было – на этих людях была форма с логотипом воздушной гавани. *«В какой-то момент люди в форменной одежде, персонал аэропорта, они стали покидать аэропорт, с личными вещами, они были в форме, но с личными вещами какими-то, они в одном направлении пошли, люди десятками уходили».*

Пока Николай наблюдал за тем, как уходит персонал, их самолет начал движение. На секунду он расслабился и уже подумал, что всего несколько минут отделяют его от полета, который доставит его домой. Однако вместо взлетной полосы, самолет поехал на стоянку. Это было не удивительно, взлетать в таких условиях, да еще и в туман – дело не просто крайне рискованное, но и запрещенное по всем авиационным стандартам. Неизвестно, кто принял такое решение: экипаж самолета или руководство аэропорта, но это решение во многом позволило спасти если не жизни, то по крайней мере здоровье пассажиров: как физическое, так и психологическое. Командир воздушного судна объявил, что вылет откладывается на неопределенное время. Пассажиры попросили закрыть шторы иллюминаторов, погасили в салоне свет.

Николая в силу его профессии изначально беспокоила эта ситуация. На борту самолета находились как дети, так и пожилые люди. Нужно было убедиться, что в самолете есть все необходимые вещи: запасы питьевой воды, медикаменты, теплые вещи. Но члены экипажа заверили его, что все необходимое на борту имеется и ему не следует переживать. Пассажирам раздали пледы, паники среди них не было. Экипаж, по словам Николая, сработал профессионально. Самолет обогревался, электричество также присутствовало. *«Экипаж и командир вели себя очень сдержанно, достойно, со слов командира вроде бы несколько раз извне давали приказ, чтобы люди покинули самолет, но он настаивал на своем отказе, мол, куда людей ночью, на полосу, что ли? То есть, видно было, человек сдержанный, эмоционально стабильный, вел себя достойно. Также и девочки-стюардессы, они тоже вели себя достаточно сдержанно. То есть, понятно, что им тоже было неясно, что происходит в этой ситуации, но, тем не менее».*

Еды на борту самолета было мало: несколько бутербродов, кото-

рые пришлось порезать на мелкие части и раздать детям. Но обстановка в целом была спокойная. *«По большому счету мы не испытывали там каких-то лишений грандиозных. Понятно, что было беспокойство, была связь ночью, мы пытались как-то разговаривать, что происходит, но это были большие слухи».*

Глубокой ночью начали поступать противоречивые сообщения. Но потом командир борта объявил о том, что аэропорт освобожден, и к самолету, в скором времени должны прибыть люди из спецслужб, которые помогут пассажирам в безопасности добраться мест временно-го пребывания. Однако никаких спецслужб пассажиры так и не дождались. Выйти пассажиры смогли только утром, когда уже точно было ясно, что аэропорт находится под контролем властей. Они прошли пешком по территории до ворот аэропорта, где уже находились солдаты.

Части пассажиров было предложено разместиться в офисе авиакомпании Air Astana, поскольку все гостиницы либо не работали, либо *«были разгромлены»*. Руководство компании обещало организовать горячее питание и ночлег. Другой части пассажиров было предложено развезти их в разные районы города. В то же время кто-то из пассажиров, который боялся оставаться в городе, предложил организовать транспорт сразу до Бишкека, на что сотрудники авиакомпании согласились, при условии, что поездка будет оплачена самими пассажирами. Большинство это устроило, оставаться в городе в этой ситуации решились немногие.

Сложившись по 10 тысяч тенге, часть пассажиров злополучного рейса отправились на «газелях» в сторону границы с Кыргызстаном. На проспекте Райымбека, по словам Николая, были баррикады, некоторые из которых пришлось объезжать. Примерно на трети пути водитель вдруг остановился и сообщил пассажирам, что вскоре прибудет автобус, на который они должны пересесть и доехать до границы. Большинство людей это не устроило. В таких условиях было непонятно, приедет ли вообще другой автобус. Многие предпочли добираться своими силами, им вернули деньги. Николай был в их числе. Выйдя на трассу, он и еще несколько пассажиров поймали такси до границы. Границу граждане Кыргызстана прошли спокойно, без осложнений, поскольку, судя по всему, сухопутные пограничные службы были предупреждены о том, что границу перейдут пассажиры международного рейса.

Научный сотрудник Азат вместе с супругой и детьми 5 января на-

ходил в аэропорту, потому что должен был улетать в заграничное путешествие. Прибыв в аэропорт, они обнаружили, что здание окружено цепью солдат. *«Они стояли напряженно, а лица были совсем детские»*. Внутри аэропорта жизнь шла своим чередом, казалось, что ничего не происходит. После 18 часов вечера выяснилось, что все вечерние рейсы начали откладываться и в зале ожидания международных рейсов начался хаос. Отключение интернета не добавило позитива в этот вечер.

Представители Air Astana сообщили, что из-за неполадок с интернетом, рейсы отложены, но скоро все наладится. Людей в аэропорту становилось все больше, раздражение и нервозность повисли в воздухе. Но, тем не менее, Азат слышал звуки взлетающих самолетов, при этом, по его мнению, звук был специфичный, непохожий на взлет гражданских бортов. Он начал обзванивать знакомых, которые говорили ему странные вещи: что по городу беспорядки, захвачен акимат, слышны выстрелы. И Азат начал узнавать реальную обстановку у сотрудников аэропорта, которые испуганно говорили о том, что ожидается штурм аэропорта неизвестными лицами, но они готовы к отпору, поскольку военная часть приведена в полную боевую готовность.

Вдруг Азат увидел, что один из пограничников переоделся в гражданскую одежду. Мужчина начал уточнять, с чем это связано, и ему рассказали, что брат пограничника – полицейский – принимавший участие в разгоне митинга на Площади, сильно избит и борется со смертью в больнице. Предполагая худший сценарий и посоветовавшись с супругой, Азат принял решение отказаться от поездки и с детьми спешно покинул аэропорт. На выходе они увидели, что турникеты, пропускающие автомобили, открыты, и никакой вооруженной охраны, которая стояла в момент их приезда в аэропорт, уже не было. Семья хотела взять такси, но была названа баснословная цена за поездку – 40 тысяч тенге, и от поездки пришлось отказаться.

Азат с семьей двинулись пешком в надежде остановить попутную машину и увидели, как к аэропорту приближалась толпа, состоящая из пешеходов и многочисленных машин без номеров, в которых находились пассажиры-мужчины. Все громко кричали, свистели и переговаривались между собой, у некоторых в руках было оружие. *«Мы увидели эту толпу. . . Я супруге сказал, что это ОМОН. И это были здоровые ребята, на них бронжилет вот так стоял. А рядом был какой-то, извините за определение, но абсолютно левый сброд. Потом я видел, как подъезжали машины, оттуда выгружались люди, очень много было машин без номеров, всяких разных*

мастей: стояли крутые джипы, – видимо, этих людей, – пикапного типа и еще другие. И к ним вот рядом пристраивались вот эти аульные машинки, знаете, такие, побитые жизнью, такие всякие «Passat», «Opel Vectra» и т.п. Потом я видел, как подвозили людей. Туда подъезжали машины грузовые, там сидели ребята молодые, они были очень возбуждены, они кричали, свистели. И после этого у нас началась нервозность, потому что было страшно. Потому что еще когда мы шли, у людей оружие увидел».

Пока семья Азата шла по дороге от аэропорта в сторону ВОАД, «охранники выходили с предприятий, махали руками, спрашивали: что происходит, что нам делать?». Охранники, ну там пожилые люди. Я говорил, что вам лучше запереться или вообще куда-то уйти, подальше от своего предприятия, потому что, не дай Бог, что случится. Тут возле нас остановилась машина, она была без номеров. Я очень сильно напугался, честно говоря. Неизвестно, что может произойти. И когда у меня спросили очень вежливо: «агай, а как проехать в аэропорт?», я удивился, потому что они были возле аэропорта, вот это же и есть дорога на аэропорт. Я сказал, что тут недалеко, прямо ежайте».

Семья Азата еще долго шла, пока не вышла на Кульджинскую трассу, где только через некоторое время появилась машина, которая и довезла их до места жительства в пригороде. За рулем сидел таксист, осуществляющий междугородние рейсы, который испуганно поведал о жуткой обстановке на железнодорожном вокзале и в самом городе. Это заставило его спешно вернуться домой в Иссык. «Он был возбужден, сильно испуган, говорит: «я вот вас увидел, подумал, что вы с семьей, надо забрать». Он даже денег не просил, говорит «надо сваливать».

Этим же вечером около 18:00 огромная толпа, видимо, с Площади Республики пошла в западном направлении с криками о победе. Машины на улицах, не принимавшие участие в митинге, приветственно им сигналили. Наталья, живущая в районе пересечения проспектов Абая и Сейфуллина, весь день, несмотря на туман, пыталась следить за тем, что происходит на улицах, и отметила, что в тот день не видела полицейских. «Было такое ощущение, что нас бросили! Вот эта дестабилизация началась, и порядок наводить никто не будет. Было такое ощущение, что не будет никакого подавления, что все будет на ухудшение». Особенно сильно ее мнение об отсутствии работы правоохранительных органов и безвластии в городе утвердилось, когда женщина поняла, что началось мародерство. «Мы слышали, как разбивали витрины магазинов. Мы видели, как люди вытаскивали из магазинов вещи, прибегают к нам во двор, надевают эти вещи, уходят. Потом в их одежду какие-то бомжи пришли переоделись. Это были подростки наши, молодые ребята, которые грабили наши магази-

ны, 16-20+ лет. Потом ночью, около 2-х часов, ограбили у нас обменник, тоже подростки. Потом еще какая-то серия была, слышали, что витрины бьются». Все это продолжалось примерно до 4-х утра 6 января.

Житель города Рустем, проживающий на пересечении улицы Сатпаева и проспекта Сейфуллина, обратил внимание на активность черного «мерседеса», который то уезжал в сторону Площади, то возвращался и направлялся вниз по улице Сейфуллина в северном направлении. Рустему было хорошо видно, каким образом выстраивалось движение машин и людей, потенциальных организаторов и участников протестных действий. *«Была какая-то машина одна, я видел, хорошо запомнил почему-то. Это уже 5-го днем было. Я ее видел: «Мерседес» черный «лупатый» в 80-м купе, – и он вот ездил туда-сюда. То есть, он уезжал на Площадь туда, возвращался, по Сейфуллина вниз проезжал, возвращался и опять туда ехал, опять сюда приезжал. Люди, которые собирались 5-го на этом же перекресте, были люди, которые приезжали на автомобилях. То есть, опять же по Сейфулина парковались, заклеивали номера, кто скотчем заклеивал свои номера, кто снимал вообще номера. Группой по 4–5 человек они на 1 автомобиле приезжали. И получается 5–6 автомобилей приезжало, ну или 3–4 автомобиля приезжало, они выходили, общались, разговаривали, некоторые садились в автомобили и уезжали. И так постоянно – приезжают-уезжают, и люди выходят потом и идут в сторону Площади».*

Закончив со своими делами, к 18:00 предприниматель Серик с супругой вернулись к машине, оставленной в районе улицы Жамбыла и Байсеитовой. Он отметил, что светофоры не работали, чувствовалось напряжение в городе. *«Понятно было, что в районе акимата что-то происходило, его штурмовали, он горит уже всюю, и было понятно, что в городе власти нет, фактически уже пятого вечером для меня, по ощущениям, был город оставлен, полнейшее безвластие было».*

К 19:00 журналистка Карина вернулась домой. Ее дом находится в районе пересечения проспекта Назарбаева и улицы Маметовой. Около 21:00 Карина пошла погулять с собакой, и когда встретила людей, бегущих по улице с охапками вещей, она поняла, что это мародеры. *«Они даже не стеснялись! Мы видели молодых людей, которые бегут по Назарбаева, у них в руках охапки непонятно чего. Они бегут, хихикают, радостные такие. Один подошел, на площадке детской разложил женские вещи, у него была куча женских вещей, сумок. Он убрал вешалки, они ему, видимо, мешали идти, опять всю эту кучу собрал, и ушел».*

Завершив процедуру гемодиализа около 20:00 вечера, житель области Адилет не смог проехать по проспекту Райымбека в сторону

улицы Момышулы, поскольку дорога уже была перекрыта, а автомобили полицейских, находившиеся там, были сожжены. Там же к нему подошли люди, попросив уехать из этого места. Перестроив маршрут на улицу Толе би, он заметил в районе пересечения проспекта Райымбека и улицы Саина два догорающих «КАМАЗа». Вернувшись на проспект Райымбека через улицу Момышулы, он увидел камни, лежавшие на дороге, кирпичи, догорающий мусор. Только ближе к 21:00 вечера он смог вернуться домой.

Около часа ночи 6 января 44-летний сотрудник частной компании Марат сел в свою машину в нижней части города, и поехал домой. Про комендантский час он не знал. Мужчина возвращался с дачи, где кормил собак. Поднимаясь с проспекта Райымбека до Толе би, мужчина подвозил попугачиков, буквально несколько кварталов по дороге домой. И вот Марат снова увидел голосующих людей. Это были 3 человека, которые представились сотрудниками полиции и попросили довезти их до Департамента полиции г.Алматы, поскольку им поступил общий приказ собраться в одной точке. В ходе движения они периодически пользовались рациями.

Примерно в 1:15 ночи машина поднималась по проспекту Сейфуллина, *«был сильный туман, тяжело ориентироваться, светофоры не работали, и редкие машины ездили, и стрельба была уже»*. В районе пересечения проспекта Сейфуллина и улицы Толе би, мужчины слышали стрельбу. Марат начал переживать, поскольку было понятно, что ситуация небезопасная, но пассажиры просили проехать еще 2 перекрестка. Машина доехала до улицы Кабанбай батыра. Когда пассажиры стали выходить, раздалась стрельба. Пассажиры выбежали из машины. Стреляли по ближайшим бордюрам, асфальту. Повернув голову налево, Марат увидел две другие машины и лежащих на земле людей. Переборов страх и оцепенение, Марат рванул по улице Кабанбай батыра в западном направлении: *«педаль газа в пол и плевать, что это встреча»*. За машиной началась погоня. По машине вели стрельбу, но мужчине везло, пули проскальзывали мимо. Вдруг Марата резко ослепил свет от фар, и мужчина услышал одиночные выстрелы. Увидел простреленное лобовое стекло и подумал: *«Пронесло!»*. Но следующая пуля попала в грудь. Из последних сил мужчина проехал несколько десятков метров и завалился на бок. *«Я упал влево, отстегнулся, вышел из машины, чуть-чуть прошел, упал, снова чуть-чуть прошел, упал. Я просто ехал покормить собак, а потом пожалел и подвез людей... Через 5 минут ко мне подбежали какие-то люди. Они оттащили меня, перевернули на спину и стали спрашивать. Я сказал,*

что меня подстрелили, попросил взять мой телефон в машине и позвонить в «скорую» или хотя бы сестренке, чтобы она меня забрала».

Вначале дозвонились до сестры, звонок на 103 и ожидание машины «скорой помощи» окончилось ничем. Через 30 минут на место событий приехали родственники Марата, которые погрузили его в машину и повезли в «приемный покой» БСМП на пересечении улицы Казыбек би и проспекта Сейфуллина. По дороге периодически была слышна стрельба. Примерно в 3 часу ночи мужчину приняли в приемном отделении. Врачи обсуждали большой поток раненых, которым, к сожалению, не успевали оказывать медицинскую помощь. Это был настоящий конвейер! *«Там начали привозить очень много раненных, не считая побитых. И они начали сортировать, кого-то увозить в операционную, потому что врачей уже предупредили. Там было три-четыре бригады, там было очень много врачей, и они начали развозить по операционным. Утром я узнал, что в ту ночь умерло очень много людей. Врачи рассказывали, что в морг увезли полный КАМАЗ погибших».*

В ту злосчастную ночь Марату сделали тяжелую операцию, из легкого достали пулю. Из-за того, что врачи торопились, время шло на минуты, врачи спасли ему жизнь, но организму был нанесен дополнительный вред. В то же время пуля, чуть не убившая Марата, по непонятной причине пропала и лишила его возможности впоследствии подать в суд. Через два-три дня стали приходить сотрудники полиции. Они ходили по палатам и допрашивали больных. Однако из-за того, что многие находились в тяжелом состоянии, не могли разговаривать, врачи требовали от сотрудников дожидаться, когда пострадавшие придут в нормальное состояние. *«Врачи нас отстояли, потому что на нижних этажах, больных с травмами, которые были в сознании, забрали в ДВД, пачками забирали и увозили».*

Во время общения с другими пострадавшими Марат узнал, что они получили такое же, как у него, ранение в грудь. Марат уверен, что в него стрелял профессионал. *«Характерно, стреляли в грудную клетку, прицельно стреляли. Как можно было стрелять в безоружных?! Даже палок не было в руках, многих вот так подстрелили, в грудную клетку. Я убежден, что это были специально подготовленные, вели меня именно к ним, где они меня точно могли поразить. Причем одиночными выстрелами, представляете. В движущуюся машину может попасть только снайпер. Говорили, что мародеры разграбили охотничьи магазины. Но там, в основном, оружие помповое, которое стреляет дробью».*

По рассказу Гульмиры, проживающей неподалеку от здания Де-

партаменты полиции города, несколько дней происходила стрельба в этом районе, связанная с попытками захвата Департамента. Увидеть, что происходило мешал сильный туман, и, конечно, страх выглянуть в окно, поскольку соседям в окно уже влетела пуля и, в целом, «было тревожно». «Может, 3 активных дня отстреливались, вот эта стрельба была слышна. Были, конечно, перерывы. Допустим, идет такая явная, ну, я не знаю, кто с какой стороны отстреливался, но потом раз, какое-то затишье, не слышно. Мы так немножко успокаиваемся, думаем: ну, вроде бы не слышно. Минут сорок-час, а потом опять все возобновляется. В общем, это было периодически. Да, там очень много было атак, и мы от родственника знаем, что в общем они там 3 суток или больше находились в этом здании».

6 ЯНВАРЯ: СТРАХ

УТРО

Чувства неопределенности и растерянности, царившие на улицах города 5 января, постепенно сменяются другими настроениями. Утро 6 января запомнилось большинству горожан одной эмоцией – страхом. К тому моменту уже сожжены акимат и резиденция Президента страны, находящаяся в двух шагах от городской администрации. Ночь с 5-го на 6 января охарактеризовалась большим числом мародерств и разграблений в центре города. Мародеры ходили по улицам открыто, зачастую даже не скрывая лиц. По городу двигалось множество автомобилей без номеров, которые предварительно снимали, чтобы владельцев не вычислили правоохранительные органы.

По свидетельству Талгата, представителя службы безопасности магазина «Магнум», что находился в ТРЦ «Апорт», «около полуночи с 5 на 6 января в ТРЦ «Апорт» приехала группа из 15–20 человек. Они были вооружены ножами, автоматами, винтовками «Винчестер» и дробовиками. Я видел даже оптический прицел. Нападавшие сразу же принялись грабить дорогие бутики. Особенно пострадали магазины техники. Я помню, как один из мародеров говорил своему коллеге: «эй, ты что «Samsung» берешь?! «Iphone» бери, зачем тебе «Samsung»?!» К тому же преступники активно воровали ювелирные украшения. В ту ночь «Магнум» не пострадал, и я, выдохнув, подумал, что все закончилось». Но, как оказалось впоследствии, проблемы у ТРЦ и «Магнума» были впереди.

Утро 6 января началось с того, что мародеры сломали ограждение ТРЦ, продолжилось его разграбление, в том числе находящегося в нем магазина «Sulprak», из которого выносили остатки крупной бытовой техники. Талгата поразило то, что в этом безобразии участвовали явно обеспеченные люди, «в магазинах бытовой техники хорошо одетые семейные пары забирали колонки. На парковке я увидел неприятную картину, как отец отдает сворованный телевизор своим сыновьям подросткового возраста, и они понесли его домой. Я понимаю, если бы они с голоду умирали, кушать брали, но они же выносили именно крупную, дорогую технику».

Как рассказал Талгат, чтобы как-то оправдать себя, участвующие в разграблении люди кричали: «Мы знаем, кому принадлежит «Магнум»!». Зайдя в «Магнум», мародеры брали продукты, спиртное, грузили награбленное

в тележки. А когда все тележки были разобраны, они стали выносить товар в коробках, в мусорных баках, акционных гондолах, сеточных паллетах. «Молодые парни в состоянии алкогольного опьянения забирали паллеты из-под воды и стреляли по ним. Другие распивали спиртные напитки и закусывали, размахивая ножами. Но больше всего в этот день меня поразила молодая женщина с новорожденным ребенком в коляске, которая воровала продукты: детская коляска, а сверху продукты. В магазине давка, как в автобусе, убит же ребенок! Она не может выйти, но не отпускает эти продукты. Мы с коллегой растолкали людей, вытащили эту коляску. Отругали ее: «кет!» («уходи!»). Я не понимаю таких людей, которые приходили с детьми. Это были нелюди, которые учили детей воровать!»

Ермек, житель дома в районе ТРЦ «Апорт», видел, как в эти дни ТРЦ подвергся нападению: «5 қаңтар түнімен ұйықтамадық, жайлап «Магнум» мен «Апортты» тонау басталды. Соларды бақылап отырдық. Неше түрлі адамдар болды»⁴⁴. Он видел, как жители его многоквартирного дома, и люди из других домов направились за «бесплатными» товарами в разоряемый «Магнум», «олар ертесі түске таман бара бастады. Қорқыныш жогалды. Жаяу адамдар келе бастады. Бірінші алыстан келді. Ал түске таман жаяу адамдар кола, қалған-құтқан, туалетная бумага алып келіп жатты»⁴⁵. Ермек даже вышел из дома, чтобы посмотреть, что происходит в «Магнуме», и заснять происходящее на телефон, «из, шықтым. Оған дейінде видеоға түсіріп жүргенмін. «Магнумға» барып көргім келді. Аса бір қақтығыстар болған жоқ. Екіге бөлінді. Кейбіреулер өз товарын сақтау мақсатында келді, екіншісі тонау бойынша»⁴⁶.

Проблемой этого дня было отсутствие бензина. Большинство АЗС были закрыты, многие из них были разграблены. Как вспоминает жительница Алматы Рахия, колонки на АЗС были «раскурочены», а водители ведрами набирали бензин из колонок, чтобы заправить автомобили или попросту украсть топлива впрок.

Свидетелем мародерств утром 6 января стал и общественный активист Сакен. 4 и 5 января, понимая риски погромов, он оставался дома и отслеживал ситуацию по разным информационным каналам, но 6 января решил, что опасность миновала, и можно увидеть все сво-

⁴⁴ «В ночь на 5 января мы не спали, потихоньку началось ограбление «Магнума» и «Апорта». Мы наблюдали за этим. Было много разных людей».

⁴⁵ «Они стали приходиться на следующий день около полудня. Страх ушел. Люди приходили пешком. Около полудня люди на себе уносили колу, остатки еды и туалетную бумагу».

⁴⁶ «Да, я ходил. До этого я снимал. Я хотел посмотреть, что творится в «Магнуме». Серьезных конфликтов не было. Разделились пополам. Одни пришли спасти свое добро, другие – ради грабежа».

ими глазами. Выйдя рано утром на улицу, он прошелся по проспекту Абая от улицы Жарокова до улицы Байтурсынова. Вдоль проспекта Абая, Сакен увидел множество разграбленных объектов: магазины, торговые центры, салоны красоты. Причем, если ночью, по его словам, грабежами занимались вооруженные группы, то уже 6-го утром, остатки товаров из торговых объектов выносили простые горожане, «те самые соседи», как говорит Сакен.

Утром 6 января 40-летний таксист Асылбек пытался оказаться в гуще событий. Приняв участие в мирном митинге 4-го числа, следующий день он провел дома, поскольку тяжелая ночь – разгон и слезоточивый газ – окончательно измотали его. 5 января он следил за событиями также, как и другие алматинцы, по социальным сетям, сквозь изредка появляющееся интернет-соединение. А 6 января Асылбек решил вновь присоединиться к митингующим.

Заведя рано утром свой автомобиль, он сразу же направился на Площадь Республики. Однако, прибыв туда, он с удивлением не обнаружил там ни большого количества людей, которое наблюдал 4 января, ни представителей силовых структур. Асылбек увидел несколько сотен молодых людей, которые строили баррикады, убрали мусор и, видимо, готовились к предстоящим столкновениям с силовыми структурами. *«Там уже не было митинга, там военных не было, полиции не было. Там порядка 200 человек на Новой площади (Площадь Республики) пацаны были, молодые казахи. Они там уже убрались, баррикады строили. Свое отстаивать человек 200 осталось».*

В отсутствии большого числа людей, Асылбек понял, что оставаться на Площади нет смысла, и решил присоединиться к протесту в случае, если он вновь наберет силу. Снова сев в свой автомобиль, Асылбек направился домой, по улице Шевченко в западном направлении. Шевченко – улица с односторонним движением, поэтому его крайне удивило, что навстречу ему едет автомобиль. Это был красный внедорожник неизвестной марки без номеров. Асылбек, по его словам, является дисциплинированным водителем, и поэтому решил сделать замечание водителю: он просигналил, внедорожник остановился, и в это время сидевший на заднем сидении человек, опустив стекло, продемонстрировал Асылбеку ружье. Тот понял, что связываться с этими людьми опасно, и поехал дальше. Именно тогда к нему пришло осознание, что никаких мирных демонстрантов на улицах города уже нет, а есть вооруженные мародеры и члены преступных группировок. *«Там уже бандиты ездили, не с народа, а чьи-то группировки уже хозяйничали*

по городу. Полицейских же не было. Без правил ездили, что хотели, то и творили. Митингующие на Площади стояли, а они вот мародерствовали, а нормальный народ на Площади стоял».

Утром 6 января выйти на улицы города решил не только Асылбек, но и 35-летняя преподавательница Айнур, живущая прямо возле Площади Республики, по улице Сатпаева. Но если Асылбек вышел с целью присоединиться к митингам, то у Айнур цель была совершенно другой. Боясь выйти на улицу и просидев 4-го и 5 января с маленькой дочерью у себя в квартире, Айнур обнаруживает, что у нее полностью закончились продукты питания. Проблема в том, что в домах на Площади в самом начале кризиса отключили газ, поэтому готовить она не могла. В надежде найти хоть какой-то работающий магазин, Айнур пошла вниз по проспекту Назарбаева, в сторону проспекта Абая. На улицах, по ее словам, были только мужчины, один из которых подошел к ней и предупредил об опасности, попросив вернуться домой: «девушка, идите домой, сейчас небезопасно по улицам ходить». Тем не менее Айнур не послушала совета и решила продолжить поиски еды. Подошедшие к ней мужчины дали ей несколько шоколадок. Но этого было недостаточно, и она спросила их, где можно найти работающие магазины. На что был получен ответ, что все магазины в округе не работают. По словам Айнур, это были обычные мужчины, в их руках не было ни оружия, ни арматуры, ни камней, ни каких-то других угрожающих вещей.

Утро 6 января оказалось тяжелым для Адилета, который должен периодически получать процедуру гемодиализа. Выйдя утром во двор своего дома, он обнаружил скопление людей. Это были его соседи, которые в условиях информационного вакуума, вышли на улицу обменяться друг с другом новостями. От них он услышал разговоры о том, что вооруженные группы захватили все больницы, в том числе БСМП. Бесперебойная работа больниц крайне важна для Адилета, он не может пропустить очередную процедуру. Он не поверил слухам, но решил не рисковать и связался с диализным центром, расположенным в близлежащем районном центре. Его согласились там принять.

По дороге по улице Саина, Адилет проезжал мимо ТРЦ «Азия парк». Возле него он увидел двух человек, один из которых тащил телевизор, а другой – колонки для усиления звука. Он предположил, что это те самые мародеры, о которых рассказывали соседи, однако он не заметил, чтобы ТРЦ был разгромлен.

Его путь лежал по проспекту Рыскулова в восточном направлении.

По дороге Адилета удивили несколько деталей. Во-первых, на обычно оживленном проспекте, было крайне мало людей. Во-вторых, практически все автомобили, которые ехали в том же направлении и в противоположную сторону были без номеров. *«По Рыскулова, когда мы ехали, я не сказать, что заметил оживленных людей, там было видно пару человек, а так практически пустая была улица. Пока я до Кульджинского тракта доехал, я увидел машин 50 максимум, машин много не было».*

Выехав с проспекта Рыскулова на Кульджинский тракт, Адилет начал искать АЗС. Здесь он столкнулся с новой проблемой. Все заправки, которые находились вдоль трассы, были закрыты, а на тех, что работали, стояли большие очереди. На каждой станции, по словам Адилета, было не менее двухсот автомобилей. Стоять в такой очереди – гарантировано потерять час или два своего времени, поэтому Адилет решил сразу ехать райцентр, не заправляясь. Когда Адилет выехал за пределы Алматы, его поразило то, что жизнь в глубинке шла в спокойном ритме, как и раньше, будто в стране и в крупнейшем городе ничего не происходило.

Утром 6 января на дежурство заступил 40-летний пожарный Олжас. Дежурить он должен был до утра 7 января. По дороге на работу, Олжас увидел поразительную картину: на улицах мало людей, но много сгоревших автомобилей. *«Я был в шоке от того, что столько машин сгорело, на дорогах стояли. В общем, город совсем не узнал».* По его воспоминаниям, 6 января митинги уже закончились, а перестрелки между силовиками и боевиками, наоборот, набирали силу. Приступил к работе Олжас только в обеденное время.

У журналистки Карины утро 6 января началось с выгуливания собаки. По ее воспоминаниям, в целом на улицах было спокойно, однако людей было очень мало. В ходе прогулки она повстречала соседей, которые бежали с сумками из магазинов. Соседи посоветовали Карине также пойти в магазин, поскольку там наблюдался ажиотаж. *«Сказали, чтобы я быстрее бежала в магазин, потому что сейчас там все сметут».*

Карина поддалась общей панике, потому что ей было непонятно, какая сейчас ситуация. Большая часть магазинов в районе, по ее словам, была закрыта, а в тех, которые работали, наблюдались длинные очереди. Из-за отсутствия интернет-соединения, в магазинах принимали только наличные. Ажиотаж, как описывала Карина, был неадекватный: люди скупали, даже то, что им не нужно. *«Народ сметал с полок все! Народ, кто перепугался, это кто постарше, а молодые они даже не понимали, что происходит».*

Сложно было все эти дни одному из руководителей города Алматы. 4 января вместе с другими, он участвовал в заседании Оперативного штаба, который на тот момент располагался в здании Департамента полиции города Алматы. 5 января он также весь день провел в Департаменте, и был свидетелем того, как здание подвергалось штурму со стороны вооруженных групп.

Ночью на 6 января штурм Департамента продолжился, и чиновник попытался связаться с Министерством обороны, чтобы запросить помощь. Об этом его попросил начальник Департамента полиции К.Таймерденов, у которого уже начали заканчиваться боеприпасы. Однако обещанной помощи ДП так и не дождался. По словам чиновника, она прибыла только к вечеру 6 января. *«Минобороны заняло крайне трусливую позицию. Департамент полиции окружен, Таймерденов отстреливался. Он мне говорит: «вмешайтесь, запросите помощь, вас послушают». У меня, говорит, снаряды кончаются. Звоню в центр. Минобороны мне говорит: «сейчас отправим, в три часа дадим, бронетехнику дадим», – нет бронетехники. «Вечером дадим», – нет бронетехники, чтобы шугануть этих, кто окружил. Звоню опять, они: «щас, щас, щас».* Решить проблему, по словам чиновника, удалось лишь после того, как он связался с секретарем Совета Безопасности Асетом Исекешевым, который был крайне удивлен бездействием Минобороны. После звонка Исекешеву оборонявшимся полицейским была отправлена некоторая помощь.

В ночь с 5-го на 6 января, по словам чиновника, поступил приказ открывать огонь на поражение. Всю ночь в руководстве города шла подготовка к введению режима антитеррористической операции (АТО). 6 января, утром, в город должны были войти подразделения армии, чтобы начать «зачистку» Площади. Чиновнику сообщили, чтобы он был готов. Но в назначенное время, операция по «зачистке» так и не началась.

Кроме того, утром 6 января должно было состояться первое заседание Антитеррористического центра на территории алматинского аэропорта, под руководством начальника ДКНБ города Алматы, ныне осужденного Нурлана Мажилова. Связавшись с Мажиловым, чиновник получил указание ехать в аэропорт. Когда чиновник прибыл туда, то обнаружил растерянных прокурора города Алматы и других силовиков, но заседание так и не состоялось. Уже из аэропорта чиновник начал давать указания по наведению порядка в городе. Одним из поручений было организация вывоза трупов погибших с улиц на машинах скорой помощи.

ДЕНЬ

Политическая активистка Анар также оказалась в этот день в центре города. Утром 6 января, она встретилась со своими подругами, и вместе около 13.00 они дошли до места основных событий – Площади Республики. Добравшись до Площади, активистки обнаружили дымящиеся акимат и резиденцию Президента, сгоревшие автомобили. Кроме того, на Площади они увидели обычных молодых людей, которые грелись у костров, готовили себе еду. Люди локализовались в двух точках: возле Монумента Независимости и возле здания акимата. Они не разрешали себя фотографировать и агрессивно на этом настаивали. Полиции, по словам Анар, на Площади и в других местах в центре города не было совсем. Возле дымящейся Резиденции ходили зеваки, которые фотографировали то, что от нее осталось. Анар с подругами решили уйти оттуда, так как опасались, что приедут военные и откроют огонь.

В то время, когда Анар с подругой была на Площади Республики, ей позвонил знакомый, который работает в Алматы, но живет за городом по каскеленской трассе. Он звонил, чтобы уточнить информацию о том, что президентскую резиденцию захватили и подожгли. Он был уверен, что это фейк, который распространяется в сети, и был крайне удивлен, что это правда, хотя все еще испытывал сомнения, заканчивая разговор.

Новой целью подруг стал ТРЦ «Достык Плаза». Анар хотела посмотреть, что с ним стало, поскольку данный центр находится в элитном микрорайоне «Самал». В нем расположено множество бутиков с бытовой техникой, брендовой одеждой и дорогой косметикой, поэтому он мог потенциально стать объектом нападения мародеров. Однако, когда Анар и подруги дошли до него, то обнаружили его абсолютно целым, нетронутым, что вызвало их удивление, поскольку в СМИ все время сообщали, что нападениям мародеров подвергаются все объекты торговли, которые находятся в центре города. Разгромленные магазины, Анар видела лишь в районе Площади Республики. *«Достык Плаза» стояла целая, невредимая. И я говорю, что если народ хочет ограбить богатых людей, он обозлен, почему тогда он не пришел в самый дорогой*

магазин. Почему они нападали на мелкие, а туда не зашли, – я была удивлена. Я имею в виду, что логика, которую нам давали по государственным каналам, там была логика такая, что мародёры нападали на все магазины, но почему-то «Достык Плаза» был целый».

Пока Анар и подружки шли в микрорайон «Самал», преподаватель Айнур ходила по своему району в поисках работающего магазина, чтобы купить необходимую еду себе и маленькой дочери. Не найдя работающие магазины в районе пересечения проспектов Абая и Назарбаева, Айнур пошла по проспекту Абая в сторону проспекта Достык. Однако до него она так и не дошла, поскольку услышала звуки стрельбы, со стороны Площади Республики. У Айнур дома осталась маленькая дочь, поэтому она сразу поспешила вернуться домой.

45-летней жительнице Алматы Акмарал 6 января пришлось поехать в Калкаманскую больницу: сестра, у которой там лежал муж после инсульта, позвонила и сказала, что сейчас вокруг больницы какие-то «бои что ли, военные действия», и поэтому всех больных срочно выписывают. Сестра попросила забрать ее мужа. Акмарал и ее супругу пришлось выехать по этому делу в город. Они выбрали маршрут в больницу по проспекту Райымбека, но по дороге столкнулись с трудностями. «Длинная фура стояла, не доезжая Саина, сожженная, дорога перекрыта. Там костры жгли. Стояли молодые люди, но в них чувствовалась какая-то агрессия. Они стояли с железными палками, – я не знаю, как они называются. Мы развернулись, поехали по «встречке». Подъехали там к одному человеку, который отдельно стоял, говорим: «Нам нужно в больницу, забрать больного», он говорит: «Вы по «встречке» вот так объедьте. . . ». И мы поехали по «встречке». Заехали в больницу, зашли беспрепятственно, – там никого не было из бастующих, – но мы видели, что больных экстренно выписывают. Там были и такие «полутяжелые» и не очень «тяжелые». Выписывали больных много, люди приезжали, всех забирали. И я разговаривала с медсестрой, она говорит: «Мы здесь уже несколько суток, не можем выйти, нас не выпускают. Сейчас всех выписывают. У нас не работает база, мы даже историю болезни не можем вам сейчас выдать. Никакие документы не можем выдать, у нас ничего не работает». Она сказала, что к ним привезли одного больного, он умер. Она говорит: «Они просто его привезли, молча бросили в коридоре и убежали». К счастью, после всех злоключений Акмарал и ее муж, забрав родственника, смогли благополучно вернуться домой.

Между тем, пожарный Олжас и его сослуживцы, днем 6 января, занимались тем, что пытались найти новый «КАМАЗ», который его части передали за неделю до описываемых событий. Этот автомобиль

у них угнали митингующие в ночь с 5-е на 6 января. То есть времени прошло не очень много, и они надеялись найти автомашину, хотя и сомневались в том, цела ли она, или ее уже сожгли. Объехав район, они нашли свою машину. Она стояла на площади возле акимата. Больше всего Олжаса удивило то, что на автомашине находились люди с громкоговорителями, которые до этого объезжали на ней район и призывали людей выходить на улицы и присоединяться к протестам.

Олжас и его сослуживцы, несмотря на все риски, решили все же подойти к людям, чтобы забрать свое имущество. Но когда они попытались наладить диалог с захватившими пожарную машину, те ответили Олжасу, что все, кто носит погоны, являются для них врагами, и машину они им не отдадут. Пожарным ничего не оставалось, кроме как покинуть Площадь.

Когда Олжас и его сослуживцы уже находились в пожарной части, к ней подъехал легковой автомобиль, из которого вышли двое неизвестных. Они зашли в часть и начали говорить, что пожарным необходимо срочно выезжать в сторону Площади Республики, поскольку там горит здание телеканала «Хабар». *«Начали говорить, что вот, вы же пожарники, там телеканал «Хабар» горит, нужно потушить. На что я ответил, что нам нельзя выезжать без команды, поскольку здесь уже создали штаб, около 10 пожарных машин приготовили».*

Между пожарными и неизвестными завязался спор. Мужчина решил посоветоваться с начальством. В тот момент ему казалось, что это может быть специальная провокация, чтобы вытянуть пожарных с их базы и захватить их транспорт. Начальник согласился с ним и приказал вывести неизвестных из пожарной части, а также закрыть двери и окна. Неизвестные, в свою очередь, стали снимать пожарных на камеры и говорить, что будут жаловаться. В итоге, Олжас согласился поехать с неизвестными на их машине, чтобы убедиться в том, что они не врут. Уже по дороге, он понял, что это опасно садиться в машину к незнакомцам. *«Я сел в машину к ним, мы поехали на телеканал «Хабар». Но, когда я ехал, я уже понимал, насколько я неправильно поступил. Я начал переживать за себя, поскольку это незнакомые люди, которые могли меня увести неизвестно куда. Но, слава Богу, такого не было, они повезли по адресу, и там действительно горело».*

Убедившись в том, что здание телеканала действительно пылает, Олжас немедленно связался с руководством. Но ему ответили, что Площадь Республики сейчас является «горячей точкой» и туда нельзя никого отправлять. Тогда Олжас решил воспользоваться моментом и

вернуть служебный «КАМАЗ». В том месте, где ранее стояла пожарная машина, вальяжно расхаживал человек, на плечах которого был повязан казахстанский флаг. При виде пожарного парень сразу понял, что того интересует его машина. *«Он спросил: «Вы что за пожарной машиной?». Я сказал, что да, отдайте, пожалуйста, он сказал, что отдадим, но не сейчас, машина уехала куда-то. Оставил мне свой номер телефона, и я ушел обратно в часть».*

Пожар в здании на Площади Республики, 13 разгорался сильнее, и уже под вечер пожарные отправили туда команду для тушения. Угнанная пожарная машина тем же вечером будет найдена совсем недалеко, возле гостиницы «Казахстан».

Тем временем, журналистка Карина в середине дня пошла к коллеге, чтобы передать ей электронный носитель (флешку) с материалами. После встречи коллега Карины и ее знакомый пошли провожать ее до дома. Когда они шли вниз по проспекту Назарбаева, в противоположном направлении ехал бронированный автомобиль, похожий на БТР. При этом слышались звуки стрельбы. Но Карина была вынуждена идти дальше, поскольку в том районе находился ее дом. Возле дома она увидела группу крепких молодых людей, около 20 человек. Когда БТР проезжал мимо них, то солдат на его борту начал стрелять в воздух, чтобы напугать и рассеять собравшуюся группу. Однако Карина поняла, что им было все равно: молодежь никак не отреагировала на выстрелы.

Около 15:00, алматинский предприниматель Серик выехал с другом в центр города и отправился вверх по проспекту Достык. По его словам, вдоль проспекта все объекты торговли и общественные места были целыми, никаких повреждений и разграбленных магазинов он не заметил. Единственный факт насилия, который он наблюдал, случился на пересечении проспекта Достык и улицы Шевченко, недалеко от гостиницы «Казахстан»: на улице Шевченко из автомобиля вышли трое молодых людей, которые направились к другому автомобилю, который стоял на проспекте Достык. Подойдя к нему, молодые люди ожесточенно начали бить его палками, а разгромив машину, отправились дальше. С какой целью они это сделали, для Серика осталось загадкой.

Доехав до проспекта Сатпаева, Серик повернул направо, в сторону Площади Республики, где он обнаружил множество сгоревших автомобилей. Доехав до проспекта Назарбаева, Серик снова повернул направо, доехал до «Французского дома» и припарковал свой авто-

мобиль напротив него. Сам магазин, по его словам, уже был разграблен. Чтобы сохранить оставшееся, хозяева забаррикадировали входы в здание.

Поднявшись до Площади Республики, Серик увидел дымящийся акимат, но не заметил ни войск, ни полиции. На Площади находилось небольшое число протестующих, которые не понимали, что они там делают. Какой-либо организации или явных лидеров среди них не наблюдалось. Кто-то из демонстрантов пытался настроить мегафон. *«Я вижу, что никакой организации нет: какая-та жиденькая колонна, какой-то микрофон, вообще никого нет. Я спросил, кто тут организаторы, мне сказали, где-то там ходят, и непонятно кто, что: ни лидера, войск нет, полиции нет».*

По словам Серика, среди протестующих уже распространялась информация о том, что Площадь собираются «зачищать» силовым способом. Причем, собравшиеся не понимали, кто именно должен был заниматься «зачисткой», поскольку к тому времени уже было известно, что в Алматы прибывает контингент из стран-членов ОДКБ.

Еще один момент, запомнившийся Серику, состоял в том, что некоторые демонстранты занимались наведением порядка и уборкой мусора на Площади.

ВЕЧЕР

Ближе к вечеру по радию поступила информация, что угнанный пожарный «КАМАЗ» оставлен возле гостиницы «Казахстан». Пожарному Олжасу было дано поручение, если есть возможность, забрать машину, пока ее не сожгли. Мужчина принял информацию и, взяв с собой двух сослуживцев, на обычной машине поехал на пересечение проспекта Достык и улицы Курмангазы. Когда они добрались до гостиницы, было уже темно, но мужчины быстро нашли пожарную машину. Они начали движение, но не успели отъехать, как в этот момент из гостиницы вышли хорошо сложенные люди в черной одежде и с белыми повязками. Когда неизвестные подошли поближе, то Олжас понял, что один из них вооружен автоматом, подошедшие напали на пожарных и начали их скручивать. На короткий промежуток времени, пожарным удалось вырваться, и они стали убегать врассыпную. Однако Олжаса, по его словам, подвело неумение бегать. Через некоторое время он был вновь пойман. Его обыскали и потащили в гостиницу. Оказавшись там, Олжас заметил большое количество людей в черной одежде и с белыми повязками. Захватившие начали избивать. Напавшие люди обвиняли Олжаса в том, что тот якобы хотел поджечь пожарную машину и вообще является мародером. У него отобрали документы и телефон. Олжас пытался объяснить, что является пожарным, но избивавшие не хотели его слушать. *«Меня завели в туалет, и начали наносить телесные повреждения, резиновыми дубинками, пытать, откуда я, кто такой, как будто я хотел машину поджечь. Они думали, что я мародер. На что я ответил, что я сотрудник, хотел забрать пожарную машину, но они не слушали, отобрали ключи, документы, телефон».*

Спас Олжаса звонок его начальника. Неизвестные ответили на звонок и заставили Олжаса говорить по громкой связи, а затем вступили в диалог сами. Звонившему начальнику Олжаса удалось убедить неизвестных в том, что тот является простым пожарным, который пришел забрать злополучный «КАМАЗ». После недолгого разговора, неизвестные вернули Олжасу вещи и отпустили, разрешив также забрать пожарную машину. *«Начальник начал переживать за меня, говорил им, что у меня семья, трое детей. Они меня избивали где-то минут 20. Потом*

поняли, видимо, что я сотрудник, принесли документы от машины, погони и сказали, что отпустят. На что я ответил, что без пожарной машины не уеду. Потом позвонил своим коллегам, они пришли. Я сел с водителем в «КАМАЗ», и мы благополучно вернули государственное имущество, которое много миллионов стоит».

Пока Олжас терпел побои от неизвестных, возвращая пожарную машину, предприниматель Серик продолжал находиться на Площади Республики. Ближе к шести часам вечера, некоторые демонстранты растянули на асфальте белые полотна и начали писать на них черной краской фразу «Қарапайым халықпыз, біз террорист емеспіз»⁴⁷. Это была та самая растяжка, которая потом будет запечатлена на многих фотографиях и видеозаписях, облетевших страну и мир. Что касается СМИ, по словам Серика, никаких корреспондентов республиканских телеканалов, газет или интернет-сайтов на площади не было. Единственным ресурсом, освещавшим митинг, было Радио «Азаттык». *«Мне вообще было непонятно действие СМИ наших. Единственное на Площади ходили «Азаттык». Никаких каналов, куда они пропали? Когда уже все успокоилось, они тут же появились: вот, что натворили! И нагнетали вот этот психоз о том, что город захватили террористы».*

Серик покинул Площадь в 18:00. Через 2 часа начнется расстрел демонстрантов. В дальнейшем он общался с некоторыми людьми, которых он встретил на Площади в тот вечер, и которым удалось выжить после этого события. Как сообщали Серику его новые знакомые, в основном стреляли снайперы, которых не было видно. Рядом с его знакомым падали люди от выстрелов. Самому ему чудом удалось спастись. *«Шестого числа, когда я после 18:00 ушел с Площади, ближе к 20:00 начали разгонять, люди же оставались. Там были очевидцы, они разговаривали, что откуда-то стреляли снайперы, то есть, это какой-то киевский сценарий. «Сзади меня кто-то упал, – он говорил, – рядом со мной кто-то упал». Получается, для чего это стреляли? Провокация? Либо провокация с третьей стороны, либо провокация самих властей. . . ».*

В то же время, примерно в 18:00, Айнур, жительница дома, расположенного на пересечении проспектов Сатпаева и Назарбаева, услышав звуки стрельбы, поспешила домой. Женщина торопилась возвратиться домой к дочери, которая осталась одна. Когда она добралась до своей квартиры, на улице началась активная перестрелка. По звуку снаружи, Айнур поняла, что по улице движется военная техника. Вы-

⁴⁷ «Мы простые люди, мы не террористы».

йдя на балкон, чтобы посмотреть, что происходит, женщина заметила скопление военных. Увидев ее, один из них внезапно открыл огонь по балкону. По словам женщины, она чудом уцелела и заползла в комнату.

По ее воспоминаниям, огонь люди в военной форме вели не только по ее балкону, но и по всем остальным окнам ее дома. Как только она оказалась в комнате, туда залетела пуля, разбив балконную дверь и пробив окно. Однако в тот момент она не испугалась, поскольку больше всего беспокоилась о своей дочери. После этого Айнур вышла на балкон еще один раз, когда услышала за окном крики мужчины, который просил о помощи и хотел, чтобы вызвали «скорую помощь». Выйдя на балкон, женщина рассмотрела внизу на проспекте Сатпаева белый автомобиль, который был расстрелян. При этом недалеко от данного автомобиля, Айнур заметила группу военных, которые не подходили и не вмешивались в происходящее. На помощь людям в автомобиле вышли несколько жителей дома, и попытались вытащить пострадавших. *«Я когда на балконе стояла, слышала, кажется, это жители сказали, что сейчас повезем в 5-ю больницу, и они говорили «голову держите, они еще живы», получается, это 2 человека. Их забрали в 5-ю больницу».*

Зарина, жительница одного из домов, расположенных непосредственно возле Площади Республики, примерно также вспоминает вечер 6 января. По ее словам, вечером к Площади стали подъезжать бронированные автомобили с военными внутри. Изначально, они не предпринимали никаких действий. Постояв какое-то время возле Площади, они скрылись в неизвестном направлении. В это же время, люди, находившиеся на Площади, по словам Зарины, строили баррикады из скамеек, с флагами в руках кричали лозунги. *«А толпа вот этих вот людей снова собралась, но уже около памятника Независимости. Построили баррикады из скамеек на улице Фурманова и на самой Площади. Они там с флагами в руках что-то кричали».*

Примерно в 18:45, когда уже стемнело, военные вновь вернулись на Площадь. Началась стрельба, был слышен свист пуль. *«И в 18:45 началась канонада – сначала автоматные очереди, потом стреляли из БТРов. Прямо бухало все. Свистели пули. Соседи сказали, что у них на шестом этаже пули застряли в стене».*

В ночь с 6-го на 7 января, примерно в час ночи, стрельба прекратилась. Зарина вышла на балкон и увидела труп человека, лежащего на дороге, который к утру уже убрали. Когда утром 7 января она вышла на улицу, увидела еще один труп на пересечении проспекта Сатпаева и улицы Байсеитовой. После того, как она поговорила с соседями, они

рассказали ей, что ночью к ним в квартиры заходили солдаты с автоматами, которые искали людей, убежавших с Площади.

***

Рано утром 7 января, Амиру срочно нужно было выехать по делам в пригород. Помня о блокпостах в период карантина и предполагая в связи с событиями в Алматы подобное закрытие периметра города, он вооружился всеми удостоверяющими бумагами, включая документы на квартиру. Но каково же было его удивление – город никак не охранялся, на выезде из него никаких военных Амир не обнаружил, как и при обратном въезде вечером этого же дня. *«Это было очень подозрительно, любые бандиты могли спокойно убежать, спрятаться в горах, и никто этому не препятствовал».*

**РАЗМЫШЛЯЯ О ЯНВАРЕ.
ДНИ, КОГДА НАС БРОСИЛИ**

«Ребята еще одного ловят, который слезоточивую гранату кидал, начинают его бить и говорят: «Сними форму», а он: «Я не сниму». Знаете, он плакал, говорил: «Это мой абырой»⁴⁸. Я не сниму форму, я давал присягу, не сниму». И тогда все стали говорить: «Смотрите, настоящий герой, он не снимает форму, он будет идти до конца». И один мужчина сказал: «Отпустите его, зачем он вам нужен? Не трогайте его». Его отпустили, и мы опять пошли вверх».

ТУМАН

Эти январские дни запомнились сильным, иногда просто непроницаемым, туманом. Он висел в воздухе и днем, и ночью, не позволяя различать фигуры людей – кто свой, кто чужой. Особенную тяжесть туман приобретал в моменты атак, смешиваясь с облаками слезоточивого газа и дымом от взрывов, придавая нереальности происходящему вокруг, «как в каком-то голливудском кино про оживших мертвецов, когда из него появляются сначала силуэты, а потом – эта толпа».

В воспоминаниях очевидцев в связи с туманом играет значение и алматинский рельеф: тем, кто «выше», зачастую плохо видно, что происходит «внизу». «Идем по Шевченко до Байтурсынова, и тут видим, что с Байтурсынова идут клубы дыма на перекресток. Там же Джамбула/Байтурсынова в дыму, ничего не ясно, туман, хлопки, крики, и вой этот звериный, никаких там тебе «Шал, кет!», ничего, просто «ууууу!». Байтурсынова/Джамбула мы еще не видим, там же горочка. И потом из дыма показываются 5 солдатских бушлатов», – так описывается противостояние 5 января между курсантами и участниками митинга.

Туман дезориентировал людей и во времени: «какого числа это было? Наверное 6-го, был сильный туман, все эти дни был сильный туман, или 7-го?», и в пространстве: «был какой-то туман, и ты не можешь понять, где это происходит, вроде как кажется, что это далеко стреляют, а потом говорят, что на Абылай хана стреляли. Вроде кажется, что это близко, а оказывается, это где-то в стороне Толе би. И вот этот туман, эти погодные условия так все это завуалировали, что было очень сложно как-то точно понять».

⁴⁸ «Честь, достоинство»

ЧТО ЭТО БЫЛО? ПОЧЕМУ АЛМАТЫ?

Рассказывая о своих чувствах, ощущениях, волнениях и злоключениях, пережитых в эти дни, алматинцы по-разному объясняли произошедшее. С точки зрения простого городского обывателя «какой-то бардак был», «январский беспредел» и даже «война». В условиях информационного вакуума, фактов мародерства и практически полного отсутствия на улицах полиции к концу 6 января у одних стало создаваться впечатление, что это были дни «когда нас бросили», а у других – что «государство Казахстан чуть не пало».

В рассуждениях о причинах январских событий довольно часто в интервью приводились примеры тяжелой жизни горожан, бедности, безысходности, которые и привели к спонтанному выступлению: «революция летних кроссовок» – я бы так назвал, потому что у них тупо нет денег». А принимая во внимание размах протестов в стране, возникали ассоциации, что в Казахстане произошло «национально-освободительное восстание», «народное выступление». Сочувствие и сострадание вызвало значительное число погибших и пострадавших в эти дни среди тех, кто вышел на выступление, веря в его высокие цели: «разбомбили акимат, здания, магазины, оружейки, – пусть это будут миллионы, миллиарды убытков, – но это же не сравнится с жизнями тех людей, которые там отдали свою жизнь».

В то же время у других наших собеседников возникло стойкое ощущение, что в городе был разыгран сценарий по захвату власти – только какой? Алматы не столица государства, не здесь находятся офисы президента и правительства, не здесь заседает парламент. Но то, что присутствовала определенная организация протеста, что кто-то руководил действиями участников и направлял их – это было очевидно всем: «все было очень как-то организовано, явно чувствовалась организация. Я думаю, что это было связано с какой-то борьбой наверху. Вот так спонтанно алматинцы, казахстанцы, они бы не пошли. Это видно по всем предыдущим митингам».

Так что же могло выступить причиной катастрофического развития событий именно в Алматы? Одно из предположений – захват крупнейшего города страны должен был показать действующим властям (читай: всем), кто истинный хозяин положения, кто может диктовать условия, за кем сила в стране, в том числе речь шла о шантаже президента: «показать, что власть не справляется: видите, они вон в Алма-

ты громят и уничтожают. Я так понимаю, что, если бы их план удался, это могло легко вылиться в более серьезную, скажем, гражданскую войну даже. И здесь ключевая фраза Президента «я никуда не уеду, я останусь здесь», это значит, что его вынуждали, наверное, покинуть...». В этом контексте можно согласиться с одним из наших собеседников, что «мы еще легко отделались», а Алматы, который смог выстоять в сложившихся условиях, не дал развернуться худшему и непредсказуемому сценарию.

ВПЕРЕД, НА ПЛОЩАДЬ!

Все, кто знает Алматы, также хорошо знают про такой алматинский паттерн, как «верх» и «низ». Так уж случилось, что в этот раз начало протестам 4 и 5 января было положено в одной из новых локаций нижней части города, в районе спортивного комплекса «Алматы Арена». Как рассказывали наши собеседники, призыв «пойти на Площадь!» был сформулирован довольно спонтанно, после неудачной попытки полицейских разогнать начало митинга 4 января: «никаких лозунгов, просто тупо пойдете на Новую Площадь. Я не знаю, почему». И чем больше полицейских преград выставлялось на пути следования колонны, тем сильнее в ней звучал призыв идти на Площадь. Причем в риторике использовалось либо определение направления «на Площадь», либо реже упоминалось старое название⁴⁹ площади – «на Новую Площадь»; практически никто не вспоминал, что уже более 30 лет эта площадь официально носит название Площади Республики.

Как рассказал в беседе с нами один из организаторов митинга, выбор места – «Алматы Арена» не был случайным, в то время как маршрут последующего движения по улице Момышулы и потом по проспекту Абая был выбран интуитивно, но правильно, «мы там не договаривались: «а вот давайте именно так», потому что толпа просто идет, а вот те, кто впереди шел, ими руководило бессознательное это чувство, что это улица Бауыржана Момышулы. Этот человек, как синоним мужества, и ты идешь. Это бессознательное чувство. Сейчас вот тех, кто в первых рядах шел, ты спроси – он не сможет тебе это объяснить».

⁴⁹С 1980 года площадь именовали — Новой площадью, в 1982 году переименована в площадь имени А. И. Брежнева. 1 апреля 1988 года опубликовано постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР о возвращении площади им. А. И. Брежнева в городе Алма-Ата прежнего названия — Новая площадь. 23 мая 1990 года Верховный Совет Казахской Советской Социалистической Республики принял постановление о переименовании Новой площади в площадь Республики.

По существу, направление движения участников митинга имело многосоставной символический смысл – подняться с низу (с низов) на верх и дойти до средоточия городской власти – акимата, который находится на «Площади». К тому же и события 1986 года произошли на этой же Площади, так что аллюзии присутствовали.

Этот длинный путь вечером 4 января, – *«пешком шли часа 3, наверное. Шли по Момышулы, потом по Саина, по Абая и до Площади»*, – участники шествия преодолели уже в темноте, и их совершенно не смущал тот факт, что время позднее, что они нарушают общественный порядок, что в акимате, кроме охранников, они, скорее всего, никого на найдут, и никакого «Шала», которому они могли бы сказать «кет», там не было, – но так велико было их стремление «дойти до Площади». И в общем-то, цель их была достигнута – до Площади они добрались.

В последующие дни именно Площадь Республики стала центром печальных событий.

«ДВИЖУЩИЕ» СИЛЫ ПРОТЕСТА

Практически все наши собеседники, принимавшие участие в шествии 4 января, говорили о том, что в первый день участниками выступления были «простые люди», которые вышли на улицу, чтобы рассказать о своих проблемах и горестях, общими усилиями обратить внимание власти на решение актуальных социальных вопросов, *«это были обычные люди. Там вот парень шел среди нас, говорит: «Мне 35 лет, я ипотеку плачу, уже не могу, тате, у меня уже нервы сдали, я уже жить не хочу, а у меня 5 детей».* Одна ему женщина говорит: *«Что ты жалуешься, что у тебя 5 детей, кто тебя заставлял столько рожать?»*.

В этом шествии не было много молодых людей, *«совсем молодых не было, я думаю, что где-то, наверное, с 25 до 30 лет и, наверное, уже где-то за 40»*. Представленность женщин в среднем и старшем возрасте придавала солидности движению, *«больше взрослые женщины, казашки, ну мне кажется, торгующие на базарах, такого типа, кстати, грозная сила. Женщины были заметны, и ощущение некоторой опасности не возникало»*. По ходу движения между участниками возникала солидарность, чувство сопричастности, многие ощущали возвышенные чувства, *«удивительное было вообще ощущение, единение людей, призывы, люди шли, пели гимн»*, многие плакали от нахлынувших чувств.

Совсем другими представляются мотивы и характер участия в выступлении 5 января. Вместе с обычными людьми в толпе появляются организаторы, координаторы, которые следили «за порядком»: «Я – координатор. Не надо туда, вы туда не лезьте, вы вообще там сейчас не нужны. Я – координатор, не мешайте нам», – вот прямым текстом мне сказал». Раздавали напитки и еду, контролировали видео- и фотосъемку протестующих (скорее, запрещали ее под разными предложениями), «мужчина этот мне говорит: «Не снимайте, у вас сейчас заберут телефон и разобьют, не снимайте». И я его вообще отключила, положила во внутренний карман, и больше я его не вытаскивала».

Эти же люди наблюдали за поведением участников протеста в отношении представителей СМИ, помогая журналистам в их работе по освещению событий: «эти товарищи из числа митингующих, которые следили за порядком, они следили, чтобы журналистов не трогали, это было приятно, потому что вот мы были там до двух ночи, и мне не надо было думать о своей безопасности».

Помимо одетых в «гражданское» организаторов/координаторов, в группах протестующих в разных частях города присутствовали люди с хорошей выправкой, иногда одетые в псевдо или настоящую военную форму со специальными приспособлениями: «у многих людей я замечал осанка военная, выправка, они с наушниками ходили, с прозрачными»; «там такие статные очень мужчины стояли, здоровые, высокие, в темной одежде, в бронежилетах, я супруге сказал, что это ОМОН поставили. Потом смотрю, у него значков ОМОНА нет, но он был с рацией, отдавал указания о движении в сторону аэропорта»; «у одного из парней на улице было устройство уоки-токи, один из видов рации, которая может работать без использования интернета».

В качестве технической помощи для передвижения демонстрантов использовались захваченные пожарные машины, машины «скорой помощи», эвакуаторы, но также предлагали свои услуги и те, кто приехали на митинг на своих автомобилях, «люди были на машинах, на джипах. Машины, я вам скажу, были хорошие, без номеров. И самое главное, что они подъезжали, женщинам и ребятам раздавали еду. Я сказала, что не ем такое, не буду кушать, поэтому я воздержусь; дайте мне бутылочку воды».

Вокруг колонны, сопровождая ее, носились на мопедах доставщики, чаще назывались представители Glovo, Яндекс, Wolt, «там эти носились, на мопедах развозили. Вряд ли гуманитарщики. Кто на мопедах рассекает?! Наверняка, очень разношерстный народ, – там и городские ребята есть, и студенты, обслуживающие люди. Их могли зарядить, но я надеюсь, что не было

прецедента, что они таскали в этих своих, там не поместится даже самый короткий израильский автомат и тому подобное. Наркотики, возможно. . . ».

Среди тех, кто участвовал в выступлениях в эти январские дни, было много жителей областей. Но в какой-то момент стало трудным различить, откуда автомобиль, из какого региона или города? «Через какое-то время мимо тебя ездит огромное количество машин, что очень интересно, без номеров». Так эффективно сработало ноу-хау этого протеста – снятие государственных номеров, «көптеген қымбат көліктердің иелері нөмірлерін шешіп, халықпен бірге митингіге шыға бастады»⁵⁰. Если в начале событий 4 января это явление еще не было очень распространено, то к 5 января снятие госномера стало символом причастности к протесту, маркером по линии «свой-чужой»: «жители, которые агрессивно настроенные, тех, которые не снимали номера, с ними жестко разговаривали, потом начали спрашивать, куда ездил и зачем».

«КТО ВИНОВАТ?» ИЛИ «НАС БРОСИЛИ!»

Вопросы, которые все время задавали себе наши собеседники: почему так произошло? Кто в ответе за многочисленные жертвы? Все ли сделали власти города, правоохранительные органы, чтобы если не избежать, то хотя бы снизить причиненный Алматы ущерб?

В отношении городских властей в ходе бесед прозвучала однозначная оценка – струсили и пустили все на самотек. «Какой-то организованной деятельности властей вообще я не видел, пятого со второй половины дня до седьмого числа власти не было». Проявленная неспособность выйти на диалог в самом начале кризиса, 4 января, ставка на действия силовиков, которые в условиях разворачивающейся массовости протеста так же показали свою неэффективность – все это слагаемые катастрофы: «у того же акима или у работников акимата было достаточно времени, чтобы. . . Ладно, если бы они запоздали, не пришли к «Алматы Арены», но они же могли их встретить, подготовиться у акимата. У них было, как минимум, 2 часа, чтобы подготовиться, приготовить микрофоны, приготовить трибуны. Выслушайте их! Наконец, это просто мирный народ, который хотел, чтобы их просто выслушали».

Все три дня горожане отмечали отсутствие на улицах полицей-

---

⁵⁰ «Владельцы многих дорогих автомобилей сняли номера и вместе с народом вышли на митинг».

ских машин и не могли понять, с чем это связано. То, что полицейские 4 января были вооружены только палками и щитами и до последнего момента пытались не применять огнестрельное оружие, – не дало им положительного имиджевого результата. Теперь одни в полицейских видят тех, кто принял участие в кровавом подавлении народного восстания, у других возникло *«реальное ощущение, что где-то наверху бросили, можно сказать, забыли, ушли в себя, что хотите, то и делайте. Я согласен, да, жизнь важна, но там были дети 18-летние, которые просто стояли с щитами и палкой в руках против такой оравы»*.

А где были другие структуры, которые отвечают за правопорядок в городе? Кто отдал приказ, чтобы спецподразделение «Арыстан» не принимало участие в разрешении кризиса, а занималось тем, что 4 и 5 января выводило своих людей и технику из города, притом, что база подразделения расположена в самом центре Алматы и, возможно, его своевременное вмешательство могло бы повлиять на более благоприятный исход событий. *«Я рядом живу. Получается, они до 5 января вывезли оттуда технику. 4-го там часть какая-то выезжала, заезжала, но часа в 2 ночи они потом выключились, как бы замаскировались, – выключили свет и там была полная темень. Где-то час еще что-то горело, но потом они полностью вырубил свет и сидели уже в темноте. 5-го они вывели спецтехнику, большими машинами и мелкими машинами выехали»*.

Итогом всему стало возникшее у горожан чувство страха, потерянности, заброшенности и понимание *«насколько все хрупкое вообще, как легко это можете поломать. И лишь достаточно людей, которые ни к чему не готовы»*.

ОДКБ

Вечером 5 января информационные агентства распространили новость о том, что Президент Казахстана К.Токаев направил обращение к лидерам стран Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с просьбой о поддержке Казахстана в сложившемся кризисе, который он охарактеризовал как террористическую угрозу, направленную на подрыв целостности государства и «нападение на наших граждан». 6 января в страну был введен миротворческий контингент войск ОДКБ, который должен будет задействован «не во всех регионах» и будет обеспечивать охрану жизненно важных объектов.

«Миссия ОДКБ в Казахстане исключительно миротворческая и рассчитана на непродолжительный период времени, после стабилизации обстановки весь объединенный миротворческий контингент ОДКБ будет выведен из нашей страны»⁵¹.

Призыв к ОДКБ остается одной из самых спорных точек описываемых событий. В ходе бесед высказывались разные мнения – часто диаметрально противоположные – по поводу этого решения Президента страны. Значимая часть наших собеседников считала, что это неправильный шаг, который нельзя было совершать: *«когда он сказал, что попросил помощи ОДКБ, я был в шоке. В свою же страну пригласить военных против своего же народа! Я был очень злой! Я был разочарован!»*.

Кто-то воспринял новость об ОДКБ спокойно, скорее, прагматически, предполагая, что у Президента на тот момент было недостаточно ресурсов, чтобы разрешить кризисную ситуацию, *«у меня дома там возмущались почему он обращается именно в ОДКБ, я вот очень спокойно относился к этому. У меня была такая оценка, что наш президент хочет показать, что у него извне есть поддержка. Тем более они занимались функциями охранять главные стратегические объекты»*.

Но также много было тех, кто *«выдохнул»*, узнав об этой новости, считая это решение правильным: *«немножко успокоился, когда Токаев сказал, что просит ОДКБ, чтобы он вошел в регион, и тогда уже немного ясность пришла. А вообще, по этим выступлениям было похоже на байгу «верхушки». Они друг другу как будто какие-то послания, что ли, отправляли»; «меня с семьей успокоил сильно момент, когда действительно вошли какие-то дополнительные войска, ОДКБ»*.

11 января 2022 года во время заседания Мажилиса Парламента Президент Токаев сообщил о том, что начался вывод войск стран Организации Договора о коллективной безопасности.

ЧТО С ИНФОРМАЦИОННОЙ МАШИНОЙ? ОНА СЛОМАЛАСЬ

Все эти январские дни город ощущал чудовищный дефицит информации о том, что происходит в нем. Отключение от сети интернет, и, соответственно, всех интернет-ресурсов, в том числе и интернет-телевидение, которое объяснялось необходимостью лишить связи тех,

---

⁵¹Токаев заявил, что контингент ОДКБ будет выведен в течение 10 дней.
<https://rus.azattyq.org/a/31648607.html>. Дата публикации 11.01.2022.

кто был заинтересован в дестабилизации обстановки, – «отключение интернета, каналов связи для того, чтобы, прежде всего, прекратились координация и контакты среди преступников – это как бы, да, все поняли, что вынужденная мера», – конечно, было ожидаемо, но не могло не сказаться на восприятии ситуации простыми горожанами. Город наполнился различными слухами, домыслами и страшилками, а все, у кого были подключены стационарные телефоны, судорожно вспоминали давно забытые номера, чтобы связываться с родными и знакомыми, узнать новости и обсудить происходящее. Известие о штурме аэропорта на этом фоне усилило чувства тревожности и страха перед происходящим в городе: «после новости о захвате аэропорта, непонятно, что дальше. Что они захватят Байконур и полетят в космос?».

Помимо функционирующей городской телефонной сети продолжало вещание республиканское телевидение, новостные выпуски которого хоть как-то заполняли создавшийся информационный вакуум, «на удивление у нас все это время работало телевидение, практически все дни! И канал «Хабар-24» в принципе старался. Было видно, что они стараются показать, что поможет людям перебороть панику». Но в повторяющемся однообразии новостей было недостаточно подробностей и надежды на скорое разрешение кризиса.

«Хабар 24», «Атамекен Бизнес» – они продолжали работать, вещали нон-стопом 24/7». Но отсутствие других массовых каналов доставки информации (радио, громкоговорителей, СМС-сообщений) в условиях неработающего интернета привело, как утверждали некоторые наши собеседники, к тому, что они не знали, что в стране и городе введен режим чрезвычайного положения, предполагающего ограничения на передвижение. Именно этим они объясняли те сложности, в которые им и таким, как они, пришлось попасть. «Не знали, интернет отключили, во-первых. А во-вторых, по городу не было громкоговорителей, чтобы оставались дома. Я бы если услышал, сразу поехал бы домой, не возил бы сотрудников. Тем более я видел, что уже появились мародёры. Все, кого я спросил, не знали про комендантский час и про то, что будут открывать стрельбу на поражение. Так бы все спрятались бы и не выходили бы».

Возможно, если бы телевизионный ресурс использовался властями для привлечения горожан на свою сторону, был бы в большей степени ориентированным на жителей городов, а не представлял из себя заикленную ленту сюжетов и событийного фактажа, который демонстрировал картину бесконтрольности и вседозволенности, то и масштабы произошедшего были бы меньшими. Если бы...

Но также остаются вопросы: а что было бы, если бы митингующие завладели телевизионным эфиром? И зачем напавшие на здания телеканалов бунтовщики, не получив доступа к «прямому эфиру», разгромили и сожгли телевизионные студии? И какой смысл был в сожжении отдельно стоящего здания ТРК «Qazaqstan»?

«БЕСПЛАТНО ДАЮТ»

О мародерстве и грабежах на улицах Алматы, произошедших в эти январские дни, рассказывали многие наши собеседники. Причем большинство из них рассказывали об этих фактах чаще в негативном контексте: с негодованием, осуждением, иногда – с удивлением. Но были и те, кто участвовал в подобных акциях и поделились своим опытом. *«Хорошо знаем магазин «Люмир», рядом живем. В один момент сообщили, что завтра его будут грабить (тонайды). Просто интересно было, как это».*

Нужно сказать, что мародерство началось не сразу: еще 4 января, когда характер выступления был больше мирным, участники шествия отмечали то, что воду и еду они покупали сами, заходя в магазины, расположенные вдоль улиц и проспектов, и ни о каких фактах нападения на магазины не сообщалось. В какой точно момент произошло изменение настроения протестующих, сказать трудно, поэтому чаще говорили о 5 января как дне, когда началось мародерство. Но, ради справедливости следует отметить, что 4 января имели место факты сожжения личных автомобилей и спецмашин, попытки поджогов зданий государственных учреждений, а в последующие дни уничтожение техники и поджог зданий приобрели широкий размах. *«Видела, что только «Нур Отан» сожжен, две «пожарки» стояли, горели, 2 машины военные сожженные. . . Вот, кстати, когда мы ехали, машины еще 2 сожгли. . . ».*

Мародеры разбивали банкоматы, нападали на ТРЦ, грабили охотничьи и промтоварные магазины, супермаркеты, вынося оттуда одежду, продовольствие, алкоголь, дорогие и не очень смартфоны и гаджеты, мелкую и крупную бытовую технику, – все, что попадалось под руку. Причем занимались этим обычные жители города, «наши простые люди». На видео тех дней видно, что некоторые из мародеров имели и вполне зажиточный вид. *«Они звонили своим друзьям, говорили: «здесь бесплатно дают, приходите, не останется, завтра будет голод», или еще что-то. И эти люди приходили сюда, приезжали, сняв номера, естественно,*

воровали»; «Пришли 3 женщины, говорят: «мы пришли за продуктами», как будто в порядке вещей давать продукты. Какие продукты? «Ой, қой, мы же казахи, бізге беріңізіі (дайте нам), мы просто не знали»; «там были и пожилые люди, и женщины, и старики, и даже дети. И они грузили все, что могли унести на этих магазинных тачках».

Некоторые из наших собеседников видели, по какой схеме разворачивалось конкретное мародерство: «подъезжали к крутым магазинам машины, выходили люди в черной форме, в масках, разбивали витрины, пару вещей возьмут и уходят, – провокация была, чтобы люди шли и мародерствовали».

Уничтожению и грабежу подверглись и автозаправочные станции города, что привело в последующем к дефициту бензина: «тоскливо разнесли даже заправку около моего дома. Меня впечатлило больше то, как люди ведрами брали бензин, заливали в свои машины»; «мы ехали по Ташкентской, видели по дороге 4 заправки, которые грабили простые наши люди. Машины с номерами стояли, обычные люди ходили с баклажками, с ведрами, и куча людей у каждой заправки стояло. И они прям вычерпывали бензин! Меня это поразило!».

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

В условиях создавшегося хаоса и безвластия в городе работали силы общественной самоорганизации и самозащиты. Видя размах мародерства и грабежа, в некоторых районах Алматы, например, в «Айнабулаке», сформировались добровольческие дружины по защите магазинов и других объектов от нападений мародеров. «Надеялись, что смогут защититься в случае какого-то конфликта с бандитами себя сами. У кого было оружие, там охотничье, его готовили. Но те, у кого не было такой возможности, они уже к вечеру 5-го начали объединяться в отряды самообороны. Вот самый не пострадавший район города – это «Айнабулак», даже банкоматы всегда работали. Но мало, кто знает, что на самом деле определенное количество жителей «Айнабулака» 5-го числа пытались держать «зеленую» линию обороны, чтобы митинги не прошли через них».

И как рассказали наши собеседники, в местах, где были созданы отряды самообороны, не было фактов грабежей и мародерства, в то время как другие, менее сплоченные районы, подверглись нападению, «на Белинского жители поставили свои посты, чтобы их не грабили. А «Ленин-

ская смена» (Акан Сері) просто осталась сама по себе, и я насколько знаю, там подергали магазины и что-то там. А у нас в каждом подъезде по 20 военных живет, и то – ограбили магазин!».

Все эти январские дни многие предприятия, несмотря на все сложности, неработающий общественный транспорт, сбой поставок, продолжали работать, оказывать жителям города необходимые услуги, «работники электростанций, люди, которые работали на хлебозаводах, врачи. Они выходили на работу несмотря на то, что было опасно несмотря на то, что они не знали, что происходит толком. Прямых указаний продолжать эту деятельность практически ни у кого не было. Хорошим примером является действие директора перинатального центра, на улице Басенова. Во время этих событий это был единственный объект, где безостановочно принимали беременных женщин. И чтобы обезопасить объект от возможного нападения террористов, и не дай Бог, захвата заложников, директор этого центра попросила своих сотрудников добыть всевозможные там тряпки, простыни и написать на них на русском и казахском языках: «Здесь лежат беременные. Это роддом. Пожалуйста, сюда не заходите».

Часть продавцов и владельцев магазинов, воспользовавшись неопределенной ситуацией и дефицитом, завышали цены на самые необходимые товары, прежде всего, продовольственные. Но были и другие примеры, о которых с одобрением сообщали наши собеседники: «вот мы живем в «Жулдызе», и я 5-го числа пошел за хлебом, и увидел, там один картошку за 800 тенге продавал, хлеб 200 тенге. И им папа сказал: «да вы что?! Это же необходимые вещи!» Молоко они 1000 тенге продавали. Но это единственный магазин так делал. А там в «Жулдызе» в центре такой есть базарчик, на базарчике овощник даже на 5 тенге цену не поднял, говорит: «нет, я намаз читаю, я никогда так не сделаю».

В ходе бесед нам приводили многочисленные примеры взаимопомощи и поддержки, которую оказывали друг другу жители города в условиях дефицита продовольствия, прежде всего, хлеба, лекарственных средств и, конечно, отсутствия наличных денег, поскольку отключение интернета привело к невозможности использования банковских карточек и перевода денежных средств: «большие всего пострадали те люди, у которых были дети. Потому что у них постоянная потребность в хлебе, молоке, крупе. А в течение двух дней это все по городу закончилось. И люди не знали, чем кормить свои семьи»; «хлеба практически не было, нам друзья дочери привезли 5 лепешек, поделилась с соседями. Или вот мы вышли с супругом в магазин, стреляют, – здесь ДВД, – а кушать хочется. Из наличных у нас, наверное, тысяч 10 было, и тут парень один мечется, говорит: «Вы не знаете,

где тут банкомат? Мне надо ребенку купить что-то». Я говорю: «Возьмите, вот у меня 5 тысяч есть». Он потом перевел по Каспи, когда все это заработало»; «у нас по улице Розыбакиева горячие лепешки продавали. Бедные ребята работали сутки, наверное, давали хлеб этот горячий, и вот мы за лепешками по 2 часа стояли в очереди».

И, конечно, в городе было много примеров того, как работали волонтеры, иногда, рискуя своей жизнью, оказывая помощь и поддержку нуждающимся горожанам. Большие проблемы с продуктами и едой испытали закрытые учреждения (детские дома, дома престарелых, кризисные центры), в которые после новогодних праздников не было поставок необходимых товаров, и в этом случае помощь волонтеров Алматы была без сомнений самой важной. «Р. сам обзванивал детские дома, спрашивал: «есть хлеб?», а где хлеба не было – возил туда, где продуктов не было – возил туда сам. Потом одного волонтера убили прямо на Площади, очень тяжело было психологически»; «надо особо отметить людей, которые приходили и привозили продукты, провизию. Со школы привозили к нам, так как школа закрылась, их продукты привезли нам, муку, яйца. Частные лица были, которые привезли яблоки, овощи, фрукты. И с местного акимата привезли. Люди отнеслись с пониманием, те, кто знает, что здесь находится Кризисный центр, что у нас не было возможности. Очень много помогли тогда. Оставили телефоны, если что-нибудь надо, чтобы написали, привезут. Они потом, оказывается, приходили и узнавали, все ли у нас хорошо».

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

С момента событий, которым посвящена эта книга, прошло 2 года. Как живет Алматы сегодня? Сохранилась ли память о тех событиях у людей, у города? Да.

Самым первым восстановился бизнес. Заменить стекла и оборудование в помещениях, подсчитать убытки оказалось самым простым. Некоторое время витрины магазинов еще «украшали» фанерные щиты, но и они вскоре исчезли.

Здания телеканалов и городского акимата пострадали от пожаров, и их восстановление затянулось. Фасад здания телеканалов «Хабар», «Мир» и других, расположенных по адресу Площадь Республики, 13, до сих пор затянут тентами. Сгоревшее здание телеканала «Qazaqstan» было полностью снесено, на его месте возводится новое

сооружение. Здание городского акимата, расположенного на Площади Республики, 4, подверглось капитальному ремонту. Резиденция Президента, расположенная на проспект Назарбаева, 205 (бывшая Фурманова) снесена.

Сложнее всего было восстанавливаться людям: тем, кто оказался волей или неволей участниками январских событий 2022 года; тем, кто потерял своих близких и знакомых в те дни; тем, кто проживает в районе Площади Республики и теперь знает, как пули пробивают стекла в окнах; и в целом, жителям Алматы, которые оказались не готовы к тому, что произошло.

Еще слышны отголоски уголовных дел и разбирательств.

Многие до сих пор вздрагивают, когда взрываются петарды и новогодние салюты.

А еще все помнят туман.

**ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКАМИ
И ОЧЕВИДЦАМИ СОБЫТИЙ
4-6 ЯНВАРЯ 2022 ГОДА В Г.АЛМАТЫ**

ИНТЕРВЬЮ №1, ЖУРНАЛИСТ АСЫЛХАН

Интервьюер: Бізбен кездесіп, сөйлесуге келіскеніңге рахмет. Қаңтар оқиғасынан бері бір айдан астам уақыт өтті. Сол кездегі оқиғалар сізге қандай ой қалдырады? Бұл оқиғаны бір сөзбен немесе фразамен айта аласыз ба? Сіздің ойыңызша Қаңтарда не болды?

Сұхбатшы: Менің ойымша бұл – көтеріліс. Осыған ұқсас оқиғалар тарихта талай болған. Сондықтан мұны ауқымы жағынан алған кезде Қазақстанның кем дегенде жартысына жуығын қамтыған халық көтерілісі деуге болады.

И: Осы оқиғалар неден басталғанын егжей-тегжейлі сипаттай аласыз ба?

С: Неден басталды деген сұраққа бір ғана сөзбен жауап беру өте қиын, бірақ бір нәрсе айқын – ол оқиғада негізгі ұран әуел баста Жаңаөзендегі газдың бағасын түсіруді талап етіп тұрғандарды қолдау болғанымен, бірден өзгеріп саяси сипат алып, «Шал кет!», – деген ұранға ұласты. Бұған биліктің 30 жыл бойы ауыспай отырғаны және бір ғана саяси жүйені, осы өздері орнатқан билігін ғана мадақтап, басқа балама оппозициялық күштерді түншықтырууы, жалпы демократиялық құндылықтарға қарай бет бұрмауы, осы мәселелер меніңше тікелей халықтың көтеріліске шығуына түрткі болды деп есептеймін. Әрине басқа да жақтары бар. Алматыда халық арасында танымал лидерлер болған жоқ. Қарапайым халық: «Қымбатшылық жойылсын!», – деп шықты. «Қандай талаптарың бар?», – дегенімде «Қымбатшылық тоқтасын», – деп жауап берді. Яғни халық тұрмысының нашарлағаны және басқа да әлеуметтік мәселелердегі әділетсіздіктер осындай көтеріліске жеткізді деп есептеймін.

И: 4 қаңтар күніне оралсақ. Сіз не істедіңіз? Осы күнгі оқиғаларды егжей-тегжейлі сипаттай аласыз ба?

С: Ол күні Алматыда болған оқиғаның басынан бастап болдым. Халық Алматыда «Алатау» театрының алдына жиналды. Оппозициядағы белсенділердің бірі Жанболат Мамай өз жақтастарын сол жерге шақырған деді. Бірақ Жанболат Мамайдың өзін сол жерде бірден тұтқындап әкетті. Меніңше, бұл үлкен қателік болды. Митингіге шақырған адам соңына дейін жүруі керек еді және сол адам керек болатын еді билікке. Өйткені, онымен келіссөз жүргізуге болатын тұғын. Сол жерге 2000-3000 адам жиналды. Басында оларға кедергі жасады. Әдеттегідей автозакка салып әкетіп жатты. Бірақ халық өте қатты көбейген соң поли-

ция ештеңе істей алмай қалды.

И: Қай мезгілде, қаншада алып кетті?

С: Шамамен 20:00-20:30 кезінде автозакка салып әкетіп жатты. Одан соң адам күрт көбейіп, полиция жауып тұрған «Алатау» театрына қарай Момышұлы көшесін кесіп өтті. Алдында ол жаққа халықты өткізбей тұрған. 5-6, 10 шақты адам келеді, олардың барлығын полиция, ОМОН сүйретіп апарып, автозакка салып жіберді. Сағат 20:00-20:30 кезінде адам қатты көбейді де ұстап үлгері алмайтын болды, «Алатау» театрының қарай жіберуге мәжбүр болды.

Адамдар театрға қарай өткен соң: «Жинал!», «Біз Жаңаөзенді қолдаймыз!», – деп ұрандатып тұрды. Алғашында адамдар қандай ұран салатынын да білген жоқ. Өйткені оны ұйымдастырып жатқан бірде-бір адам жоқ. «Біреуің сөйлесеңдерші», – деп, бір-біріне сілтеп тұрды. Ол жерде сөйлейтін, басқаратын, былай істейік дейтін адам болған жоқ. Сүйтіп тұрғанда, полиция өте үлкен қателік жасады – 3 мың адамға қарсы 100 полицейді сапқа тұрғызды да алдында тұрған 3000 адамды шетінен ұстаңдар деді. Былайғы уақытта 100 адамды 100 полицей ұстай алатын шығар. Бірақ 100 адамды 3 мың адамға қарсы қойып, шетінен ұстап алып кету мүмкін емес қой. Былайша айтқанда, ақымақтық деуге де болады. Міне, полицияның дәл осы әрекеті жағдайды қатты ушықтырды. 100 полицей түк істей алған жоқ. Меніңше, дәл осы сәт шешуші кезең болды. Полицияға шамасы келетін байқаған 3 мың адам, басым көпшілігі жастар, сол жерде 1-1,5 сағаттай тұрғаннан кейін: «Не істеп тұрмыз мына жерде», «Кеттік Алаңға», – деп алаңға қарай шығып кетті. «Алатау» театрының алдынан Момышұлы көшесіне шықты да, Рысқұлов даңғылына қарай, жоғары өрледі. Бұл сағат 21:00 кезі болатын.

И: Сол алаңда тұрғанда әкімдік өкілдері шығып, талаптарын сұрады ма?

С: Мәселе осы. Ең басында меніңше, сол жерге әкімдік адамдары келіп, бірден халықтың алдына шығуға тиіс еді. Прокурор келді: «Мына жиындарың заңсыз, аңдай-мыңдай», – деп айқайлады. Оны тыңдап жатқан ешкім жоқ. Прокурордың қолындағы дауыс зорайтқышпен әкім бе, әкім орынбасары ма біреуі тұрып: «Халайық, не айтасыңдар біз тыңдаймыз, мәселені шешейік», – десе бәлкім, оқиға басқаша болуы әбден мүмкін еді. Бірақ биліктен ешкім келген жоқ. Тек қана құқық қорғау органдарын ғана жіберді. Яғни келісімге келу орнына дереу жазалаушы жасақ жіберді. Осы нәрсе жағдайды одан сайын ушықтырды. Сөйтіп халық театрдың алдынан көшеге шығып кетті. Сағат 23:30

кезінде олар халықтың алғашқы легі алаңға қарай кетіп қалған еді.

И: Сіз өзіңіз болдыңыз ғой? Сол кезде, көшеге шыққанда?

С: Иә, болдым. Бүкіл телеарналарда жүрген кадр бар – Момышұлы көшесінің бойында шеп құрып тұрған жасақты қолтықтасып келген жастар бұзып өтеді. Сол кадрларды мен түсіргем. Ол жерде мен бейтарап журналист ретінде жүрдім.

И: Ал сіз қалай ойлайсыз, әкімдіктен біреу шығып сөйлесе, халықтың талабын тыңдаса халық тарар ма еді?

С: Тарап кетуі де мүмкін еді. Сізге бір мысал келтірейін. Кеше, сенбі күні, Алматыда митинг болды. Рұқсат берілген бейбіт митингі ғой, жан-жағында полиция тұр деген сияқты. Адамдар ойларына келген нәрсені айтты. Ішіндегі өкпе-ренішін, ашу-ызасын бәрін микрофонмен айтып-айтып, екі сағатта тарап кетті. Болды. Саяси технологияда бұндайды «бу шығару» деп айтады. Яғни ашу-ызасын сыртқа шығарса халық өзі қайтады сол жерде. Егер сол жерге әкімдік келіп, «міне, микрофондарың мынау тұр, осы жерде сөйлеңдер, біз тыңдаймыз», – дейтін болса, бәлкім олар айтып-айтып, сол жерде тарқап кетуі әбден мүмкін еді. Бірақ, бір нәрсені ескеру керек. Бұл жерде талаптар біртіндеп саяси талапқа ауысып кетті. Бастапқыда Жаңаөзенмен басталғанымен біртіндеп «шал кетке» ұласа бастады. «Шал кет», – деген Қазақстандағы ең танымал ұран қазіргі. Саяси ұран. «Шал кет» деп тек қана Назарбаевтың жүйесі емес, Назарбаевтың өзі емес, жалпы саяси жүйені айтатынын жұрттың бәрі біледі. Сондықтан ол жерге Алматының әкімі барғанмен де, «шал кет» деген талапқа жауап бере алмайтын еді. Дегенменде ол сол жерде өйтіп-бүйтіп тоқтатуына, әртүрлі уәде беруіне, ертең келіссөзге шақыруға мүмкіндігі бар еді. Бірақ, оның ешқайсысын қолданған жоқ.

И: Сіз сол жерде жүргенде қандай әңгімелерді естідіңіз? Бірінші бейбіт ұрандар болды ғой. Адамдар не туралы сөйлесті?

С: Оқиға өте тез өрбіді. Мен көргенде адамдардың ешқайсында «қазір барамыз да әкімдікті өртейміз» деген ниет болған жоқ. Барлығы да: «Біз бейбіт митингіде тұрмыз», – деп есептеді. Сосын мынадай нәрсеге назар аударсаңыз болады: жалпы, митингінің мәдениеті деген бар ғой. Қазақстанда митинг өткізу өте қиын. Рұқсат сұрасаң оңайлықпен бермейді, берсе де қысып тастайды, белсенділерді митингіден бұрын қамайды. «Алатау» театрының алдына жиналған жастар митингіге барып үйренбеген. Оларға осылай адамның өте көп жиналғаны өте қызық көрінген сияқты. Өйткені бұрын ондайды көрмегендер ғой, көпшілігі бірінші рет шығып тұрғандар. Митинг деген осылай екен

деп ойлады, бірақ бұлардың: «Былай істейік, барып үкіметті төңкерейік», – дегендей, мемлекетке қауіпті ой-пікірлері болған жоқ ешқандай. Олар: «Біз шықтық, енді ой-пікірімізді айтуымыз керек, мына саяси жүйе өзгеруі керек, шал кету керек», – деген сияқты әңгіме айта бастады. Болды. Басқа бір бұзақылық, терроризм туралы әңгімелерді мүлдем естіген жоқпын. Халық ол жерде бөлек-бөлек топтасып тұрған жоқ. 5-6 адамнан жиналып, «қазір не істейміз», – деп ақылдасқан жоқ. 2 мың-3 мың адам бір жерге жиналды. Біреуді сөзін біреу естімейді. Бір кезде тығыны атылған судай лақ етіп ақтарылды да кетті. Олардың арасында ұйымдастырып жүрген ешкім жоқ.

И: Қалай ойлайсыз, неге олар «Алатаудың» алдында тұрды да, бір уақытта әкімшілікке қарай жылжи бастады?

С: Өз сұрағыңызға өзіңіз жауап бердіңіз. Егер әкімдік сол жерге келсе, олар әкімдікке бармайтын еді. Орыстардың мәтелі бар ғой, «Мұхаммед тауға келмесе, тау Мұхаммедке барады», – деген. Осы мақал сияқты. Жақсы, әкімдік келмеді ме, онда біз әкімдікке барамыз. Өйткені, шешім қабылдайтын жер әкімдік екенін барлығы біледі. «Алатау» театрының алдында 2-3 сағат тұрсада ештеңенің шешілмейтінін де өте жақсы біледі. Алматы қаласына байланысты барлық шешім Алматы әкімдігінде қабылданады. Сол себептен олардың бірден әкімдікке қарай жүруі заңды нәрсе, таңғалатын түгі жоқ. Әкімдіктің өзі барса, әңгіме басқаша болатын еді. Негізгі әкімдікке емес, Алаңға кетті. Әкімдік Орталық Алаңда тұр. Митингілердің, жиындардың негізгі мақсаты – жұрт назарын аудару, қала орталығымен жүріп, алаңға жеткенше халықтың назарын аударатынын барлығы біледі, сол себепті де Алаңға қарай кетті, Алаңның жанындағы әкімдікті көрді. Көрді де, өртеп тастады. Өйткені әкімдіктен ешкім шыққан жоқ, шықпайтын болсаңдар «мә, сендерге», – деп өртеді де жіберді. Халықтың алдына әкім шығу керек еді. Алаңға әкімнің өзі емес орынбасары шықты. Орынбасарын ешкім танымайды. Сағынтаевты ептеп тануы мүмкін, бұрын премьер-министр болды деген сияқты. Қанша дегенмен әкім ғой. Халық шешім қабылдайтын адаммен сөйлескісі келді. Әкімнің орынбасары, комитеттің бастығы, департаменттің бірдемесі, бөлім бастығы сияқтылармен сөйлеспейді ешкім. Бұрыннан келе жатқан әдіс солай, халықтың басына қиындық түскенде, я болмаса, халықтың сұрағы болған кезде әкімдер, министрлер өздері шықпайды, орынбасарларын жібереді. Бұл жолы да сөйтті. Бір жағынан қарасақ «әкім шыққанда бірдеңе өзгертін бе еді» деген де сұрақ болуы мүмкін. Өзеннің басындағы бөгетін алып тастасаңыз лақ етіп ақтарылады, тоқтата алмайсыз. Сол сияқты, бұл жерде 2 мың

– 3 мың адам «Алатаудың» алдына жиналып, орталыққа барғанша 5 мың болды. 5 мың адамды басқарып жүрген ешкім жоқ. Әкім кіммен сөйлеседі, өзіңіз ойлаңызшы? Алдында келе жатқан екі пацанмен сөйлесе ме? Ол пацанды басқалар танымайды. Бірін бірі танымайды. Яғни алдында келе жатқан адамдардың ұйымдастырушысы жоқ. Өйткені олар бір-бірін танымайды. Сол себепті, бұл мынадай қателіктен туып отырған нәрсе. Егер уақытыңыз болса кішкене айта кетейін.

И: Иә, иә. Айтыңыз.

С: Қазақстанда саяси партияларға, саяси ұйымдарға өте қатты қысым жасалады. Тіркелуге мүмкіндік бермейді, мысалы, Жанболат Мамайдың партиясына тіркелуге мүмкіндік берген жоқ. «Ел тірегі» деген партия тіркелгісі келіп еді, оны да өткізбеді. Әблязовтың ДВК-сын мүлде айтпай-ақ қояйық. Оны экстремистік ұйым деп жариялап тастады. Егер алаңда саяси партиялар ұйымдастырған митинг болса, Сағынтаев шығып, саяси партиялардың лидерлерімен сөйлеседі де: «Біз сендердің талаптарыңызды орындаймыз не болмаса орындамаймыз, анау артына еріп келгендерге өзің солай деп айт», – дейді. Ал мына жерде ондай жоқ қой, ешқандай саяси лидер жоқ, ешкім ешкімді мойындамайды, жалпы халық нөпірі алаңға шықты. Олар не істейтінін де білген жоқ. Ондай көпшілік арасын да өртейтіндер, ұратындар, соғатындар міндетті түрде табылады. Тек бізде ғана емес, Еуропада да солай. Сондықтан бұлар барды да өртеуге кірісіп кетті. Сол себептен біздің билік баяғыдан осындай оқиғаның алдын алу үшін осы саяси жүйені жеңілдетіп, халықтық арасында саяси партиялар құруға, ұйымдастыруға мүмкіндік бергенде дәл осындай жағдай болмас еді. Онда саяси лидерлермен ғана сөйлесетін еді. Салыстыру үшін айтайын сізге, Украинада болды осындай төңкерістер. Белоруссияда жазда болды, президент сайлауынан кейін. Белоруссияда шөптің басы сынды ма? 50 мың адам шығып шөптің басын сындырған жоқ. Орындық үстіне шығып тұрады да, түскеннен кейін шүберекпен орындықты сүртіп кетіп жатқанын көрдіңіздер ғой. Митингіге шыққандарды нақты саяси ұйымдар ұйымдастырып, «анаған тиіспеңдер, оңға, солға», – деп ұйымдастырып жүрді. Ал мына жерде ешкім жоқ қой. Лукашенко саяси лидермен сөйлесті, бірақ артынан оларды соттап жіберді. Бірақ сонда Лукашенконы наразылардың саяси лидерлерімен сөйлесіп қана жаны қалды. Егер саяси лидер болмаса, 50 мың адам таптап өтіп кететін еді. Бізде 5 мың адам келді де әкімдікті, президент резиденциясын өртеп жіберді.

И: Сіз халықпен бірге әкімдікке, алаңға келдіңіз бе?

С: 4 қаңтар күні сағат 23:30-да «Алатау» театры алдында түсірген видеоларымды жүктеп, алаңға түнгі 2:00 шамасында қайтып бардым. Мен барғанша алаңда көзден жас ағызатын құралдарын қолданып, халықты таратып жіберген болатын.

И: Бұл қай алаң?

С: Тәуелсіздік ескерткіші тұрған алаң.

И: Иә, иә. Әкімдік тұрған алаң туралы айтып жатырмыз.

С: Сол жерге халық келіп, өртейтінін өртеді. Халықты әскер мен ОМОН қайтарды. Түнгі сағат 4:00-5:00-те алаңда жүрдім, қаланы араладым. Қаланың 1-2 жерінде ғана полицияға қарсылық көрсетіп, көп болса 50-60 адам жүрген болатын. Соларды таратып жүрген ОМОН-дардың жанына барғанда көзден жас ағызатын граната тура алдыма жарылып, шынымды айтсам, көзімнен жас сорғалап, мұрнымнан су ағып, демала алмай тұншығып қалдым. Операторым екеуміз қашып, 200 метрдей жоғары өрлеп барып, таза ауа тауып жарты сағаттан кейін есімізді жинадық. Сонда байқағаным, алаңға жиналғандардың бәрі тарап кетті. Түнгі сағат 4:00-5:00 кезінде адам қалмады. Бұл 4-нен (қаңтардың) 5-не қараған түні. Оқиға келесі күні тағы болды ғой. Ол туралы айтып тұрған жоқпын.

И: Ия, дұрыс, әзірге 4-і туралы айта беріңіз.

С: Енді 4-іне әкімдіктің бірнеше терезесін өртеген шығар, басқа қылаған шығар, бүлдірген шығар, бірақ негізгі оқиға ертесіне болды ғой. 5 (қаңтар) күні кешке болды. Мен 4-і күні 5:00-6:00 қала ішінде аралап жүрдім. Сонда митингіге шыққандардың қайтып кеткенін, полицияның қуып-таратқанын көрдім. Осымен бітті деп ойлағам. Өйткені митинг бітті, адамдар кетіп қалды. Үйге сағат 6:30 бардым, 8:00 қайтадан шығып кеттім.

И: Кешіріңіз, жаңа сіз мені таң қалдырған жағдай дедіңіз де, айтқан жоқсыз. Не таңқалдырды сізді 4 қаңтарда?

С: Таң қалдырған нәрсе – әскер қаланы тазалап тастады. Адамдарды таратып, қуып жіберді. Алаңда әскер ғана қалды. Менде суреттері де бар тіпті.

И: Сіз 5-і күні таңғы сағат 8:00 айтып жатсыз, солай ма?

С: Жок, бұл 4-і күнгі сағат 5:00-6:00. Енді мені таң қалдырғаны – осы әскер ертеңіне жоқ боп кетті. Әскер де, полицияда ертесіне таңертең жоқ болды. Осыған қатты таң қалдым. Енді 5-і туралы айта берейін бе?

И: 5-і күні қаншада басталды?

С: 5-і күні сағат 8:00 шамасында қайтадан жұмысқа бардым, сағат 9:30-10:00 кезінде Рысқұлов пен Момышұлы көшесі бар ғой, «Алатау» те-

атрының жаны, сол жерде жолды жауып, 50-ге жуық адам тұр дегенді естіп, сол жерге бардым. Мен барғанда көп болса 50-60 адам болатын ол жерде. Біртіндеп көбейе берді. Түнде халықты қуып таратқан әскер қазір келеді де быт-шытын шығарып қайтадан таратып жібереді деп ойлады. Сөйтсем, полиция жоқ, әскер жоқ. Ешкім жоқ, қалада билік жоқ. Түнімен тұрған әскер қайда кеткенін білмеймін. 5-і күні сол жерге 50 шақты адам жиналды, 11:00 кезінде 200 адамға жетті. Біртіндеп көбейді де Момышұлы көшесімен жоғары көтеріліп, Төле биге дейін барды. Жолда 4-5 «КАМАЗ»-ды көлденең қойыпты көтеріліске шыққандар. Ереуілге шыққандар. Полиция келсе деп. Бірақ ешқандай полиция келген жоқ. Сосын оларға кете беріңдер деп, олар кетіп қалды. Содан Төле би бойымен Сайран автовокзалы жанына дейін жаяу барды. Қараңыз Төле би бойымен халық кетіп бара жатқанда, көбейе берді. Біреу таңертең жұмысқа шығады, қонаққа шығады, олар да қосылып, оған көшеде кетіп бара жатқан машиналар мидай араласып сапырылысты. Жол полициясы ана митингке кетіп бара жатқандардың не алдын жауып, не артын жауып, машинала жүргізбеуі керек еді. Машинамен жүргендер митинг болып жатқанын білмейді ғой. Олар келді де нөпірдің ішінде тұрып қалды. Бір кезде митингке шыққандар Төле би мен Мате Залка көшесінің екі жағын рельспен жауып тастады.

И: Немен жауып тастады дейсіз екі жақтан?

С: Бұрынғы трамвайдың рельсі жатыр ғой, сол рельстерді көтерді де, екі жақты жауып тастады. Бітті.

И: Мәссаған!

С: Енді қараңыз, сол жолға жүздеген машина келіп тұр ғой кептеліспен, олар қайда барады? Бұны полиция реттеу керек қой енді. Ал полиция жоқ. Байқадыңыз ба қандай бардақ болғанын. Сонда полиция реттеп тастаса, жүздеген машина кептелмес еді. Алдын жауып тастағаннан кейін машиналар тұрып қалды сол жерде. Наразылыққа шыққандар содан соң Әуезов аудандық ішкі істер бөліміне барды. Мате Залка көшесінің бойында, жоғары қарай шамамен 400, 500 метрден кейін тұр. Біз оператормен бірге артынан ілесіп жүрдік. Барғандар бірінші РОВД-дан ешкім шықпаған соң сонда кірмек болды, сосын терезелерін сындырып тастады. Ішке қарай кіре алмады, кіруге қатты талпынғанда жоқ, себебі есік жабық тұрғанын көрді. Оның үстіне ең басты нәрсе – РОВД-ның полициялары РОВД ғимаратының төбесінде автоматпен, қарумен атып тұрды. Ол кезде «холостой патронмен» атқан шығар деп ойлаймын. Кәдімгідей атып жатты, бірақ өлген адам болған жоқ. Светошумовой гранаталарын лақтырды. Лақтырған гра-

наталары өз ғимараттарының ауласына түсіп жарылып жатты. Сонда ана жерге жиналған халық айтты: «Арамыздан екі адам жібереміз, сендер шығындар да бізге мән-жайды түсіндіріңдер, кеше түнде қамаған адамдарды босатыңдар, біз кетеміз», – деді.

И: Сөйтіп айтты да?

С: Үш үлкен кісіні келіссөзге жіберді. Бірақ оларға ешкім есік ашқан жоқ. Сол жерде наразылар көп болса 1-1.5 сағаттай тұрды да, Төле биге қайта түсіп орталық алаңға кетті.

И: Бұл сағат қаншада сонда? Жаңағы РОВД-ға келген кез сағат қаншада болды?

С: РОВД-ға келген кез шамамен 12:00.

И: 12:00 кезі? 1.5 сағаттай тұрып-тұрып...

С: Сағат 13:00 кезінде бұлар қайтадан Орталық Алаңға қарай кетті.

И: Төле би көшесімен бе? Солай ғой?

С: Бұлар Төле би көшесімен келді да Мате Залкамен жоғары көтерілген ғой, Әуезов ауданының РОВД-ы сол Мате Залка бойында. Барып ешқандай келіссөзге шығара алмаған соң, тас лақтырып терезесін сындырды да, тұрып-тұрып қайтадан Төле биге түсті. Төле би көшесімен Байтұрсыновқа қарай кетті. Ар жағы – орталық алаң.

И: Сосын? Бұл сағат 13:00-терде.

С: Бұл сағат 13:00 кезінде. Митингілеткендер алаңға қарай кетті де, Төле би мен Розыбакиев көшелерінің қиылысына келгенде менің аяғым жарамай қалды. Өйткені, 3 күн қатарынан жүрдім, бір күнде 35 мың қадам жүрген кездерім болды. Біз көбіне кеңседе отыратын адамбыз ғой, көп жүрмейміз. Шынын айту керек, 3 күнде 50 мыңнан аса қадам жүріппін. Ол маған өте ауыр тиді де, машина шақырып, әріптесіме микрофонды беріп, өзім кетіп қалдым. Оның көргендерін мен шамалап білемін.

И: Енді айтыңызшы жаңағы Төле би мен Мате Залкаға РОВД-ға келді. Осы кезде әлі мирный митинг болды ма? Адамдардың ішінде бүйтейік, сүйтейік деген экстремистер, сондайлар кірісті деп айтты ғой, ондайларды сіз байқаған жоқсыз ба?

С: Жоқ, ондайлар болған жоқ. Мен сізге бір қызық детальды айтып кетейін. Сіздерге зерттеу үшін ғой?

И: Иә, иә. Зерттеуге.

С: Рысқұлов пен Момышұлының бойында жиналып тұрды дедім ғой басында. Сонда маған сол жерде тұрған жігіттердің біреуі айтты. Сол жерде күліп тұрды әшейін. «Кешеден осылай шапқылап жүрмін. Сөйтсем үйімді ремонттап жатқан 10 шақты өзбек бар еді, олар да осыған

қосылып кетіпті. Мен оларға шық деген жоқпын. Неге шығасыңдар? Жұмысты неге істемейсіңдер?», – деп ұрыстым дейді. Сонда олар: «Қазақтар жаппай шыққан соң қалай отырамыз, қызық көріп бізде шығып кеттік», – депті. Түнде біреудің аяғына тас тиген бе, жарақаттанып жүре алмай қалыпты, машинаға отырғызып қаланың шетіндегі үйге апарып тастадым дейді. Сонда күліп тұр да: «Мына өзбектерді біз шақырған жоқпыз, мен оларды жұмыс істеуге тастап кеткем, сөйтсем олар да қызығып, қазақтар шыққанда біз де қарап отыра алмаймыз», – деп шығып кетіпті. Меніңше, біздің биліктің сөздерінде көп айтылады ғой, Орталық Азиядан келгендер, бәлен-түген деп мысалға, арасында осындай өзбектер болуы мүмкін. Бірен-саран қырғыз да бар шығар. Өйткені Алматыда еңбек мигранттары көп қой. Сондай еңбек мигранттары араласып кеткен болуы мүмкін. Бірақ оларды саяси топ деп қарастыруға болмайды. Негізгі мәселе көпшілігі – қызық көріп еріп жүрген адамдар. Әуезов ауданының РОВД-ның есігін сындырып жатқанда: «Біреудің есігін сындырамыз деп жүрген жоқпыз мына жерде», – деп тұрғандар да көп болды. Халықтың қантөгіске, басқаға деген көңіл-күйі болған жоқ. Біз өз ой пікірімізді айтамыз деп, көшеге шыққанына мәз болып жүрген адамдар. Өте қарапайым адамдар болатын барлығы.

И: Сіздің ойыңызша ол жерде алматылықтар болды ма, қалай ойлайсыз? Әңгімелерден естідіңіз ғой, әлде басқа жақтан келген адамдар ма? Басқа облыстардан? Әлде жұмыс жасап жатқандар ма?

С: Сұрағыңызды түсіндім. Алматылықтар қатысқан жоқ, тек қана ауыл адамдары, маргинал топтар деген әңгімелер айтылып жатыр ғой. Бұл жерде былай. Ол жерде негізгі 99 пайызы қазақтар болды деп айтсаңыз болады. Ал қазақтар Алматыда да бар. Енді қараңыз, Алматының қай жағында көп қазақтар? Негізі Алматының «Шаңырақ», сосын жаңағы Әуезов ауданы, «Алатау» театры маңында жаңадан ашылған микро-райондар бар ғой, олардың бәрінде қазақтар тұрады. Менің білуімше, сондай ықшамаудандарда тұратын қазақтар, ауылдан жақында көшіп келген, енді үй алған, пәтер жалдап тұратын, яғни тұрмысы төмен отбасылардағы адамдар, оның ішінде, мен кейіннен сөйлестім, кәдімгі дүкені бар, жағдайы жақсы адамдар да бар. Мынадан байқасаңыз болады. Онда жүрген адамдардың астында тым жақсы джиптер болды, қымбат машиналар да болды. Қазақстанның туын көтеріп алып, «Алға, Қазақстан!», – деп айқайлап жүргендерді көрдім. Оларды тақыр кедей, дымы жоқ топтар ғана шығып жүр деуге болмайды. Негізгі мәселе саяси ұран болғаннан кейін, ол ұран бәрін қыздырды. Дәл сол бірінші

күні мен «сырттан келген, қосылып кеткен» дейтіндей адам көрген жоқпын. Қаланың төңірегіндегі ауылдардың адамдары, жастар келген болуы мүмкін. Естиді ғой барлығы. Талғар, Қаскелең Алматының шегінде жатқан ауылдар, олар Алматымен өте тығыз байланыста, сондықтар олардың тұрғындары келіп жатса, таңғалмаймын. Келсе келген шығар сол төңіректің бәрінен.

И: Қалай ойлайсыз, 5 қаңтар күні ұрандар қандай болды? Бейбіт пе, әлде саясиға ауысты ма?

С: Саяси және бейбіт ұран екеуі де болды. Жалпы менің байқауымша 5-і күні мемлекетті төңкеріп тастайық, құртайық, жояйық деген ұрандар айтылған жоқ. Ол мүмкін емес. Қарапайым адамдар ғой. Халықтық ішіне жиналған ашу-ызасы, кегі осы жерде көрінді. Олар барды да, өртеп тастады. Арасында қарулы топтар бар, қару таратқан деп айтып жатыр. Ондайлар болуы әбден мүмкін. Кез келген жерде криминал жүреді. Ол қалыпты нәрсе. Олар бәлкім қару-жарақ сататын дүкендерді басып алған шығар, бірақ мен осы уақытқа дейін сол қару-жарақ сататын дүкеннен атылан оқтан бәленбай полиция өлді дегенді естіген жоқпын. Бұндай адамдар, қару-жарақ таратып жатқан видеолар бар ғой, олар өте аз меніңше, өте сирек. Сондықтан, бейбіт халықтың қолында қару болды дегенге өз басым сенбеймін. Көпшілігінің қолында таяқ болды, тіптен полициядан тартып алған қалқан болды, каска болды. Полиция тастап қашып кеткен машиналарды мініп алды. Міне осындай нәрселерді көрдім. Қолдарында жаппай атады дейтін қару болған жоқ. Енді сол 5-і күні кешке, таңертеңгіні айттым ғой.

И: Ия, сіз сағат 13:00 айттыңыз.

С: Менің орныма жіберген әріптесім сағат 15:00 өте қайтып келді. Өйткені әкімдікті өртегеннен кейін халық Президент резиденциясына барған. Резиденцияның күзеті өте күшті болатын. Президенттің отыратын жері ғой, оларға қару бәрін беріп, дайындап қойған. Олар ештеңеден тайынбайтын.

И: Көргеніңізді айтыңызшы. Қанша болды? Нақтырақ, қанша әскер тұрды дегендей.

С: Нақтысын білмеймін. Оқиға кезінде журналистердің түсіріп жүргенін жастардың өздері де қаламайды. Өйткені камераға түсіріп жүреміз барлығын. Ондай кезде кім камераға түскісі келеді? Сол себепті журналистерді жақтырмайды. Менің орныма кеткен тілшіге кәдімгідей таяқ, дубинкамен келіп ұрамыз деп сес көрсетіпті. Сол кезде Президент резиденциясына барғанда сол жақтан әскер ата бастаған. Бұл жолы кәдімгі оқпен. Бірінші өлім сол жерде болды. Президенттің

резиденциясын қорғап тұрған әскер. Содан кейін осы әскердің қасында курсанттар болды. Алматыдағы әскери академияның қарусыз, қолында шоқпар да жоқ курсанттарын әкеліп әкімдіктің алдына қойып қойған ғой. Олар халық келгенде қашып кетті. Қашқанын көрдік, біздің офистің жанынан өткенде сөйлестік. 18-19 жастағы бозбала ғой барлығы. Көбі әкімдік ішіне тығылып өртеніп кете жаздады. Көрген шығарсыз видеосын?

И: Көрдік.

С: Олар әкімдіктің ішіне тығылған. Оларды бейбіт митингке шықтық деген адамдардың өздері барып шығарып әкетті. Бір тобы қашып кетті. Ал енді Президент резиденциясын қорғаған әскер халықты кәдімгідей атты. Көп адам сол жерде өлді. Бұл 5-і күні болған оқиға. Бірақ халықты атқанмен де, массаның психологиясы бар ғой, былайғы уақытта біреуді атып жатса, қашып кетесіз. Ал жаңағы мыңдаған адам жүрген кезде халық қашпайды. Массаның психологиясы басқа болады. Біреуі өліп жатса, екіншісі жүгіре береді. Мұнда атып жатқан кезде де халық тырағайлап қашып кеткен жоқ. Бәрібір күшпен басты ғой. Ең соңында атып-атып тарқатып қуды. Осымен 5-і күнгі оқиға бітеді.

И: Бейбіт оқиға 5 күні сағат қаншада бітті деп ойлайсыз?

С: Нақтысын айта алмаймын. Тілшіміз сағат 16:00 өте қайтып келді. Меніңше, күн бата бітті. Түнде де жалғасты. Атып жатты. Бірақ меніңше күн бата бітіп қойды. Военный машиналар көмекке келді, қуды, сонымен бітті. Менің топшылауымша кешкі сағат 20:00-21:00 қарай бәрі бітті.

И: Сіз сағат 13:00 кейін үйіңізге қайттыңыз ба әлде офиске бардыңыз ба?

С: Офиске келдім. Офисіміз алаңға жақын жерде, тарсылдаған-гүрсілдеген дауыстың бәрін естіп отырдық. Сосын қашып шыққан полицияларды көрдік. Олармен сөйлесіп, сұхбат алдық.

И: Сол күні интернет ажырап қалды ма? Тағы не бар есіңізде?

С: Интернетті алғашқы, 4-і күні кешке-ақ ажыратып тастаған. Бір жағын билік өздеріне қауіпсіз болу үшін жасаған шығар. Бірақ, халық ақпараттық вакуумде қалды. Менің үйімде телевизор да жоқ еді, интернетте жоқ, сондықтан Алматыдан басқа жерде не болып жатқанын естіген де, білген де жоқпын. Зерттеуіңізге керек болар, маған бұл қалада билік құлап қалған сияқты болып көрінді. Бірде-бір полиция жоқ, әскер жоқ, бірде-бір өкіметтің адамы жоқ, тек халықтың өзі қалды. Тек светофор істеп тұрды. Қалада жұмыс істеп тұрған светофор мен үйдің жылу жүйесі мен су ғана сияқты. Дүкеннің бәрі жабық. Қалада билік

қалған жоқ ол кезде. Билік кетіп қалды. Тағы бір оқиға 6-сы күні болған оқиға ғой.

И: Иә, айтыңыз. Енді 6-шы қаңтарды айтып жатсыз?

С: 6-қаңтарды айтайық. 5-і күні қаладағы бүкіл жанар май бекеттері жабылып қалды. Қала төңірегіндегі 40 шақырым қашықтыққа дейінгі ауылдардың да жанар май бекеттерін жауып тастады. Қалада бензин жоқ. Журналист болған соң жұмысқа шығуым керек, ақпарат тарату керек, бірақ бензинім аз қалды. Бір барып келуге ғана жетеді. Сол кезде қаланың орталық алаңына адамдар жиналып жатыр дегенді естіп, шыққалы тұрғанымда оппозициялық саясаткер Жасарал Қуанышәлиннің көмекшілері хабарласты. Ол кісімен қаланың шетінде кездесіп сұхбат алдым. Сұхбат YouTube-та тұр. Сонда ол кісіден: «Қаладағы билік кімде?», – деп сұраппын. Сонда ол кісі «Қаладағы билік қазір ешкімде емес», – деп жауап берді. Ол кезде қаладағы биліктің кімде екені шынымен түсініксіз боп қалған еді. Сонымен 6-сы күні Ж. Қуанышәлиннен сұхбат алдым да, Орталық Алаңға келдім кешкі сағат 16:00 кезінде. Алаңда 200-300-ге жуық жуық адам жүр екен. Қолында қару-жарағы жоқ, «Біз бейбіт митингке шыққанбыз!», «Біз билікпен келіссөзді талап етеміз», – деген сияқты плакат ұстап алған. Тамақ істеп, қазан көтеріп емін-еркін жүрген адамдарды көрдім. Жасарал Қуанышәлин сұқбатында «штаб құрдық» деген еді. «Штабқа 15 адам мүше болды, штабтың басшысы мен, штаб қаладағы әкімдікпен, басқалармен келіссөз жүргізуге дайын», – деген еді. Жасарал Қуанышәлин сұқбатында: «Таңертең 10:00-дың кезінде осы бейбіт митингке жиналып тұрғандарға әскер келді, бізге қарап тұрды. Сосын біз командирімен сөйлестік, бейбіт халық екендеріңізді, біз сіздерді атпаймыз. Егер сендер атсаңыздар біз қарап қалмаймыз», – деп айтты деген болатын. Түсіндіңіз ғой, да? Сөйтіп, халықтың қолында қару-жарақ жоқ екенін көріп әскер кетіп қалған. Неге кеткенін білмеймін. Сағат 18:00 кезінде мен алаңдағы адамдармен сөйлестім, сұхбаттастым. Сонда халықтың өзі: «бейбіт митингке жиналдық», – деп тұрды. Мен сағат 18:00-ден өте қайттым. Тура 18:00 кезінде Тәуелсіздік ескерткіші тұрған Алаңдағы бағаналардың жарығын қосты. Егер әкімдікке керек болмаса, ол светті жақпайтын еді. Светті жарқыратып қойды самаладай қылып, жап-жарық жерде 200-300 адам тұр. Сосын біреу: «Мына жерге әскер, армия келе жатыр, атуы мүмкін», – деді. Мен сұхбатымды алғам, жұмысымды бітіргем, үйге қайтайын дедім де, машинаға міндім де кетіп қалдым. Мен кеткеннен кейін шамамен жарты сағаттан кейін сол жерде тұрған бейбіт адамдарды атып тастады. Осы детальға мен

өте қатты мән бердім, өйткені дәл солай тұрғандарды, үлкен плакат ұстап алған. Әлеуметтік желіде суреті жүр ғой. «Атпаңдар! Біз террорист емеспіз», – деген. 50-60 адам бір үлкен плакат ұстап тұрады. Міне соларды әскер атып тастаған. Сол жерде болған адамдармен ертесіне тағы сөйлестік. Бұл мәселені әлі зерттеу керек. Осы күні атқандарды бөлек қарастыру керек. Бұл бөлек эпизод. Әкімдік және резиденцияны өртеп жатқан кезде оқ атқанына, бәлкім түсіністікпен қарауға болатын шығар. Ақтай салатын. Бірақ ертеңіне бейбіт адамдарды барып атып тастау деген, сұмдық қой. Ешқандай моральға сыйғызу мүмкін емес.

И: Қалай ойлайсыз, біздің қалаға қандай зиян келді? Қала үшін ең үлкен шығын не деп ойлайсыз?

С: Өткенде біреу жазыпты. «Жақсы, солардың тонап кеткені бәрін қосқанда 1 миллион доллар шығар, мүмкін 2 миллион доллардың заты шығар. Бірақ сендер, билік Қазақстаннан қанша миллиард ақша ұрлағандарыңды білеміз ғой. Сендердің 30 жыл бойы ұрлап келгендерінің қасында мынау түк емес», – деп жазыпты. Негізінде осы ойға көп адам қосылады. Әрине түсінем бұлай жалпылап айтуға болмайды, кәсіпкерлер бар, әркімнің жеке тартатын шығындары бар, қалада дүкендер тоналды, өртелді. Мен олардың нақты санының қанша екенін білмеймін, бірақ бір детальға назар аударайық. Мен 6-сы күні де 7-і күні таңертең де, түсте де араладым. Әсіресе 7-і күні түгел аралап шықтық қаланы. Сонда өртенген жерлер бар әрине, «Sulprak» сияқтыларды ішін тонап кеткен. Бірақ сол кезде әлі «Sulprak»-тың есігі жабық тұр, тіпті біреулері ашық тұр, жұрттар әлі кіріп шығып жатыр. Сол кезде Тоқаев кәсіпкерлерге қанша шығын келгенін айтып қойды. Анау 80 миллиард теңге, мынау бірдеңе миллиард теңге деп айтып жатыр. Ол кәсіпкерлердің шығынын қай уақытта есептеп қойғанына таң қалдым. Өйткені, оның есеп-қисабын жүргізетіндей жағдай болған жоқ ол кезде. Бұл біріншіден. Екіншіден, жақсы сіз кәсіпкерсіз. Сіздің «Sulprak» деген дүкеніңіз бар. Сіз айтасыз, менің 10 млрд теңгеге затымды ұрлап кетті деп. Бірақ мен барып көруім керек қой, 10 млрд теңгенің заты мына жерде бар ма, жоқ па дегендей, тексеруім керек қой. Мұндай нәрсе болған жоқ. Сондықтан мұндайда мародерлер емес, кәсіпкерлердің де өздері пайдаланды, шындап келгенде. Кім санап жатыр оны. 10 млрд. теңгенің заты өртеніп кетті деп айтады, шындығында 5 млрд. теңгенің заты болуы мүмкін. Ресми статистикаға сенбеймін.

И: 7-і күні сіз полицияны көрген жоқсыз ба?

С: 7-і күні түстен кейін сағат 15:00 кезінде бірінші рет полицияны көрдім. Онда да Қалқаман жақта 4 машина ма 5 машина ма полиция

бірге жүреді екен. Бәрінің қолында автомат және жақындасаң атамыз деп тұрады. Бұлар 1 немесе 2 машина полиция болып жүрмейді. Тек қана 4-5 машина болып жүреді.

И: Ішінде сонда қанша полиция?

С: Негізі шындап келгенде ол жерде қорқынышты, үрейлі нәрсе болған жоқ. Полиция 1-2 машина болып жүрсе де халық тиіспейтін еді. Бірақ өздері өте қатты қорықты. Білмеймін не себепті олай болғанын.

И: Бұл бейбіт шеру болды ма? Тағы да не қосасыз?

С: Өлген адамның саны 224 ресми деректе. Бірақ билік сол 224 ішінде тек қана полиция қызметкерлерін ғана айтты. Олар бас аяғын қосқанда 15 па 16 ма адам. Олардың аты жөнін айтты, сүйтті де бүгін қаралы күн деп жариялады. Қараңыз, тек қана полиция адам да қарапайым адамдар адам емес па сонда? Олардың ішінде қаншама жазықсыз кеткендер бар. Жақсы, ішінде террорист бар делік, олардың 20-сы өліп қалды дейік. Ал қалған 200 адам ше? Оларды анықтамаймыз ба сонда? Бұлар осыны әлі күнге айтқан жоқ. Бірақ соған қарамай, 16 полицияның құрметіне азалы күн деп бір күнді жариялап қойды. Сөйтіп жұрттар қаралы күн деп бір күнді ескерді ғой. Бірақ қоғамды бұлай бөлуге болмайды. Екінші, мен қаңтардың 12-сінде Талдықорғанға бардым. Талдықорғанда да дәл осындай оқиға болды. Назарбаевтың ескірткішін құлатты. Содан кейін не болғанын көру үшін бардым. Үш жағдайды айтайын сізге. Террористтер атып тастады деген әңгімеге байланысты. Бейбіт адамдар оқиға болған кезде. Талдықорғанда 4-нен 5-не қараған (қаңтар) кезде болған оқиға. Одан кейін 7-де бір отбасыны түгел атып тастаған. Әйелі, күйеуі, 15 жасар қызы кетіп бара жатқан машинаны артынан атқан. Мен атқан жеріне дейін барып көрдім. Бәрін көріп, менің сюжетім бар «Талдықорғанда не болды деген?». Қарасаңыз «Азаттықтың» сайтында тұр. Миллион адам көрген соны. Сол жерде бәрі баяндалып тұр, ашсаңыз өте түсінікті болады.

И: Рахмет Сізге!

ИНТЕРВЬЮ №2, ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИСТ А.

Интервьюер: Спасибо, что откликнулись на нашу инициативу, мы хотим воссоздать хронологию январских событий. Так вот, если бы одним словом или одним предложением, как бы вы назвали эти январские события?

Респондент: Это национальная трагедия. Вы, наверное, читали, «Восстание масс». А здесь было на самом деле. Большая часть собравшихся, конечно, не была уж радикально политизирована. Реально процесс начался в Алматы после того, как 2-го числа в Жанаозене люди вышли, нефтяники. Потом вышли 3-го к 12 часам на Площадь Республики, ее оцепили. Вначале никого не пускали, но потом человек 30–40 активистов прошли.

И: Т.е., жанаозенские события были тем самым началом, после которого...

Р: Да, абсолютно! Тут ни убавить, ни прибавить. Реально рано или поздно должно было что-то такое случиться. Никогда никто не знает, можно сотни книг прочитать, все время анализировать и прогнозировать, но никто не может сказать, что послужит последним толчком к возникновению драматических событий, массовой мобилизации людей. В таких исторических обстоятельствах прогнозов невозможно сделать. Вот арабская революция, как она началась, когда экспрессивная женщина-полицейский ударила парня, пощечину дала, он пошел на самосожжение и 100 миллионов с лишним арабов поднялись, смели несколько режимов. Это невозможно было предсказать. Но здесь у нас, кстати, было ощущение, что что-то назревает.

И: Было предчувствие, да?

Р: 4-го Актау вышел, и тогда у нас уже после обеда, к 15-16 часам стали призывать алматинцев выходить на «Алматы Арена». Почему не в центр стали призывать? Потому что, в центре, полиция всегда перекрывает за 2 квартала вниз от Площади, вверх, сбоку, и слева, и справа, ни с какой стороны не пройдешь. Но они не думали, что на окраину города соберутся. К 6 часам вечера туда пришли человек 400, полиция уже подтянулась с СОБРовцами, и на той стороне человек 200, их не пускали через улицу, в сторону «Алматы Арена». Организаторы все время говорили: «это мирный митинг», «давайте будем аккуратны» и даже «не бросайте окурки».

А полиция и СОБРовцы, неожиданно, минут через 30 после начала митинга, напали, стали избивать, ударили по голове Жанболата Мамайя, за ноги, за руки утащили в машину. Еще двоих избили, отняли и разбили рупор. В общем, нескольких активистов забрали, народ грубо рассеяли. Но через

час-полтора люди снова собрались, тысячи 2–3, возле «Алматы Арена», огромная толпа и пошли по Момышулы. И пешком шли часа, наверное, два-три по Момышулы, потом по Саина, по Абая и до Площади.

И: Во сколько примерно это по Вашим оценкам было? Во сколько часов?

Р: Я думаю, часа два-три мы наверняка шли, а может быть, чуть меньше, потому что народ очень быстрым ходом шел.

И: В 10 или в 11 вечера на Площади?

Р: Я думаю, где-то в 11. Просто не думаешь об этом, где-то к 23 часам мы подошли уже к Площади. Народ шел, это удивительное было вообще ощущение, единение людей, призывы, люди шли, пели гимн и «Шал, кет!» кричали, никакого хулиганства. Я там даже одного парня увидел, который возможно у какого-то полицейского, который сбоку стоял, выхватил дубинку и убежал. А я заметив это, это как раз на Абая, не доходя до Масанчи. Я сказал: «балам, иди сюда. Брось эту палку, везде камеры стоят, сейчас тебя зафиксируют, это кончится, они тебя потом найдут привлекут к уголовной ответственности, скажут, что ты избил полицейского и палку отнял». Он очухался, бросил палку и убежал. Потом еще один случай был: коммунальные службы машину оставили, главное – открытой оставили почему-то, ее не заперли. Ребята залезли, стали пытаться завести, потом отстали, оставили машину и пошли. Это 4-го вечер. Вообще удивительное состояние, никакого хулиганства я не заметил. Толпа от Саина по Абая растянулась, тысяч 20, я впервые видел, что столько народа идет так дисциплинированно, и порыв такой эмоциональный, аура от всех идет, это просто удивительно было. И мы где-то в 11 пришли на Площадь.

И: Ну, вот у меня один такой момент: а то, что это ночью было, Вы ни о чем таком не думали? Что это поздняя ночь?

Р: Нет, ну, а что такого? Ну народ вышел, ночь, день, в таком состоянии это никакой роли не играет, когда 20-30 тысяч человек идет, это такой душевный подъем, люди не рассуждают в рациональных категориях «ах, это день, ночь».

И: А какие основные лозунги? Вот что-то говорили?

Р: Нет, все время кричали: «Шал, кет!» и вроде бы пару раз «Үкімет отставкаға кетсін!». Никаких призывов к городским властям, никаких призывов к отставке Токаева не было. Может быть, где-то, где я не слышал, и было, но я достаточно быстро шел.

И: А в тот момент еще не было отставки Правительства, да?

Р: Нет, в тот момент, когда мы шли, еще не было. В общем, где-то в 11 мы пошли до Площади, народ, толпа ходит непосредственно перед монументом,

чуть хаотично. Очень было много людей в тот день, и молодых, и среднего возраста, очень много было в тот день алматинцев. Пока мы шли, я встретил людей, которые уже успели подъехать с Иссыка, с Чунджи, с Талгара и других близлежащих населенных пунктов. Но в основном были городские жители, по виду, по разговору. Вдруг я смотрю, что часть людей побежала, часть людей двигается, молодежь бежит к зданию акимата, я стоящим рядом ребятам говорю: «это к добру не приведет». Ну, я скажу – там говорили только по-казахски, по-русски никто не говорит, когда ко мне подходили и по-русски немножко говорили, но в основном абсолютно казахоязычные. Даже те, кто может быть не очень хорошо казахским владел, некоторая часть городских жителей. А были такие, они старались говорить по-казахски, потому что понимали, что вокруг совершенно не принимают, если ты не говоришь по-казахски. Кто-то там если начинает говорить, на третьем предложении, сразу говорят: «қазақша сөйле!», таково на сегодня состояние массового сознания и ничего ты с этим не сделаешь. Я стал с этими людьми двигаться, быстрым шагом подниматься туда, к зданию акимата. И когда мы дошли до середины, купола эти преодолели, потом следующие ступеньки, стало видно, человек 40 стояли СОБРовцев с белыми щитами. И когда я стал приближаться, уже оставалось метров 20–30, там же 2–3 ступеньки и площадка, и вдруг эти СОБРовцы, как по команде, исчезают мгновенно. Стояли, стояли, и тут исчезли, пока мы дошли – никого нет. Я смотрю, несколько молодых людей, они пытаются ворваться через наружную дверь и пройдя ее, между внутренними и внешними дверями входа начинают бить по внутренним дверям. Я забегаю, двоих-троих молодых ребят хватаю за рукава куртки и назад оттягиваю, «балам, здесь темно, аким со страху убежал, ты кого хочешь искать?». Они вроде прислушались, перестали бить и отошли назад, за наружную дверь. Парень один мне говорит: «аға, сейчас еще не так, через 2–3 часа они взведенные будут, по голове арматурой ударят, снесут вас, больше не говорите так». Я говорю: «Ладно, давай присоединимся к основной массе». И мы с ним стали спускаться. Уже никто ничего не слышит, там видят полицейских со стороны Фурманова, машины легковые, сзади СОБР. Люди говорят: «Кто-нибудь из власти придет?». Сейчас я думаю, ну, ничего такого страшного нет, если бы в тот вечер Сагинтаев бы вышел и сказал: «Давайте, так, какие ваши требования? Вот я слышу «Правительство в отставку!», «Шал, кет!», я их все запишу, позвоню Токаеву, или он комиссию пришлет или через меня скажет, какие условия принимать». С вероятностью 80%, что эти люди стояли бы и ничего не стали бы делать предосудительного. Но кому можно было тогда звонить? У меня ничьих телефонов нет. Тем более дроны летают, камеры в высотных зданиях снимают прямо в режиме реаль-

ного времени, они прекрасно знали, кто там ходит. И вдруг эти полицейские начинают светошумовые гранаты бросать.

И: Со стороны, получается, Фурманова?

Р: Со стороны Фурманова на Сагпаева, это огромная Площадь, с этой стороны она открытая, они хитро сделали, чтобы двинулась туда часть из них.

И: По Мира, да, по Желтоксан?

Р: Да, чтобы часть по Желтоксан спустилась, часть по Сейфуллина, с их стороны это было продумано.

И: То есть, выдавливали с Площади?

Р: Выдавливали, чтобы эти люди, наверное, не поднялись в сторону Резиденции, они перекрыли эту часть. И вдруг стали бросать слезоточивый газ, тут заволокло, я почти до последнего терпел, но уже стал задыхаться. Огромное количество людей по Желтоксан вниз пошли, на Абая, тысяч 5–6 пошли на Сейфуллина по Сагпаева, часть из них, часть людей поднялись по Сейфуллина вверх, остальные либо дальше пошли, либо по Сейфуллина вниз стали спускаться.

И: Извиняюсь, это уже сколько время? 2–3 часа ночи?

Р: Скорее всего так. Мы на перекрестке стояли минут 30–40 на углу Сейфуллина/Сагпаева. Какая-то группа стала со стройки тащить железяки, стройматериалы и конструкции, наверное для того, чтобы соорудить баррикады. Я говорю: «Не стройте баррикады, против танков и бронетранспортеров это не поможет, это не нужно делать». Вдруг появляется, там, где проезд, мостик на Тимирязева/Сейфуллина, оттуда человек 150, наверное, СОБРовцы появляются в белых щитках и начинают слезоточивые гранаты бросать. И пытаются нападать. Люди стали расходиться. По Тимирязева мы начали в сторону «Выставки» двигаться, другие пошли вниз. Я часов в 5 дома был. 5-го днем, к обеду, мы снова вернулись.

И: Что говорит Ваша семья, жена? Ночью Вы пришли, не беспокоились? Не звонили? У Вас была связь?

Р: Нет, там не до связи было. Естественно, я не могу сказать, что она испытывает по этому поводу восторг, но она так с пониманием относится, что меня уже не исправить. То, что я такой, она с молодости знает. В общем, к обеду снова пришли на Площадь. И когда мы пришли, там аудитория несколько иная.

И: Это 5 января к 12:00-13:00?

Р: Где-то к часу мы пришли 5-го. Уже аудитория другая, около монумента полно народу, и даже визуально, и по общению, и по тому, как говорят, как ведут себя. Пожар еще не начался, это я думаю, в 2, около 3 часов. Поднимаемся, и вдруг откуда-то, видимо, с подвала, где технический персонал акиматов-

ский сидит, принесли такой небольшой стол. Притнесли для выступающих. Вдруг рядом со мной один взбирается. Какой-то еще, третий не дает речь произнести. И в это время смотрю, 5–6 человек Жанболата вниз уволокли, и начинают избивать.

И: Но это не полиция?

Р: Нет. В гражданском все. Начинают избивать. Какие-то журналисты, ну в метрах 7–8, в общем кажется несколько журналистов или блогеров видели, как Жанболата Мамай повалили, жестоко избивали ногами, руками, голову разбили. Но, слава Богу, его спасли. Кто-то пытается дозвониться до «Скорой помощи», «Скорая помощь» не отвечает, его смогли вытащить и повезли домой. Вот такие обстоятельства были.

И: Вот когда Вы говорите, что они выглядели по-другому, люди, которые 5-го числа, а что именно не так? Это же все равно молодые люди.

Р: Нет, это не объяснишь, потому что 4-го это было темно, многие на одно лицо, и казалось, что не было такой агрессии. А на второй день к обеду, когда я на Площадь пришел, они все были настроены настолько жестко, никого не слушали.

И: А как Вы думаете, кто напали на акимат 5-го числа, Вы их не видели? Кто это?

Р: Нет, я не видел момент поджога. Один мужчина рассказал, что к нему подошла группа людей, сунули в руки автомат: «держи, – говорят, – сейчас пойдем брать все, мы им покажем!». Он сказал: «слушайте, мне автомат не нужен, я вообще не собираюсь ни с кем перестрелку вести». «А, шал! Ну отдавай сюда автомат!», – забрали и убежали. Это уже было около 4 часов. То есть, где-то около 15:00 уже перелом наступил. 5-го числа значительная часть людей уже заведенные, она практически никого не слышала и не слушала.

И: А 5-го, что примерно можно было сказать или сделать, чтобы...

Р: Уже 4-го вечером народ взвинчен. Началась психологическая самовозгонка, а 5-го уже была внешняя возгонка эмоционально-психологического состояния. Там очень много было молодежи, они из обездоленных семей, потом же в социальных сетях появилось, очень характерно один парень интервью дает, то ли «Азаттык» или кому-то из блогеров говорит: я практически в бедности и нищете жил, мой отец так жил, вот мой отец, нас в семье 5 или 6 детей, он на 2-3 работах, 1 работа у него была вахтовая, он выезжал, а когда приезжал и зарплату привозил, уже с соседних магазинов хозяева караулили его, говорили: «верни наши деньги». Он им возвращал, мы практически без денег оставались. И так годами. Я вот вырос, мне сейчас 26 лет,

и я сейчас в такой бедности живу, у меня уже свои дети. И я, что всю оставшуюся жизнь так буду? Это характерные слова. И порядка 80-90% людей, которые вышли, были такими. Почему быстро собрались, мобилизовались у «Алматы Арена»? Там основном живут материально нуждающиеся, люди там проживающие, это 70% арендующие, там много социального жилья, и все, кто с Туркестанской области, с Жамбылской и других близлежащих областей приехали, а они все вот в этих домах живут. А так как они до этого 2 дня жанаозенцев слушают и видят, что жанаозенцы выстояли, им цены снизили, Правительство в отставку почти посылают, им готовы на уступки идти. И люди поняли, это момент, это как вирус, как такой эмоциональный подъем, это когда люди шкурой чувствуют, что власть готова на уступки. Это странное ощущение, что ты можешь что-то – тысячами людьми мгновенно овладело. Так как они все время недовольными ходят, потому что, когда ты с утра и до вечера работаешь, и у тебя все время не хватает денег, ты в нужде, это создает другую психологию. А власть, она ничего не чувствовала.

И: Вот у меня такой вопрос, если сделать заключение: какие уроки, результаты, последствия? Ну, вот сейчас отремонтируют акимат, все залакируют...

Р: А, давайте такой аналогией закончим. 30 лет Назарбаев сидел, а его власть меньше чем за 30 часов развалили. И вот власть пала, полная анархия. Даже Дикого Армана притащили на Площадь. Но там же прогнали их всех, и Дикого Армана, когда он стал «топить» за власть с этим депутатом городского маслихата, кажется, Кудайбергеновым. Они вдвоем пришли и стали «топить» за власть, митингующие его изгнали этого Дикого Армана.

И: Понятно. А вот 6-го числа у Вас есть воспоминания, что было?

Р: Я так скажу: 6-го я не был. 6-го, конечно, вышли в основном простодушные люди, они же и пострадали. Эти люди наивно верили, что, если с белыми плакатами будут выходить: «Мы – не террористы!», то их не будут безжалостно «мочить». На самом деле сейчас трудно сказать, чтобы эту толпу 6-го остановить – надо быть очень харизматичным и абсолютно, я бы сказал так, авторитетным, бесстрашным.

И: У меня вот, все-таки, по поводу уроков и результатов вопрос, потому что все так быстро забывается. И получается, в чем урок был для нас? Для Алматы? Мы про Алматы пишем. Как вам кажется, из всего того, что мы пережили.

Р: Нет, это совсем другое, это политическая констатация, а мы договорились о том, что я рассказываю хронологию. Остальное, это через некоторое время, если решите дать такую глубинную социологическую и политическую оценку событий – это другой вопрос, мы к нему вернемся, но не сейчас. Мы

только о хронологии говорим, но основную канву я рассказал. Все обстояло именно так, потому что я непосредственный очевидец и участник того, что делали 2-го, 3-го, 4-го, 5-го.

И: А не знаете, кто был 4-го числа на Восточке, «Халык Арене»?

Р: Там группы разные, я о них и об их подвигах и многом не знаю, кто это был, собирался, я не знаю. Групп было много, это надо все находить, потому что подтягивались, многие не знали где надо концентрироваться. Часть, конечно, из тех, кто здесь в центре был и кто не дошел, пошли даже в аэропорт, люди, которых к 23 часам выпустили из СИЗО на улице Лобачевского, некоторых активистов, они по недомыслию своему ринулись в аэропорт.

И: Это 4-го вечером?

Р: 4-го вечером ринулись в аэропорт. И в разных местах, мне рассказывают, там около парка Первого президента. Ну что это за место, у Парка Первого Президента?

И: А вот этот маршрут, куда идти, как идти, он был стихийный или...?

Р: Стихийный. Потому что другого маршрута же нет. Как до центра добраться?

И: Ну не по Абая, а по Толе би?

Р: Нет, мы по Абая шли. Ну, небольшая часть могла отклоняться, но народ шел, это широкая улица Момышулы, и потом у людей срабатывает бессознательное. Момышулы – это звучит! Момышулы для казахов – главный герой после подвигов Абылай хана, последнего хана Кенесары и лидеров Алаш-Орды. Поэтому Момышулы, это нечто почти сакральное, и когда по этой улице идешь, это совсем другое ощущение. А чтобы на Абая выйти – нужно по Саина пройти. Это сакральные имена, поэтому даже в этом есть глубинный смысл. Если для социолога и для психолога, это интересный фактор, а почему именно так шли.

И: То есть, не было какого-то повода весомого?

Р: Нет, это интуитиво. Мы там не договаривались: «а вот давайте именно так», потому что иногда толпа идет, и те, кто впереди, ими руководило подсознательное чувство, что Момышулы, это ты идешь по нечто такому, что связано с мужеством. Этот человек, как синоним мужества, и ты идешь. Сейчас вот тех, кто в первых рядах шел, спроси – он не сможет тебе это объяснить, как я поясняю. Потому что я это могу сейчас препарировать, а они тогда свои ощущения не могли.

И: И вот последний короткий вопрос по поводу машин, которые сжигали. Это уже было 5-е число?

Р: 5-е число. 4-го, вот пока мы 3 часа шли по Момышулы, по Абая, ни одной

сгоревшей, ни одной разбитой машины не было. Я допускаю сценарий полиции и тех, кто задумывал это, что даже 4-го пару-тройку машин они где-то там могли поджечь. Но у 99%, которые там шли, у них в тот день таких помыслов не было. Не исключаю, что на редких хулиганствующих могли нарваться, но у тех, кого я видел и с кем разговаривал, это совсем молодые ребята участвовали, ни у кого не было таких мыслей, у них в руках я не видел дубин или арматур в тот вечер. Вот их главный лозунг был – «Шал, кет!», даже не отставка правительства, ничего, у всех мощнейший призыв и духовно объединяющий, национальный дух поднимающий, это гимн казахский наш, это как народная песня. Это призыв, который был у всех на устах, и на рациональном, и на иррациональном, подсознательном уровне.

И: Хорошо. Огромное спасибо!

ИНТЕРВЬЮ №3, ЭКС-СОТРУДНИК ГОРОДСКОГО АКИМАТА

И: Вот как бы Вы назвали эти события? Что это на самом деле было?

Р: В моем понимании, это была борьба за власть. События в Алматы были плацдармом, фронтом, где именно шла борьба. И ритмика, логика этой борьбы, она зависела от того, что происходило в столице, поэтому и разная динамика в Алматы была, она шла по нарастающей. То есть, это ни в коей мере не мирный протест, а что-то такое организованное. Более того, я думаю, это невероятно технологически грамотно спланированный сценарий борьбы за власть. Мы, как специалисты, понимаем сценарии борьбы за власть, в том числе «оранжевый», мы знаем, что такое «гибридные войны». Это уникальная, я думаю, разработанная для Казахстана, технология борьбы за власть и сужение конституционной власти, через дестабилизацию и через показ, что крупнейшие ресурсные, «людские» регионы под контролем, против и т. д. Примерно вот так. Но это не мирный протест.

И: Скажем так, некие общественно-партийные структуры в этом деле в Алматы участвовали, они призвали на митинг 4 числа к «Алматы Арена». Но основная причина – это события в Жанаозене, они спровоцировали?

Р: Тот, кто стоял за ширмой и двигал фигурами типа Мамаев? Что он якобы жертва репрессий и т.д. Нет? Давайте посмотрим, что произошло. Действительно волнения начались в Жанаозене, по-моему, это было 2 января, сразу после Нового года. Рост цен, народ вышел и, несмотря на праздники, Рождество Христово, каникулы, праздничное настроение, по всей стране начинают подниматься в поддержку Жанаозена, даже на севере русскоязычное, неказахское население. И в Алматы мы знаем ситуацию, в принципе мы были на связи, в контакте со всеми ключевыми игроками, в том числе, с протестно-настроенными. Мы понимали, что их беспокоит. Но Мамаев и 3-го, и 4-го выступает, призывает поддержать Жанаозен, как протесты, это первая фаза была этого сценария, этой технологии.

И: Все-таки Жанаозен – это как случайный триггер? То есть, получается, что кто-то ждал повода?

Р: Если сложить различные точки зрения в одну цепь, то мы можем сказать, что во всех регионах призывали по одной схеме. На окраине, «Алматы Арена», а почему на «Алматы Арена»? Потому что там рядом базар, много маргинальных, оттуда же основной костяк пришел.

Может, там какая-то часть и была вначале, а потом же процесс вышел из-под контроля, там было очевидно, что это не мирные граждане.

И: Кстати, вопрос вот такой: может ли, по-Вашему, любая партия, имею в виду, из сейчас незарегистрированных, в какой-то момент даже с помощью сетевых инструментов, каких-то рассылок собрать такую массу людей?

Р: Не может. Потому что по нашим ощущениям, в Алматы-то вышли не алмаатинцы, даже не алматинская молодежь, это вышли маргиналы неожиданно оказавшиеся, а если еще не привезенные с Кызылорды, с Жамбыла, с Алматинской области. Организованно привезенные. Откуда там эта молодежь оказалась, которую вообще никто не знает? Мы же направляли наших переговорщиков: они вообще не знали, с кем идти и разговаривать. Те, кто в Алматы известен, их никто там не было, никого не могли найти.

И: Ну хорошо, все-таки, Жанаозен, это удачный повод, который кто-то использовал и натянул на всю страну?

Р: Я думаю, что Жанаозен может и был одним из поводов, но если бы повод был другой, то он бы сработал по этой же технологии.

И: Но вот, все-таки, для Вас, как для специалиста, вот этот размах, он казался возможным, условно говоря, 4-го числа? Вы могли предвидеть, что 5-го опять вернуться на Площадь и будет все уже абсолютно не конструктивно?

Р: Вот 4-го числа, для меня это началось где-то примерно к 6 вечера. Начался сбор в 4, после 6-7 началось движение. К 12 ночи 4-го они дошли до Площади. У нас экстренное заседание штаба.

И: Вы все еще были в здании акимата?

Р: Нет. Мы поехали в Департамент полиции. Я был в Департаменте полиции где-то в 23.30 ночи. Ситуация в городе была относительно стабильная, если бы это были бы горожане, то масштаб бы был гораздо больше, и он не был бы так однородно маргинальным, молодые лица одного возраста, примерно в одинаковой одежде, я думаю, что это подготовленные, завезенные люди.

И: Вы их видели, да?

Р: Да, видел. 4-го. Я все-таки думал, что там была молодежь, вот которая недопоняла, а потом такая консолидация произошла, настроенная на жесткость, на погромы.

И: А вот вы сказали, что если бы это были настоящие алматинцы, то бы...?

Р: Это было бы, во-первых, многолюднее и там не было бы такой

агрессии, это их родной город, зачем его уничтожать? И потом у алматинцев культура-то другая, все равно культура мирного диалога там есть, сами знаете же.

И: 4-го числа была часть людей, которые услышали, что сбор будет возле Парка Первого Президента, кто-то собирался на Восточной объездной дороге, кто-то на «Алматы Арена»...

Р: Нет, у нас сигнал был один – «Алматы Арена».

И: Почему вот эти разные точки появились, не знаете?

Р: «Алматы Арена», я думаю, удобна, потому что там въездные ворота и «Алтын Орда». Восточная объездная – это точка сбора других, со стороны Талгара и вот этих трасс. Понимаете, да? То есть, все четко продумано, это въездные ворота в город, так что это подтверждает версию, что это подвозимые люди.

И: Согласна. Хотя если мы сравним рассказы разных людей – кто-то шел по Абая, кто-то шел по Толе би, кто-то разгромил «ЦУМ»...

Р: Они еще по Райымбека шли.

И: Но 4-го числа, по-моему, шли по Абая?

Р: Я там деталей не знаю, но вот основные маршруты были: Райымбека, Толе би, и они доходили до центра, потому что вверх до Площади.

И: Теперь, вот сами события, с какого момента вы их начали воспринимать уже как что-то неподконтрольное, я не знаю, какое-то стихийное?

Р: Примерно к 10 вечера 4-го числа вышли из-под контроля окончательно.

И: В тот же день? Почему?

Р: Первые признаки, что это не классический протест, вы знаете эти митинги в Алматы, мы всегда выходили. По алгоритму отработывали «Алматы Арена». Там лица – незнакомые для акимата, неслышащие. Стандартный алгоритм же, но они чуть не избили акима района, начальника Управления внутренней политики города.

И: Эти люди выходили, да?

Р: Да, они выходили.

И: Плохое информационное освещение, мы не знали этого.

Р: Там алгоритм. И потом, когда прокуратура вышла, полиция – они раз этот кордон смели. Начальник Управления внутренней политики может рассказать, он же там был. А когда они смели – это 500 человек, которые с «Алтын Орды» пришли, 500 человек вооруженных, уже было ясно, что это бесконтрольно. Потом есть где-то материал по анализу мобильного трафика, и вот мобильный трафик показывает – они все двигались вот так в центр, они двигались очень четко, это же

мобильный сигнал – точки эти, они все там есть. Почему я говорю, что это не алматинцы среди них, потому что там было очень много из других областей, зарегистрированных в других областях.

И: Номера?

Р: Да. Мобильный трафик же показывает, кто, откуда. Когда погромы были, они были по центру просто рассредоточены. То есть, вот основная группа «Алматы Арена», большие группы были там и там, но они же все синхронно двигались туда, это же говорит о том, что координация была. Теперь смотрите, когда пошел сигнал «погромы», то в масштабах города, в разных частях города одновременно начались погромы, хотя эти группы, ну город-то огромный. Т. е. координация была. Почему они именно в этот момент пошли грабить?

И: Ну то есть, по Вашему представлению, вообще не было никакого момента, который можно было бы назвать выступление «стихийной народной массы»?

Р: Нет.

И: Было сразу все заготовкой?

Р: Да. Народ в какой-то момент поддержал Жанаозен, вот связано было с этим, с Мамаем. А потом и Мамай перестал свою роль играть, они его просто вышвырнули и все, в этот момент мы поняли, что-то не то. Потом они пошли агрессивно туда, мы не ожидали, что мирный протест и будет захвачен акимат, не ожидали. Допустим, 4-го ночью, когда отбили атаку, акимат же вернули...

И: Все разошлись по домам, в принципе казалось все спокойно?

Р: Да, все разошлись, все под контролем. Но в 5 утра мы из полиции вернулись в акимат, я там спал даже у себя. В 9 утра заседание штаба, ну, не буду восстанавливать прямо так, а по факту, начали работу. И потом мне сказали, что утром начался сбор в 3-х точках.

И: 5-го числа уже?

Р: 5-го числа уже они двинулись тремя «языками» на акимат.

И: Я спрашивала у многих, а что вам дался-то акимат? Акимат, это же не Ак Орда, почему именно туда? И, честно сказать, такого точного ответа я не получила.

Р: Я мнение могу свое сказать. Я так понимаю, что ситуация и сценарий развития в Алматы зависел оттого, что происходит в столице. Вот это разные вещи, но...

И: Географически разные.

Р: Географически разные вещи. Вот 4-го в Алматы сбор людей начали, вот типа начинается дестабилизация, началось движение в центр

города. Для того чтобы показать, что власть атакуется, власть теряется – надо работать на символы, и в этом плане захват, атака именно акимата, это был самый главный механизм давления и показа, что ты теряешь контроль над ситуацией.

И: Показать тем, кто в Астане?

Р: И всем. И народу тоже. Как ты покажешь, что власть в городе у тебя в руках? Через символические вещи.

И: А не проще ли было захватить «Казмедиа» в Астане и оттуда вещать?

Р: А вот у меня вопрос: если это спонтанное, стихийное народное выступление, почему на западе не было волнений и погромов, известного своей нетерпимостью, воинственностью и т. д.? Почему не было погромов и насилия, такого как в Алматы, в северных областях по всей «горькой линии»? Почему Туркестан не тронули? Почему столица оказалась нетронутой?

И: Ну практически нетронутой. Не знаю, я ответ себе тоже не могу найти.

Р: А я могу сказать как внешний эксперт. Я над этим думал долго, в те дни я не понимал, потому что мы же не знали, что в стране происходит, мы не знали, я не знал, мы же были в изоляции определенной. Ложь, что акимы вышли и успокоили, это наивно.

И: Вот такая картинка была.

Р: Это наивно. Потому что на западе находятся американские ТНК, инвесторы. Если бы народные волнения были бы, то другой вопрос, если в результате этого переворота, якобы дестабилизации власти, пришла бы новая власть. Но было бы известно, что это они спровоцировали, что из-за них дестабилизация, то американцы и Запад никогда бы не признал новую власть, также?

И: Ну да.

Р: Потом американцы ввели бы войска, если была бы угроза их гражданам и собственности. Это первое. С другой стороны, стоит вопрос признания со стороны северного соседа, кто должен прийти к власти, например, в итоге. Нынешний правящий режим в РФ, наверное, бы не оставил без внимания обращения русскоязычных граждан.

И: А Туркестан, там, по-моему, ничего не было совсем?

Р: Не было. Кто-то говорит, что, ой, там хороший аким, уйма рабочих мест. Нет. Область депрессивная, бедная, и все они были в Алматы. Но Туркестан – это сакральная вещь и, если те, кто претендовал прийти к власти, разгромили бы Туркестан – его бы прокляли все казахи. Сто-

лица – это любимая игрушка, как же, рука же дрогнет свою крепость разгромить.

И: А Алматы не жалко?

Р: А Алматы для них, как проститутка, ее изнасилуешь, она встряхнется. МСБ хороший, регенерация хорошая, встанет, отряхнется и пойдет. Так и происходит в Алматы. МСБ быстро поднимается. Понимаете, да? Может я брежу, но у меня вопрос: почему Алматы, почему Талдыкорган, почему этот несчастный Тараз, Кызылорда? Вот почему? За что?!

И: Ну, в общем выбор Алматы не случаен, то, как это было сделано – не случайно. Есть какой-то маленький план и большой план?

Р: В моем понимании это вот так было: вот в их сценарии ключевые действия, наверное, были все-таки в столице, они должны были показать, что ситуация в стране находится под контролем на примере Алматы. Здесь должны были принять решения, которые показывают, что власть не справляется: видите они вон Алматы громят и уничтожают? Я так понимаю, что, если бы их план удался бы... и здесь ключевая фраза Президента «я никуда не уеду, я останусь здесь», это значит, что его вынуждали, наверное, покинуть? 4-го они захватили акимат, но они его не сожгли, они оттуда вышли. 5-го пошли, захватили, сожгли, уничтожили демонстративно полностью, потому что это надо было демонстративно показать – вот что будет с вами. А если и этого недостаточно – пошли погромы, а если и этого недостаточно – пошли убийства. В моем понимании рост насилия решал параллельные задачи, которые стояли здесь, и мы их не видели, и не понимали. Вот почему это тоже сценарий. Если бы допустим, их цели достигались, то я думаю, уровень жестокости и насилия был бы меньше, потому что он шел вот так вот. Почему я говорю, что это заговор неприятеля, это же все очень четко управлялось.

И: Акимат сгорел полностью. Как так получилось?

Р: Я зашел свой кабинет посмотреть, там полностью уничтожено, там чуть ли не напалом сжигали, говорят, обливали и поджигали. 6-й этаж – уничтожили именно блок, где сидело руководство города, представляете? Там ничего не осталось. Почему нужен был захват именно акимата? Это показ падения власти, нужно было атаковать все подразделения полиции, они были атакованы 5-го днем, для того чтобы создать ощущение, что город... Они блокировали все силы полиции: Бостандыкский, Алмалинский, городской Департамент полиции, Наурызбайский акимат пострадавший, Ауэзовский РОП. Они связали и

локализовали силы полиции. А в городе при всем при том силы полиции немноготысячные, и когда они это сделали – появилось ощущение, что в городе нет полиции. Отсюда и ощущение, что 5-го, 6-го нет полиции, что город брошен.

И: Нет правоохранительной системы.

Р: Нет правоохранительной системы. Это план. Прокуратуры атакованы, КНБ атакован, получил приказ Мажиллов покинуть здание и эвакуироваться, куда он эвакуировался – х... его знает. Потом медиacentры, во-первых, чтобы они не вещали, и в этой ситуации, 4-го, 5-го, 6-го «Алматы ТВ» работал и давал новости. Все новости, которые были здесь, это новости, которые героически снимали наши журналисты, 4 бригады работали.

И: А у вас не возникло чувства беспомощности в этот момент? 5-го числа особенно? Или у Вас был просто какой-то алгоритм, Вы что-то делали, выполняли свою работу? Потому что много же критики было, что власть куда-то делась и...

Р: Я могу сказать про себя – мы работали. Началось 4-го же, а критическая точка была в ночь с 5-е на 6-ое, это ближе к 12 часам ночи. Команды из центра не поступало о том, чтобы использовать оружие, хотя бы настаивали на том, чтобы это сделать. Но у нас же централизованная система управления, это сейчас можно быть героем: «почему не стреляли?», а тогда мы ждали команды. Центр молчал. Мы же не знали, что здесь происходит борьба. Это мы сейчас понимаем, что Минобороны заняло крайне трусливую позицию. Департамент полиции Таймерденов окружен и отстреливался. Ночь с 5-е на 6-е, по-моему, генерал позвонил мне 3 раза, понимаете?

И: Почему?

Р: Он мне говорит: «Вмешайтесь, запросите помощь, Вас послушают. У меня снаряды кончаются». Звоню в центр, в Минобороны. Они: «Сейчас отправим, через 3 часа дадим, бронетехнику дадим». Нет бронетехники. Вечером дадим. Нет бронетехники, чтобы шугануть этих, кто окружил ДП. Еще звоню, они: «Щас, щас, щас». Потом я не выдержал, звоню Исекешеву, говорю: «Слушайте, у нас там сейчас ночь, ночью будут атаки, тысячи человек идут к нам, тысячи человек идут к отделам полиции, снаряды кончаются, Минобороны и Нацгвардия врут, что придем». Он говорит: «Как?! Не исполняют приказы?!». Не исполняют приказы. Он говорит: «Разговаривайте с ними. Сейчас я созвонюсь с Таймерденовым, сейчас посмотрим». И слава богу, после этого звонка, они ночью перекинули снаряды,

боеприпасы, и он отстрелялся, он выжил, они бы его... Они же его снайперами «мочили», вот там есть 9-этажный дом, оттуда они его «мочили» снайперами.

И: На углу Масанчи/Калинина (Кабанбай батыра), да?

Р: Да-да. Снайперы!

И: Простые митингующие...

Р: «Простые митингующие», их отстрелили наши. Тела забрали. Все забирают тела. Это спецподготовка. Вокруг Департамента полиции много убитых было, вот тех, которые нападали. Где все тела? Все утащили.

И: Чтобы не идентифицировали, да?

Р: Чтобы не идентифицировали. Не пойми, кто это. Это другой вопрос. Уф, я чуть-чуть сумбурно говорю, просто выходит это эпизодически. Просто говорю: Минобороны тогда подставило нас обещаниями. Потом мне сказали, что 6-го утром подтянутся войска Минобороны защищать Площадь. Мне говорят: «Вы будьте готовы, мы их сопровождаем, придут команды на четырех машинах. В 8 часов – команды нет, в 9 звоню нашему командующему, он говорит: «У меня приказ министра обороны отвести войска». Я говорю: «От центра?». Он говорит: «Из города!». Понимаете, да?

И: Я же говорю – бросили.

Р: А теперь, посмотрите, если бы это не было бы заговором и борьбой за власть, почему верные Командующему войска не защищают мирных граждан?

И: Согласно Присяге, да?

Р: Согласно Присяге. Почему «Арыстан», спецподразделение, которое борется с терроризмом, оно неизвестно где? Почему АТЦ собрался только 6-го утром? 6-го утром я Мажилову звоню, говорю: «Где вы?», он говорит: «В аэропорту, езжайте туда». Я приехал туда, там сидят прокурор, этот наш городской, всех замов, всех позвал. Потому что мы занимаемся обустройством прибывших 3 тысяч войск ОДКБ, в здания колледжей расселяем, питание, открываем резерв ГСМ – много вопросов, я же не могу один решать. Все были в растерянности. Полиции нет, трупы на улицах лежат. Я этому управлению здравоохранения говорю: «Какие сейчас процедуры? Берете «скорую помощь», отправляете и подбираете трупы». Директора морга, откуда трупы похищали, запугали, он вообще боится. Я с ним разговаривал: «Что они сделали»? Он говорит: «Они сказали, что убьют, вырежут семью». Это он мне в те дни под шоком сказал. Их всех запугали. В

12-ю они заходили, угрожали, что их убьют. Перевязывали своих и забирали с собой. Это 7-ка, «Калкаман» и 12-ая. 7-ку они вообще держали в окружении. Я тогда обратился в СМИ, говорю: «Не надо описывать, что они там в 7-ке, потому что мы вызовем синдром, как это в Чечне было, они зайдут и всех «положат» или всех вырежут. Не надо! Вы сейчас начнете накручивать. Не надо!». Это было очень непросто. Поэтому медики напуганы. И потом, наверное, следствие скажет, где готовились боевики, но там были криминальные группировки, которые приехали из из-за границы. И там были бандаформирования из области, часть из них жила в пригородах, и у нас очень много работников больниц из пригорода же, они же друг друга знают, вот почему боятся. Понятно, да?

И: Да. Они не верят в свою защищенность.

Р: Они не верят, до сих пор не верят!

И: Если вернуться к событиям на Площади, а переговорщики были 5-го числа?

Р: Да, они были, они выходили 5-го, они искали с кем найти, и у нас был вариант, что если что, я к ним выйду. Это было 5-го перед падением на Дворец. Они уже акимат захватили, Площадь была под их контролем, мы думали предотвратить нападение на Дворец Президента. И эти переговоры ничем не увенчались.

И: Кто были эти люди?

Р: Это разные люди, потому что, если бы были алматинцы, они бы более-менее их бы знали, там были Бапиев, Рысбек, Балташ, ну, и молодежь вот эта, режиссер, потом молодые нацпаты эти. Они же не смогли никого найти для переговоров. А у них был условие: «руководство города пусть все придет», и потом, когда он мне сказал, что они хотят одной «очередью» всех «выкосить».

И: А кто эти, кто говорили?

Р: Они не знают, с кем они разговаривали, но за ними кто-то был.

И: Тот, кто собирался что-то сказать для Астаны?

Р: Они искали телеканал «Алматы ТВ». Нас спасло то, что телеканал находится в районе университета вот этого бывшего Экономического. В том районе. Они его не смогли найти, потому что они не алматинцы.

И: Да, я поняла. У меня было ощущение, что Алматы дали в качестве бонуса что ли, подарка. Вот, короче, нате вам, делайте то, что планировали.

Р: Грабили большой, сытый город. У меня было такое ощущение. Да, вы придите, окажите давление, захватите акимат, Дворец сожгите,

изолируйте власть, вот затем вам на разграбление город.

И: Да-да. А вот мародерство, оно было ожидаемо?

Р: Я думаю, это был сценарий, как благодарность за то, что они вышли, как бонус. «Грабьте это!». Мирный, сытый город, да. Поэтому это все так непросто, это немирный протест. В первые дни порядка 20 тысяч этих людей прибыло, если не больше, и это были немирные граждане.

И: Вот интересно, оценочно, сколько человек было на Площади? Это же огромная мобилизация!

Р: Вот 5-го это было порядка 20 тысяч, которые подошли к Площади. И это была однородная молодежь, и она была вооруженная.

И: В наших интервью говорилось, что бесплатно воду давали, напитки энергетические, некоторых кормили. Вообще вот про такие случаи Вы в курсе были? И что они оказывали возбуждающее действие. Вы про такое слышали?

Р: Я уверен, что это наркотики, некоторые ничего не боялись. Они таранили наши машины, как смертники, они не боялись, потому что они были «накачены».

И: Ужас! А как они опознавали? По номерам ваших машин?

Р: Мы же с кортежем ехали. И когда они кортеж увидели, они начали долбать. На фото видно, как они стреляли по колесам машин. И вот еще, если я лежал, по сиденью стреляют. Пули навывлет проходили, сквозь салон выходят пули. Водитель раненый, я сидел сзади.

И: А вот насчет, когда постоянно светошумовые гранаты взрываются, это очень действует на мозг, на сердце, а они этого не чувствовали, получается?

Р: Да. Было видно, что на светошумовые гранаты не реагируют, как зомби.

И: С какого момента Вам стало казаться, что более-менее начался снова порядок? Ну, вот когда показалось, что более-менее можно выдохнуть?

Р: Значит, 5-го... наши городские общественники, урбанистки наши, я же с ними тоже был на связи, надо отдать им должное, спасибо им, они делали разные вещи. Я им говорил, что вы не понимаете, это маргинальная часть. Они говорят: «Мы наденем белые платки и пойдем». Я говорю: «Вы наивные, тем более, казахский не знаете. Ну говорю, давайте, попробуйте». Они говорят: «Они ставят условия освободить, кого задержали 4-го, и тогда они отведут от Департамента полиции». Я Таймерденову говорю: «Что вот такая попытка есть, что они отведут своих, передых будет небольшой, потому что вплотную стояли, а у

нас ни боеприпасов, ничего». Он говорит: «Ну, давайте попробуем, тем более все РОВД, они все в окружении, там, кто-то отстреливается, кто-то сдался. Так и так, либо их уже освободим, либо мы потеряем людей». Потом звоню прокурору, говорю: «Вот такой шанс». Он говорит: «Давайте, сделаем, отпустим тех, кто были задержаны с 4-го на 5-е». Отпустили. И ничего.

И: Им было все равно?

Р: Им было все равно. Они не диалогоспособны. Потом НПО-шники и сами поняли. Кстати, сложный момент – ночь с 4-го на 5-е, когда они захватили акимат, это была демонстрация силы, что мы способны. 5-е под утро наши доблестные правоохранительные органы Алматы, Департамент полиции, КНБ, они отбили их. Теперь с 5-го на 6-е, я так понимаю, что сценарий включился в полную силу, потому что КНБ сказал – «эвакуируйся», «сгинь», куда – непонятно, он же потом тогда пропал, армии нет, Таймерденов окружен.

И: Полиция связана.

Р: Знаете, как там было: я со своим штабом в акимате работаю, к нам продвигаются, я звоню Таймерденову, он говорит: «Мы акимат не сдадим!». Я спокойно сижу, потом мне говорят: «На акимат идет порядка 7 тысяч со Талгарской стороны, от Райымбека идет порядка 17 тысяч, от «Алтын Орды» идет порядка 10. Уже подходят к Абая, и никто их не сдержит». Действительно уже на Абая-Байсеитовой – ор. Я испугался за людей, которые со мной рядом. Я говорю: «Все, уезжаем». И вот в 12 ночи со своими людьми из акимата вышел, последний. Не потому, что я герой, а потому что те, кто обязан был, они не сказали, что надо эвакуироваться.

И: Вы верили слову правоохранителей?

Р: Мы верили генералам. Мы эвакуировались в Департамент полиции.

И: А все вот эти протокола, как себя вести в таких случаях, где все прописано?

Р: Ну, мы вот работали, у других надо спросить, чем они там занимались. Полицейские, спасибо им, этаж дали там. Все работают, и вот ко мне полицейский зам приходит и говорит: «Вы останетесь или как?». Я говорю: «А что случилось?». Он говорит: «Угрозы нет, но я бы посоветовал отсюда эвакуироваться». А куда мне эвакуироваться? Но я понял, что надо, потому что нападающие начали подходить к нижним воротам. Они, видимо, не знали про верхние ворота, просто смели бы. Притом, что у них был план, они город не знали так хорошо, они могли бы с двух сторон вот так заблокировать, понимаете? То есть, они

знали задачу, но детали не знали. И вот мои ребята, 4 машины получили нас, выходим. А интересно, уже Департамент полиции изнутри заблокировали железными этими... Я думаю: блин, если сейчас дверь откроют, и они ворвутся, вот я подставляю этих полицейских, а остаётся...

И: Смешанные чувства.

Р: Думаю, может остаться? Но зам, герой вообще. Кричит: «Обеспечьте эвакуацию акимата! Откройте ворота!». И они берут отодвигают машины, открывают ворота, а они медленно открываются, тяжелые ворота, и мы 4 машины друг за другом – по Масанчи вверх, укрылись в «Сункаре». Эти детали важны для меня, потому что они показывают, что у нас в системе госслужбы государства, очень много рядовых людей, которые преданы и патриоты на самом деле. Полиция не бросила и не сдала, вот эти мои, которые раненные, работали со мной до конца. А вот эти детали важны, потому что у нападавших был план: захватили акимат, теперь пошли сюда, в Департамент. Мы же тоже не трусливые, но они же нападали грамотно. Когда мы скрылись в «Сункаре», у них технология, там у них все распределено: приезжал разведчик, либо на мопеде в черном, либо машины, в которых 2–3 человека, изучали, смотрели, потом фотографировали здание, где может свет есть. Мы все выключали и шторы закрывали. И если находили что-то, они разговаривали с охранником, если понимали, то приезжали 4–5 машин, блокировали здание, выходы. Если никого нет – уходили. Если кто-то есть – они громили, избивали. Они искали руководство города. И когда разведчики приехали, мне наши сказали: «Это подозрительно, будем готовы». И потом через некоторое время 4 машины приехали битком набитые, где-то 20 человек, они блокировали «Сункар» сверху. А мы почему «Сункар» взяли, потому что он на сквозной, наши тоже стратеги, выходы туда-туда, по разным дорогам бежать можно. И мы бежали по коридорам через другой выход, но не на машинах, пешком. Выбежали, как простые граждане пошли, как будто по Ремизовке прогуливаемся, а там туман. Они так и не нашли нас. Я думаю, что они находили нас по геолокации.

И: То есть, у них такое оборудование было?

Р: Да, у них такое оборудование было. Они его украли, что ли. Потом они же искали дом акима, 5-го, по-моему, толпа из 90 человек пошла вверх по Ленина. Они еще там напали на кафе-ресторан «У Афанасьяча», там они бухали, пили. Его не было, я так и знал, что его нет. Потом я нашим говорю: «Они его не нашли, теперь будут мой дом искать».

Возле моего дома уже видели разведчиков на мопедах. Поэтому это немирные граждане, я еще раз говорю. Мои родные вытащили симки из телефонов и уехали за город.

И: Высокоорганизованная какая-то структура стояла за этим.

Р: Почему им надо было кого-то захватить, шантажировать этим, в заложниках держать из семьи кого-то, убить кого-то желательно – я думаю, это акт устрашения для всего Казахстана. Я думаю, если бы они убили кого-то из руководства города, паралич в системе госуправления по всей стране бы наступил, все бы испугались и перестали бы работать в моем понимании, то, что им и надо. Паралич наступил бы. Это показывает неспособность власти, власть пала. Но мы работали. И в те дни, в ночь с 5-го на 6-е, это была самая важная необходимая поддержка алматинцев. У нас на этой же почве же конфликт произошел с одним из руководителей города. Я ему говорю: в городе нет продовольствия, хлеба нет, а цены выросли, мяса, молока нет. Он говорит: «есть все». Я говорю: есть только «Магnum», которых по городу 4–5, а в магазинах при домах нет ничего. «Нет, ты врешь, накручиваешь». Я говорю, вас предупреждаю, что нас всех на вилы поднимут, нам еще не хватало, что нас всех на вилы поднимут.

И: Уже горожане.

Р: Уже горожане, да. Он же не понимает этого! Не понимает! Подумал, что я что-то под него копаю. Да зачем мне это нужно!

И: Просто коротко: какой урок для Вас? Помимо тяжелейшего, я так понимаю, стресса, шока и прочих эмоционально плохих вещей?

Р: Главный урок: я верю в людей, они благодарны, они видят справедливость, они поддержали Президента, думаю, они благодарны, что он защитил г. Алматы. Поэтому они его поддерживают сейчас. Я благодарен алмаатинцам, что они меня поддержали. Можно ко мне по-разному относиться, но я в те дни, к кому бы я ни обращался: нацпаты, оппозиция, Бапи, желтоксановцы, я не говорю про лояльные партии, они все поддержали меня. У меня не было споров и уговоров, они все как один срабатывали, делали то, что надо делать. Я убедился в том, что на госслужбе очень много порядочных, хороших людей. Вот сейчас награды все получили, а журналисты «Алматы» работали честно, без наград, молча сидят, до сих пор плачут, по ночам вздрагивают. Или, допустим, полицейские, начиная с Таймерденова, и его зама, когда эти уже штурмуют нижние ворота, и он мне говорил: «Эвакуируйтесь!», понимаете, да? Они же рисковали собой. Я потом понял, что не могу так поступать. Если мне надо быстро убраться, чтобы не подвергать

риску других. А когда туман, эти ищут нас с фонарями, мелкими группами: «Қайда?», а мои говорят: «Вы бегите», сами раненные лежат на земле, а мне говорят: «Вы бегите, если Вас поймают, убьют». А я говорю: «Куда я убегу?». Как я их брошу? А они не думали о себе. Но были и малодушные, с этим я тоже сталкивался. Главный вывод – система не эффективна в кризисных ситуациях. Те, кому положено, они не сработали.

И: Предательство еще, наверное, плюс?

Р: А, знаете еще что? В те дни исполнение своего долга, своих функциональных обязанностей, стало ненормальностью. Вот я работал – это ненормально.

И: Понятно, спасибо Вам большое за интервью.

ИНТЕРВЬЮ №4, СОТРУДНИК ПОЛИЦИИ АХМЕТ

И: Спасибо, что Вы согласились встретиться и поговорить. Мы хотим собрать свидетельства разных людей из числа жителей города, представляющих разные профессии, имеющие разные статусы, чтобы сделать хронологическую реконструкцию январских событий. Какие чувства сейчас у Вас вызывают эти события?

Р: Ужасные, конечно, чувства.

И: Ужасные? Вот могли бы рассказать, что Вы видели 4-го числа, 5-го? Как это происходило? Как это начиналось? С чего началось, по Вашему мнению?

Р: Ну сначала началось с так называемых мирных акций протеста, потом почему-то переросло это в мародерство, уже в избиения, и все остальное, то, что мы видели. Но я считаю, что, наверное, были такие люди или те лица, которые, пользуясь вот этим случаем, все вот так вот, как сказать, воспользовались этим случаем и сделали такие преступные действия, мне кажется. Ну не кажется, а скорее всего, так оно и есть, что совершили преступления.

И: Скажите, пожалуйста, в момент прохождения Вы это поняли? Или позже в СМИ, в официальных источниках это рассказывалось? Что Вы прочувствовали в эти дни? Как на Ваших глазах это происходило?

Р: Не скажу, что я видел то, что по СМИ, но я почувствовал это на себе, это, конечно, мое сугубо личное мнение, и то, что я видел, как это происходило, оно так и есть, то что я вам сказал.

И: Вы сказали «ужасно». Вас же ничем уже не удивишь, Вы же из силовых структур, за свой опыт много чего уже успели увидеть, а почему именно «ужасно»? Это было много жертв или неожиданно?

Р: Начнем с того, что это действительно было неожиданностью, и как бы сказать, что мы не были к такому готовы, к таким событиям. А что по поводу жертв – тоже.

И: Рассылались разные видео позже, нам сейчас приходится, конечно, говорить о впечатлениях, которые мы получили, ведь в СМИ было разное. Вот некоторые говорят о невинных жертвах, как бы Вы могли прокомментировать такие моменты?

Р: Я могу сказать так, что если даже и были такие факты, то, мне кажется, вряд ли. Но дыма без огня не бывает в любом случае. Зная при всем при этом, что идут антитеррористические операции, я думаю, зачем находиться там, где это все происходит? Либо осознанно пойти на это,

либо я не знаю, какие-то могут быть, другие корыстные намерения, что ли.

И: А с чего это все началось? Как это происходило? Ведь интернет же уже отключался 4-го числа. Говорят, что началось это все с «Алматы Арена», а потом говорят, что и по «Восточке» шли люди. Ваше профессиональное видение, как они все собирались?

Р: Я скажу такое, я насколько знаю, насколько я убежден, поскольку я знаю по рассказам тех, кто шел на эти мирные акции и кто дошел до этого предела, когда было уже мародерство, началось избиение полицейских, государственных служащих, силовых структур, эти люди просто развернулись и ушли. Посмотрев на это, они сказали: «Нет, это уже не мирная акция, это уже переросло просто в бесчинство и в беззаконье, можно сказать». Поэтому я слышал так понаслышке от знакомых людей, да, присутствовали они там, но они, после того как началось избиение, начали кидать брусчатку – они просто развернулись, поймали такси и уехали. По их рассказам было, что все шли на мирный митинг, все было спокойно. Когда начала препятствовать полиция, ну, как «препятствовать» – не избивать кого-то там, никакой вообще силы не применялось, но они начали заниматься такими действиями, типа сжигать полицейские машины, нападать на представителей силовых структур, тех же военных, и все переросло в такую фазу действий.

И: И Вас, в частности, это не смущало на тот момент? Ведь, все-таки, силовые структуры...

Р: Конечно, смущало в большой степени, потому что со стороны силовых структур не было ничего такого: ни избиений, ни оскорблений, ни унижений. Я считаю, что это было вообще чересчур такие действия делать. Ладно, я понимаю, если бы было что-то противозаконное со стороны госслужащих, со стороны полиции, силовых структур, силовых ведомств, но такого не было. Они, скорее всего, воспользовались тем, что никто физического сопротивления не оказывает, и хотели сделать такой, можно сказать, переворот.

И: Но лично Вы что видели? Очевидцем чего Вы являлись?

Р: Избиения полицейских.

И: На Ваших глазах?

Р: Да. Буквально да. Но скажу: на моих глазах были некоторые случаи, там пару случаев, но в основном видел после избиений.

И: После того как уже человек был ранен?

Р: После того, как вызывали «Скорую» и т.п.

И: Это Вас возмутило в тот момент?

Р: Конечно. За что били? За то, что просто мы стояли, защищали государственные объекты, чтобы вот этого не произошло, чтобы их сожгли и т. п.

И: А какие объекты Вы защищали? С ними потом тоже что-то произошло?

Р: Акимат и защищали.

И: Скажите, пожалуйста, Вы стояли именно на обороне стратегически важных зданий. Это продолжалось и 4-го, и 5-го, и 6-го, да?

Р: Да, наши ребята стояли 4-го, после первой волны. И также стояли 5-го числа уже на вторую волну.

И: Могли бы Вы для тех людей, которые не видели это своими глазами, эту картину более явно раскрыть? Опять вернусь к Вашему слову «ужасно».

Р: Я вам скажу так: «ужасно» – это скорее вот это беззаконье и неподчинение властям, это было для меня ужасно. И судя по моей работе, да, у меня встречались в жизни ситуации по моей работе, но такого прям чересчур, как сказать вам, бесконтрольности, наверное, которую остановить невозможно было, вот такое в первый раз.

И: А отключение интернета и официальные такие выступления Президента?

Р: Ну отключение интернете, официальные, я считаю, что это рабочий момент, и я считаю, что против дезинформации и каких-то фейковых, это нужно.

И: А это повлияло на Вашу работу? На коммуникацию?

Р: На мою работу – нет, не повлияло.

И: А вот за безопасность собственной жизни? Не было паники в семье за Вас?

Р: На тот момент, конечно, была в семье паника, но для меня это была уже не паника, я думал, что это переросло в такое, что, конечно, хочется спокойствия и мира, чтобы таких случаев больше уже не повторялось.

И: Ну вот некоторые пытаются оценить работу силовых органов и органов правопорядка. Ваше мнение о работе Ваших же структур? Какую Вы оценку сделали бы?

Р: Мое мнение таково, что, если даже я являюсь работником силовой структурой, я не говорю в пользу себя, не говорю в пользу силовых структур, я в первую очередь рассуждаю с человеческого фактора. Есть человеческий фактор, а есть фактор того, чтобы взять чью-то

сторону, но ни в коем случае я ничью сторону не принимаю. Я, скорее всего, выскажу свое мнение и свою чисто человеческую позицию. Многие, конечно, могут осуждать и говорить, что вот, полиция так делала, полиция вот так делала, но судя по тому, что я видел своими глазами и то, что я испытывал на себе, я могу сказать, что действий полицейских противоправных не было в отношении граждан. Действовали мы в рамках закона, наши ребята, полиция ничего противоправного не допускала, но уже когда пошла бесконтрольность, когда все это переросло в такой случай, то, что сейчас произошло, то я считаю, что нужно было остановить, просто нужно было остановить. Иначе не только пострадали бы полицейские и силовые структуры все, но пострадали бы и мирные жители, и мирные граждане, которые проживают тихо-мирно, без всяких. Было бы просто намного больше жертв со стороны тех, кто занимались этим мародерством и противоправными действиями.

И: То есть, если бы Вы, как представители силовых структур, не стали бы, согласно тому, что происходило, принимать определенные меры, это переросло в большие жертвы? Я правильно поняла?

Р: Да, я так считаю. И вот если бы я был даже не государственным служащим, а обычным гражданином если, я бы рассудил то же самое.

И: А вот как раз таки о действиях государственных служащих – оценка городских властей. Как бы Вы оценили?

Р: По какой шкале?

И: Пусть будет, по которой Вы решили бы сами сейчас оценивать, что вам понравилось, что нет?

Р: Если считать по 5-балльной шкале, я скажу, что на «5». То есть, имеется в виду, противозаконного ничего такого в принципе и не было, а уже после того, что случилось, я думаю, что власти действовали правильно.

И: Но если судить по тому, как вообще никакой информации не было о том, как акиматовские работники общались, коммуницировали, они, получается, в другой день выходили или вообще не выходили?

Р: Вы про сотрудников акимата говорите? Я скажу, наверное, так, что были и минусы, были и плюсы. Но, скорее всего, мне кажется, взять в среднем, я придерживаюсь середины.

И: Как говорится, можно было ожидать и лучшего от них, да?

Р: Совершенно верно.

И: А это что они должны были делать? То есть, в Вашем случае ситуация понятна, Вы должны были применять в случае необходимости

силу, а они? Что от них нужно было ожидать, по Вашему мнению, по опыту?

Р: Я думаю, либо в информационном порядке выразить, либо уже выйти представителям и уже поговорить с народом, какие требования у них были.

И: А что Вы можете сказать по контингенту участников? Около 50 тысяч человек участвовало в этом. Это что за люди? Откуда они взялись?

Р: Я думаю, что, когда люди выходят на мирные протесты, они выражают свое недовольство, чем они именно недовольны.

И: Так в эту же ночь 4-го числа, насколько я помню, применялись уже слезоточивый газ с 23:00 до 2 ночи, примерно в этом промежутке. А когда же он стал немирным, так скажем? В этой хронологии 4-го числа?

Р: После того, как начали приближаться к зданию городского акимата.

И: А! Когда они начали приближаться ваши органы приняли решение применять?

Р: Нет, наши органы приняли решение после нападения уже на городской акимат, после всего этого уже, а до этого не применялось ничего.

И: А как начали они нападать? То есть, бросать камни или стрельба?

Р: Нет, просто толпа людей начала пробиваться в здание городского акимата, просто, без всяких претензий, без всяких разговоров.

И: А, то есть, без озвучивания претензий, они стали приближаться просто и вламываться, да?

Р: Совершенно верно.

И: Полагаясь на Ваш опыт оценки людей: это была однородная масса, которая состояла из обычных людей? Или же все-таки были те люди, на которых ссылается наша власть, говоря, что были террористы?

Р: Скорее всего, я придерживаюсь мнения властей.

И: То есть, это были террористы? Находились они среди них?

Р: Ну присутствовали те люди, которые все это затеяли.

И: А вот внешне можно было Вам определить их?

Р: Мне кажется, внешне на тот момент, я думаю, что нет, внешне, конечно, было бы тяжело определить. Но судя по тому, что сейчас, когда уже более спокойнее, то можно определить да, конечно.

И: Что происходило с Вашей работой, обязанностями 7-го числа и далее?

Р: Это уже было текущее рабочее время и рабочие моменты, как в обычном режиме.

И: Кстати, вопрос такой житейский: а когда Вы успевали отдыхать в эти дни? Вам дали отдохнуть?

Р: Просто находился на работе.

И: То есть, Вы даже не отдохнули?

Р: Нет. Но были моменты, когда отдыхал, конечно, но имеется в виду, не в таком количестве времени, как отдыхается в тихое и мирное время.

И: Сейчас конечно Вы относительно отдыхаете, да? Если сравнить.

Р: В обычном режиме, да.

И: А после январских событий, у Вас какое отношение к этому? Вы все время начеку?

Р: Как вам сказать, не хочется, чтобы повторилось то же... Боевая готовность у нас.

И: Спасибо огромное Вам за участие. Я заметила, что отвлекаю Вас уже от работы.

ИНТЕРВЬЮ №5, РУКОВОДИТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГУЛЬНАРА

И: С первого вопроса начнем: месяц прошел, какие чувства у Вас вызывают январские события? Можете одним словом или фразой какой-то охарактеризовать?

Р: Просто обида. Вот у меня, как у коренной алматинки, как у человека, у которой бизнес здесь находится и в целом, мне обидно, честно говоря, что наш город оставили на разграбление. Просто-напросто бросили непонятно кому, непонятно, где власть, что делать. Ни связи, непонятно зачем вырубил всем нам интернет, я понимаю, там говорили, что мы хотим предотвратить террористические акции, но при этом же они оставили нас абсолютно без связи, ни телевизора, ни радио, ничего не работает. Мы не понимаем, что происходит в Казахстане, мы не понимаем, что происходит за городом, вообще из своего дома страшно было выходить. Естественно, у меня, как у коренной алматинки, обида. Больше у меня никаких вообще чувств, чтобы сказать, что было страшно. Мне не было страшно. Мы уже переживали такое, Алматы уже переживала такое в 86 году, ну, конечно в другом масштабе, но было такое же однозначно, было то же самое, но сейчас больше обида.

И: А в целом для Вас эти события, когда начались? 4-го, 3-го, 5-го?

Р: 4-го числа уже начали ребята писать, еще пока интернет был, 4-го числа наши рестораторы в чатах стали писать: «Что происходит?».

И: А это было в первой или уже во второй половине дня?

Р: Это было во второй половине дня, потом уже заглушили же. Но четвертого числа я, например, написала, сказала: «Ребят, я вам советую закрыть все свои заведения, если вы можете укрепиться – укрепитесь, если вы не можете укрепиться – оставьте и уходите». И мне тогда многие рестораторы сказали: «Чушь!». Я говорю: «Вы увидите, что будет».

И: А с чем Вы это связываете? Почему такая агрессия?

Р: Ну, вот если сейчас взять данное время, у человека зарплата 120 тысяч, у него 3 детей. На 120 тысяч, что он может купить? Ему надо думать: или кормить, или покупать раз в месяц по вещи каждому, либо заплатить коммуналку. У них же еще кредиты. Вы понимаете, что вся банковская система просто грохнула всю государственную систему! Мы видим, что банковская система, грубо говоря, держит за яйца го-

сударство. Вы же сами это все прекрасно понимаете, это то, что происходит в Казахстане.

И: Но если вернуться в то время, 3-го числа же в Алматы было тихо, почему вдруг такое?

Р: Потому что я видела, что творится в соцсетях, я видела, что говорили, что в Жанаозене люди встали. А Жанаозен всегда для Казахстана как флаг, вот, знаете, как флаг выкинули и сказали: «все, мы идем напролом», и люди пойдут напролом. Белый флаг выкинули – значит, мы не идем напролом. А я видела, что творится только по соцсетям, я сказала: «Ребят, надо закрываться». Многие меня не послушали, я вот недавно буквально узнаю, что даже человек, которому я своим ртом сказала: «Закройся, я тебя прошу!», он мне говорит: «А мы 4-го ночью едем, а уже толпа идет», я говорю: «Я же тебя просила – закройся». То есть, вот эти элементарные вещи для некоторых предпринимателей казалось, что это все игрушки, а это все не было игрушками с начала января, уже тогда было понятно, что будет, поэтому я говорила: «Давайте закроемся».

И: Кто-нибудь Вас послушался?

Р: Многие послушались, а многие остались. Но даже если они и закрылись, если взять ту же самую Новую Площадь, там заведение «Leo's», его же дотла сожгли, но они закрылись. Но как там, у них все стеклянное, бей, заходи, бери и все, даже при закрытом помещении. Они зашли, направили на охрану оружие и сказали: «Ты сам уйди, мы возьмем, что надо и все», а на самом деле такого не было, они начали бить, крушить, ломать, жечь. Зачем? Для чего это все надо было? Чтобы показать, что вы еще раз зажмете народ – мы дадим еще больше волну.

И: Но опять же это же несправедливо, причем здесь предприниматель со своей...

Р: Это несправедливо, но это то, что было в шаговой доступности, вот что было в шаговой доступности – то можно было бить и крушить. Почему радиостанции разбили? Почему разбили телевидение, на Республике, 13? Их же там полностью сожгли. Вот у девочки там галерея – тоже сожгли ее, тот же медиацентр сожгли дотла.

И: Просто потому что они под рукой?

Р: Просто потому что под рукой. Есть женщина, у нее офис, аутсорсинг, она говорит: я зашла на это пепелище, и я даже не пойму, я не помню, сколько у меня было компьютеров. Человек в шоковом состоянии даже не помнит, сколько у нее было компьютеров! У нее комис-

сия спрашивает: «Сколько у Вас было компьютеров?», она говорит: «Я не знаю». У нее просто стресс и все!

И: Получается, попали под горячую руку?

Р: Да.

И: 4-го, получается, уже совершались нападения на рестораны?

Р: Нет, 4-го, скорее, нет. Это все было 5-го числа.

И: 4-го, помимо тревожных сообщений и обмена информацией, были еще какие-то действия? Может, кто-то выехал, чтобы подежурить у себя?

Р: Да, ребята наши выезжали. Выезжали ребята, у которых находятся прям рядом рестораны, они выехали, они дежурили у себя в ресторане с оружием, ну правда охотничьим, но, тем не менее, они вышли. Очень многие выходили. Взять тот же ресторан..., который находится на «Алматы-1», там хозяина чуть не убили, сказали: «Деньги привези и все».

И: Выкуп за него брали? Деньги?

Р: Ну да, насколько я знаю, так было.

И: Это, получается, на Алматы-1? Получается, не в центре города пострадало?

Р: Это по всему городу, вот знаете, локально в Алматинской области это было везде. Если взять поселок..., который в Алматинской области находится за Первомайскими прудами, там просто аким настолько быстро среагировал, он организовал дружины, перекрыл поселок со всех сторон, и сказал, что я вам не дам пройти никому, ни выехать, ни заехать. Вы представляете? Там вот молодой аким, он такой очень, там все ребята встали, сделали посты.

И: А как для Вас складывалось 5 января, когда вот эти события начались? 5-го, 6-го?

Р: Для нас 4-го числа, когда мы уже поняли, что все уже, город захватили, непонятно, кто город захватил, кто эти люди, что эти люди – ничего непонятно было. И 5-го числа, по-моему, 4-го числа мне наша сотрудница позвонила и говорит: там пацаны голодные в Департаменте сидят, в Турксібском РОВД сидят пацаны голодные, я уже на нервах была, говорю: «И че? Что мы им, что-то дадим что ли?», она говорит: «Поехали, ресторан откроем и будем готовить то, из чего есть». Я говорю: «Как мы поедем, что будем делать?». Она говорит: «Ну давай, что есть, из того и будем готовить». Я говорю: «Ну, давай». Сыну говорю: «Заводи машину, поехали». Приехали туда, достали все продукты. У нас там закупа-то особого и нет же, на неделю закуп готовим.

Приготовили, первую партию отвезли. И позвонила мне моя подруга из общественного фонда, говорит: «Ну что, ты где?». Я говорю: «Мы вот тут кушать варим, полиция и еще медики остались голодные, ребята со «скорой помощи», пожарные и все, они закрыты у себя. А ты же знаешь, что медики даже выйти не могут, они просто «шьют и шьют» на автомате». Она говорит: «Я сейчас подъеду, говорит: а вот у нас в морозилке есть нога кабана и нога косули», я говорю: «вези». Она привезла. Потом я позвонила рестораторам всем, не знаешь же, кому звонить. Позвонила коллегам, говорю: «У тебя масло есть?», говорит: «Есть литров 5», я говорю: «а картошка, лук, морковка?», говорит: «я закуп не делала, но посмотрю то, что есть». Я говорю: «Отдай». Она: «Почему «отдай?»». Я говорю: «Ну вот так и вот так, ребята голодные сидят, надо покормить». Она говорит: «Ну ладно, приезжайте, возьмите, что там есть, заберите». Я говорю сыну: «Езжай, забирай». Мы даже в тот момент не думали, что это наши дети, мужа, что мы их под пули куда-то отправляем, мы не думали об этом!

И: Это было 5-го утром?

Р: Да. Мы абсолютно об этом не думали! Еще назад потом отвозили еду. Сын повез с нашим учредителем еду, и их начали обстреливать, прям в Департаменте. Они же не знают, кто едет, прямо начали обстреливать. И сын закричал, руки вот так вытащил, и на казахском закричал: «Я еду привез!»», «Тамақ әкелдім!»». И он звонит мне, говорит: «Мама!»», а он же взрослый у меня, 30 лет, «Мама, (и матом мне дальше) нас тут убивают!»», я говорю: «Сынок, ты что матерись? Не матерись!»». У меня шок был. Просто шок у меня! Кто в тебя стреляет?! А сама чувствую, что меня уже начинает... И я кричу сотруднице: «Звони в Департамент, они там стреляли!»». Она позвонила, говорит: «Вы что?! Это же наши ребята! Я же вам номер машины сказала! Марку машины! Мы кушать привезли!»». И вот так вот мы ездили, куда мы не могли попасть единственное, это в 7-ю больницу, они же в осаде были, мы не могли им, мы звонили.

И: А, получается, что их из самого Департамента обстреляли? Думали, что бандиты?

Р: Да. В 7-ку не могли попасть, но постоянно были на связи с врачами, спрашивали, как у вас дела, вы живы-здоровы? Ну, потому что слухи, что у них там вообще ужас, врачей избивают, медсестер насилуют. Естественно, у меня страх такой: как избивают? Как насилуют? Они говорят: нет, все хорошо. То есть, когда у нас с ними связь образовалась – нам уже спокойнее стало.

И: А, то есть, это были слухи, что убивают и насилюют?

Р: Да. Потом в какой-то момент вдруг позвонил парень и говорит: «Мы с отдела зачистки». Я говорю: «А что такое отдел зачистки?». «Мы трупы возим, мы кушать хотим». Я даже не знала, что у нас такой отдел есть. Хорошо, говорю, ладно.

И: Это при Департаменте полиции, да?

Р: Нет, это не при Департаменте, я даже не знаю, при каком департаменте. Я говорю: «Хорошо, мы вас будем кормить». Вот сведений очень много я от них получала. Я просто спрашивала: «А сегодня сколько увезли трупов? А сегодня сколько трупов? А в обед? А после обеда?». И вот когда на уменьшение пошло, я теперь понимаю, что уже тише и власть зашла.

И: А они какого Вам позвонили? 5-го или 6-го?

Р: 5-го.

И: После обеда или в обед? Или вечером?

Р: Вечером позвонили.

И: А Вы их кормили как долго? 6-го, 7-го?

Р: 5-го, 6-го, 7-го, 8-го.

И: Кошмар! С каждой новой информацией понимаешь весь масштаб этой трагедии.

Р: Полиция, наши пацаны, которые там сидят, просили курить, а им негде было сигареты взять, я говорю: «Ну, мы не можем у них сигареты брать, попросите выпить – я вам выпить привезу, но курить – точно не привезу». Тогда надо было позвонить рестораторам, сказать, у кого сигареты есть – отдайте ваши сигареты. Но, честно говоря, я даже своим врагам такого не пожелаю. У меня врагов нет, но, если у меня будет враг, я хочу сказать, что я даже врагу такое не пожелаю, что мы пережили, это было просто ужасно.

И: Много рестораторов откликнулось на призыв готовить еду?

Р: Да. И не только рестораторов. У нас есть шеф-повар, он мне позвонил и говорит: «Я пошел такой-то пост кормить». А у него маленькие дети. Я говорю: «Пожалуйста, у тебя дети маленькие, может, ты не пойдешь? Я тебя очень прошу». «Нет, я поеду. Там пацаны, они кушать хотят, я поеду». Потом на местах тоже, я знаю, что вот внизу на Белинского уйгурская диаспора поставила свои посты, чтобы их не грабили. Потому что они звонили, говорили, что мы поставили посты у себя. Они просто позвонили и говорят: «Мы на «Алматы-1» сдерживаем, там же как бы все свои, а Ленинская смена (Ақан Сері) просто осталась сама по себе», и я насколько знаю, там подержали ма-

газины и что-то там. А у нас в каждом подъезде по 20 военных живет, и то там ограбили магазин! Все так удивлялись еще.

И: А в этих отдаленных районах, это были местные какие-то?

Р: Нет, скорее всего, это были не с одной массы, это не те люди, которые грабили в центре города. Вот есть такие преступные элементы, очень много же по амнистии вышли, они же очень быстро насчет этого соображают. Тот же самый ТД «Москва», там же не было ваххабитов, мне звонил ресторатор, говорит: «Они несут мое имущество!». Я говорю: «Уйди, пожалуйста, оттуда».

И: Это с фудкорта?

Р: Да. Он говорит: «Зачем им моя кофе-машина?». Вот так взрослый мужчина плакал: «Столько лет, столько лет строили!». Мы и так только встаем с колен, 2 года прошло со времени этой пандемии, всегда страдаем только мы. В первую очередь страдают рестораторы, и никто их не видит. Когда ты идешь к государству, говоришь: «Вы можете нам дать какие-то субсидии?». Они говорят: «Нет, мы можем вам дать кредит под такие-то проценты, залоговый». Откуда у меня залог?! Я в аренде сижу, что я могу в залог поставить?! Чудо-печку? Мантоварку? Я же не могу это поставить, правильно? Они и не возьмут. Как так? Как на Алматы выделяется энное количество денег, но это количество денег никогда не доходит до предпринимателя. Почему субсидии, которые выделились, дали только «Магнуму» и «Тоймарту»? Почему нам не дают? Почему пострадавшим предпринимателям не дают? Например, у предпринимателя, у моей подруги, у нее разграбили 2 отдела, в одном отделе на 25 тысяч долларов, а в другом отделе на 20 тысяч долларов, и ей дали всего 3 миллиона. Почему?! Ей сказали: «Подпиши это, а то вообще ничего не получишь».

И: А она работала с Палатой предпринимателей?

Р: Да. И ей сказали подписать. Потом мне звонит ресторатор, ее ограбили на 240 миллионов, и она говорит: «Мне позвонили и сказали акт на 1,8 миллиона подписать». Я говорю: «Не подписывай ничего!».

И: А вот организация обедов, это...?

Р: ...это уже за наш счет.

И: Ваша деятельность как-то государством потом поддерживалась?

Р: Ой, ну вы что?! Какое государство?! Все мы сами. Когда была пандемия, мы на питание истратили 11 миллионов, единственное нас тогда поддержал Нурлан Смагулов, он дал определенную часть денег, не полную, конечно, но дал.

И: А в январские?

Р: А в январские мы своими силами. А, еще девчонки нам воды дали, вот эту, мы всегда покупаем воду, чтобы поддержать.

И: За эти дни никто из Вашей команды не пострадал? Никто не был ранен? Машины все целы?

Р: Нашу машину побили вот так со всех сторон, аж краска слетела, пинали.

И: Это когда проезжали через толпу?

Р: Нет, мы за своими строго следили, хотя не было WhatsApp, не работал, но каждые 10 минут звонили: «я там, там», все это было под строгим надзором. Ты приехал на точку, должен позвонить и сказать, что я приехал. Или говоришь: «Я выезжаю с точки, еду таким и таким маршрутом». То есть, все это очень четко, за всем следили мы.

И: Сейчас очень много обвинений в сторону полицейских, что они разбежались, что их не было. Делали ли они свою работу?

Р: Нет, они делали. Они надевали гражданскую одежду и выходили в любом случае, но вы, извините меня, а как они должны были среагировать, если они не понимали, что в Астане происходит?

И: То есть, ощущение было, что управление потеряно?

Р: Ну, конечно, было управление потеряно! Они были дезориентированы, это 100%, потому что они не понимали, что делать в этот момент, куда идти, а может, и не надо было с митингующими драться? То есть, палка о двух концах реально, ты же не знаешь, кто завтра придет.

И: По Вашему мнению, высокий уровень самоорганизации у бизнеса в Алматы?

Р: Вы знаете, мы, наверное, за эти годы пандемии научились быстро организовываться.

И: А немножко о маршрутах, какие маршруты были самые небезопасные 5-го, 6-го?

Р: Департамент полиции.

И: Туда вообще реально было подъехать?

Р: Подъезжали, да.

И: Я просто благодарна Вам за всю вашу работу, и просто не представляю, как это можно было сделать. Что Вас больше всего испугало и удивило в этой ситуации? 5-е, 6-е если вспоминать?

Р: Меня больше всего испугало, что ездят ребята наши, молодые ребята, и я боялась за их жизни, конечно, им было страшно, но не могла вида подать, потому что я руководитель, и если бы расклеилась я, то расклеились бы все. Поэтому у меня было такое, знаете уже – я мыла

ресторан со страхом, то есть, я взяла ведро и мыла, мыла, чистила. И мне все говорили: «Зачем ты моешь? Сядь». Я говорила: «Я не могу, мне надо делать».

И: А ребята, которые ездили по городу, они осознавали, что находятся на линии огня?

Р: Вы знаете, они еще снимали сторисы, чтобы потом «запилить» и ржали.

И: А охрану Вам не давали?

Р: Ну, вот у нас был один из ребят, который охранял ресторан, он приехал...

И: Нет, я имею в виду полицейских?

Р: Нет, потому что к нам ехал мальчик с Жетысуского РОПа, его убили по дороге. Он ехал за едой. И мне говорят: «Его убили! Убили!», а у меня было такое состояние, я говорю: «Кого убили?! Кого?!», я же знаю, что у меня ребенок где-то находится, ездит, говорят: «Убили, убили, он же ехал за едой!», а я еще не поняла, кто ехал за едой. Ужас! Просто у нас был шок, потому что это пацан еще молодой совсем. И я говорю: «А что мы скажем его маме?». Что мы сами не довели, что он по той дороге поехал к нам? То есть, нам было дешевле и легче возить самим. Намного. Вот как называется эта заправка на Восточной объездной?

И: «Компас».

Р: Он дал нам бензин.

И: Это когда он Вам дал бензин?

Р: 5-го числа. И еще одна какая-то заправка тоже дала нам бензин. Вы знаете, у нас на этой заправке произошло ЧП на «Компасе»: за нами сразу заехал маленький такой «бусик», и там один бородатый и он еще в калошах. А меня уже вот так трясет, я подошла, говорю: «Ты кто такой?», он говорит: «Я воду развожу, мне бензин нужен», я говорю: «А кто у тебя воду сейчас заказывает?». Говорит: «Вот у меня люди просят воду». Говорю: «Они что, больные? Пускай с крана пьют!». Вот такое шоу было. Я очень испугалась. А он еще номера снял. «Ты что номера снял?». А потом приехал руководитель этой заправки что ли, и того заставили одеть номера: «Без номера мы тебе ни бензин, ничего не дадим, одевай номера!». Он одел номера. Но было очень страшно, так как в основном все женщины по городу, мотаются в основном женщины, потому что женщин не убивали так.

И: На мужчин в основном реагировали?

Р: Ну, вот здесь вот, например, есть ресторан, получается его совла-

дельца племянник выехал в город, поехал искать хлеб, его на Ленина же снайпер «снял». И вот что делать? Говорю: «Я даже не знаю, что делать. Сейчас звонить в морги, фиг его знает, кто там в этом морге, куда увезли? В морг увезли. Ну, только завтра заберешь».

И: У рестораторов Ваших родственники погибали?

Р: Родственники звонили, говорили. А еще такие случаи были, один позвонил: «Жена рождает, что делать?». Я звоню в роддом, говорю: «рожаем», они говорят: «прям сегодня?», говорю: «так получилось».

И: Это вот который перинатальный?

Р: Нет, во все роддома звонили.

И: Какие только вопросы Вы не решали в этот период!

Р: Я не знаю, какие вопросы мы не решали, вплоть до медикаментов, кому-то что-то отвезти. Больше звонили: «нам кушать нечего», и мы: «собирайте быстрее контейнеры! Там 10 штук вот этого! Хотя бы 10 раздать».

И: Получается, 3 дня, как будто целая жизнь прожита, столько всего произошло.

Р: Потом мы просто испугались, что все уже стали знать, где мы находимся, я говорю: «Надо передать питание в ту точку, про которую никто не знает». И мы уже передали на другую точку питание и все.

И: Получается, 7 января Вы завершили свою деятельность?

Р: 7-го закрыли, я сказала, что закрываемся, хватит, потому что мы уже передали, поехали, договорились со спонсором, у нас объявился спонсор, он сказал: «не объявляйте обо мне, никому ничего не говорите». Мы полностью передали все списки клиник, детских домов, в кризисных центрах люди остались без еды – все ему передали.

И: Спасибо Вам за интервью!

ИНТЕРВЬЮ №6, ПОЖАРНЫЙ САЛАВАТ

И: Бізбен кездесіп, сұхбат беруге келіскеніңіз үшін рахмет. Бүгінгі әңгіменің тақырыбы осыдан екі ай бұрын болып өткен Алматыдағы қаңтар оқиғасына байланысты болады. Сол қаңтардағы болған оқиғаларды қазір есіңізге алғанда қандай сезімдерді тудырайды?

С: Біздің сменамыз түсті 5-і күнге. Негізі, 4-і күні усиление болды. Усилениеда біз басқа крыло болғандықтан, шақырылмадық. И 5-і күні өзіміздің дежурствоға түстік, усиленный вариантпен. И получается, таңертеңнен уже біз сменге түскенде, бір қорқынышпен, сондаймен түстік. Өйткені, алдымызда түскен балалар сол 4-і күні болған оқиғаға қатысып, шет жағаларын айтып берді де бізге. Сонымен 5-і күні түскеннен кейін, как положено, таңертең сменамызды қабылдадық.

И: Сіздер сменаны нешеде қабылдадыңыздар?

С: Біз сағат 8-де частьқа барамыз. Жуынып, қырынып, сменге дайындалып, сағат 8.30-да бізде развод болады. Разводтан кейін бастықтар өздерінің бір күнге тапсырмаларын айтады. Қандай өзгерістер бар, қандай жаңалықтар бар, оларды не істеу керек, қалай болу керектігін айтады. Сонымен, прием-сдачамызды қабылдап болғаннан кейін, сменге түстік. Одан кейін, шамамен, обед уақыты 14 сағат 15 минутта бізге 101-ден вызов түсті. Предварительно Бөгенбай батыр, 145 адресі бойынша орналасқан административное здание өртеніп жатыр деді. Біз үш отделение болып, сол жаққа бардық. Ең басында жеткен кезде, бізге қарауыл бастығы бұйрық берді, не істеу керек. Ең бірінші адамдарды құтқару керек. Келген кезде, получается, административное зданиенің оң жағында 4-ші этажда адамдар айқайлап, құтқаруды сұрап, типа: «Бізді құтқарыңдар», – деген сияқты айқайлап жатты да.

И: Ол қандай здание?

С: Ол получается прокуратураның зданиесі.

И: Өртеніп жатқан сол здание?

С: Иә, соның оң жақ бөлігі өртеніп жатыр екен. И получается, жаңағы кісілерді бүлікшілер келіп, 4-ші этажға қамап, сырттан құлттап кеткен ба, бірдеңке. Ең басында келген кезде, менің байқағаным, жерде кәдімгі мылтықтың гильзалары жатты, 12 дейді ғой. Ауылдан шыққаннан біз білеміз да, не мылтық екенін.

И: 12-ші калибр?

С: 12-ші калибр, иә. Мен оны көргесін, сразу кішкене уже қамыға

бастадым: «Мә, мына жақта не болған? Атысқан ба, не істеген?», – деп. Сонымен, келген бетте ең бастысы адамдарды құтқардық. Получается, Мақатаевадан бүкіл біздің 8-ші часть бар и 9-шы часть келді.

И: Бірігіп екі часть?

С: Иә, екі часть бірігіп, сол жақта ең бірінші келген бетте біздің мақсатымыз адам құтқару болды. Адамды құтқардық, одан кейін уже өшіруге бет алдық. Сол кезде біз жаңағы прокуратураның зданиенің арт жағында парковочный место дейді ғой, сол жақтан кіріп, арт жағынан өшірдік. Ал 9-шы частьтың балалары болса, Бөгенбай батырдың жол жақтан бастап өшірді, сонымен өшіріп жаттық. Негізінде, ол жақта адамдар көп болды. Бірақ в основном, ешкім ештеңе демейді да. Бірақ бізге келіп, көмектесіп: «Жігіттер, не істейік, қалай істейік?», – деген сияқты сұрап, олар не, гражданский адамдар ғой. Олар соның жанында тұратын кісілер ме екен, келіп: «Бізден көмек керек пе?», – деген сияқты көмектесті. Мысалы, рукавная линия дейді, рукавная линия тартып жатқан кезде, бізге келіп көмектесіп, «ананы алып бер, мынаны алып бер», – деген кезде жүгіріп барып, сол бізге көмек беріп жатты. Потом, где-то бір сағаттан кейін бе екен, бізге информация келді, но недостоверная была. Алмалинский РОВД-ға келіпті, сол жақта короче получается өртеніп жатыр екен. Біз уже өртті өшірейін деп жатырмыз. Сол моментте, біз гидранттан су алып жатырмыз, чтобы бесперебойная подача воды дейді ғой, соны обеспечить ету үшін, машинамыз сол гидрантқа жалғанып тұрған. И жаңағыны естігеннен кейін, мен балаларға айттым: «Э, че-то, жігіттер, менде плохое предчувствие. Давайте кішкене күте тұрайық, пока потолок жинаймыз, анау-мынау. Асықпай барайықшы», – дедім да. «Өйткені мына жерде гильзалар, бірдеңе шашылып жатыр». Ну, неше түрлі жағдай болуы мүмкін дегендей, кішкене неттім да... И сонымен, где-то 5 минуттан кейін бе, жаңағыны айтқаннан кейін цистерна толды. И Бөгенбай батырда тура парковка шығатын жағында гидранттар тұрған. Сол гидрантты барып, өшірейін деген кезде, Сейфулинадан, енді примерно десең, где-то екі мың, 1 мың мен 2 мыңның арасында адам жоғары қарай көтеріліп бара жатты. И где-то бір 60–70 адам ба, бізге қарай, Бөгенбай батыр жақта тура прокуратураның алдында тұрдық қой. Битіп қарады да и бізде жаңағы пожарный машиналар тұрды, одан кейін екі «скорый» машина тұрды. И бізге қарай полный адамдар бұрылып, бізге қарай жүгірді. Мен обратно қарай балаларға бардым. И балаларға айттам: «Э, жігіттер, жаңағы митингующийлар келе жатыр. Не істейміз, анау-мынау», – деп. Барып, машинаның кілтін алып үлгердім. Маши-

нының алдына келіп тұрдым. Ол жерде менің қарауыл бастығы, одан кейін бөлімше командирі және мен болдым. Тағы аға өрт сөндіруші, старший пожарный, екі пожарный спасатель болды. Сол жақта тура машинаның жанында тұрдық. И бізге, жаңағы парковқаға қарай, где-то 60–70 адамдай бұрылып кірді. Кірді да, арасынан бір 3 бала шықты, где-то бойы ұзындау келген, арық денелі. Ну, видно, что спортивного телосложениядағы балалар ғой.

И: Киімдері қандай болған? Қара ма?

С: Шынымды айтсам, киімі есімде емес. Ну примерно бет-әлпеттерін білемін да, кішкене ақшылдау келген балалар, бойлары ұзын.

И: Жас балалар, иа?

С: Жас балалар, да. Өзіміз қатарлы, даже бізден кіші-ау. Содан: «Жігіттер, егер жан керек болса, дейді, давайте киімдеріңді шешіңдер, жайлап бізге қосыла салыңдар. Ешкім сендерге ештеңе демейді, анау-мынау», – деп, соны айтып тұрды. Негізі, бізге келген кезде, олар ең басында, мен артқа қараған кезде, 2–3 адам тас лақтырып, кәдімгі сөйтіп жүгіріп келді де. Как будто болады ғой бір, жауын көрген ұқсап. И жаңағы 3 бала келіп бізге: «Осылай-осылай, қосылыңдар», – деді. Біз айттық: «Жігіттер, давайте, былай істейік, мына өртті өшірейік, сосын по ходу көреміз». Ну, пожар өртеніп жатыр ғой. И арасынан, где-то бойы кішілеу келген бала, ол примерно ше, толық денелі, бойы кішілеу, қараторы бала. Үстінде точно білем, қызыл куртка киіп алған. Сол тұрды да, бізге айтады ғой: «Давай, типа, мыналар кеше бізге аки-матта су шашқан», – деп еді, сол кезде бізді уже таяқпен ұрып бастады да. Қолдарында неше түрлі нәрсе ұстап алған, негізі, мысалы, дубинка ұстап алған. Тағы арматура и бетін пластиковая труба сияқтымен қаптап алған. И сол кезде бізді ұрып бастады. Начальник караула айтты, типа, безопасный жаққа қарай қашыңдар деген сияқты. И біз, получается, өртеніп жатқан, жаңағы өрттің ішіне кіріп, прокуратураның зданиенің 2-ші этажына келдік. Қасымда бір пожарный бала бар. Екеуіміз бір комнатаның ішінде отырдық. Негізі, қазір қарап отырсаң, күлкілі сияқты болады.

И: Ол кезде қорқынышты болған шығар...

С: Ол кезде расы керек ше, мысалы, өз өмірім көз алдымнан өтті. Столдың үстіне қарасам, канцелярский нож тұр екен, соны дос балама: «Ананы қарашы, жайлап тыға салайын», – дедім да. Вдруг қазір 5–6 бала кіріп, бауыздап кетсе мына жақта, ешкім білмей қалады деп ойладым и отырдық. Че-то бірдеңке тықырлап, біреулер жүріп жатты, бірақ біз жаққа қарай ешкім келген жоқ. Бірақ біз дос бала екеуіміз айттық:

«Не істейміз енді? Не болса да до конца тұрайық осы жерде. Так суждено, егер өлу керек болса, пожалуыста, өлеміз осы жерде», – дегендей айтып, екеуіміз сол жақта отырдық.

И: Кино болды десеңізші, кинодағыдай.

С: Мәэ, расы керек, кинода ондай болмайды бірақ. Шыны ғой, дос бала екеуіміз отырдық. Бүкіл өмірім ше, кәдімгідей, көз алдыма келді. Ең бірінші ойлағаным, мысалы, әке-шешем, бала-шағамды ойладым. Ертең, мә, не болады екен, қалай болады екен, мен өліп кетсем дегендей. И где-то бір 10–15 минуттан кейін жайлап тыныштала бастады. Сонымен дос балаға айттым: «Э, давай жайлап ашып көрейік», – деп. Жайлап терезеден қарап едік, вроде ешкім көрінбейді. И коридорда уже свет, бәрі өшіп тұр. Жайлап шықтық та, терезеден қарап едік, терезе болғанда, получается, біз бергі парковка жағында тұрдық. Арғы жол жақ беттегі терезеден бір кабинеттің есігі ашық екен, сол моментте, жаңағы митингующийлар біздің машиналардың үстіне мініп алған. Қазақстанның, біздің мемлекеттің флағын көтеріп и қолдарына, жаңағы дубинкамен машинаның жанынан ұрып бара жатыр екен, тарсылдатып.

И: Машинаны айдап бара жатыр ма?

С: Машинаны айдап бара жатыр. Сонымен, дос балаға тұрып айттым: «Жайлап астына қарай түсейік, бәрін іздейік, вроде бәрі кетіп қалған сияқты», – деп. И астына қарай келіп түстік. Түсіп едік, қарауыл бастығы тұр екен. «Че там, жігіттер, бәрі нормально ма?», – деді. «Иә, нормально». «Машина аман ба екен, барып көрші», – деді. Барып машинаны қарап едім, уже полный ішінде тұрған рукавтарымызды, жаңағы өрт сөндіруге арналған неше түрлі құрал-жабдықтарды, бәрін алып кеткен екен. Жаңағы машинаның замок зажигания дейді ғой, кілті болмағаннан кейін, бұзып, айдап кеткілері келген екен. Бірақ кілт менде болды. Сонымен, жаңағы қарауыл бастығына айттым: «Давай, менде машинаның кілті бар, не істейміз?», – деп едік, сол кезде ар жақтан үкен кісі келіп айтты: «Жігіттер, пока тұра тұрыңдар. Мына жақта тағы бір жігіттер тұр», – деді. «Аға, расы керек». «Бізге бәрібір, машинаның кілті өзімде, айдаймын. Жұмысқа апарып, машинаны қоямын», – дедім. Сонымен, қарауыл бастығы екеуіміз машинаны айдадық. Айдағанда да, артымыздан бір машиналар жүріп келді, сигнал беріп ше, «тоқта», – деген сияқты. Қарауыл бастығы: «Э, тоқтама. До конца частьқа». Келгенше, жолда қызыл-мызыл, ешқандай свет қараған жоқпыз. Тіке басып отырып, частьқа келдік та, сонда болдық. Предварительно осылай болды.

И: Сол 5–інші күні сізде қандай реакция болды? Не нәрсе сізді қатты қорқытты? Не нәрсе қатты таң қалдырды?

С: Мені негізі таң қалдырғаны, бүлікшілерді көрдім ғой енді. Примерно көздерін, действительно брат, мен ондай ше, көздерді өмірі көрген жоқпын. Көздері қып-қызыл боп кеткен. Көздері айналып кеткен, именно қызыл курткадағы жанында тұрған адамдар. Бірдеңе ішіп алған или бірдеңке шегіп алған сияқты ма, сондай немен келді. Олар ештеңе білмейді да, не істеп тұрғандарын.

И: Состояниялары түсініксіз?

С: Состояниялары да, бірдеңке қолданып алған сияқты адам болды да маған. Мен лично, қызыл куртка киген жігіттің көзін көрдім да, ондай ешқандай страх жоқ, вообще. Көзі айналып кеткен, қып-қызыл.

И: Не нәрсе сізді қатты қорқытты? Жаңағы, сіз тығылған кездегі ситуация ма?

С: Иә, негізі сол. Тығылған кезде өте қорыққанмын. Ең бірінші сол, айттым ғой, ата-анам, бала-шағыма не болады екен деп. Өйткені, жаңағы митингующийлар форма киген адамдарды көрсең, жауын көрген адам ұқсап, келіп сразу сөйлеспестен ұрып жатты көбісін.

И: Сіздерді ше? Ұрып бастаған кезде, Сіздер бригада болып тұрсыздар ғой, бір топ?

С: Бригада болғанда, где-то 6 адам ғана ғой. Бізде бір машинада 6 адамбыз, сол 6 бала тұрдық.

И: Сонда, келген 60–70 адамдардан тұратын топ Сіздерге жабылып, қолдарындағы дубинкамен, әртүрді құралдармен ұрып бастап кетті ма?

С: Жоқ, қызыл куртка киген адам айтты да, типа: «Бұлар кеше бізге акиматта су шашқан». И соны естіді да, сразу уже қасымызда тұрған толпа кәдімгі шу ете қалды. И сол шу ете қалды да и резко бізді ұрып бастады. Қасымда тұрған 3 адам болған. Олар типа: «Э, қойыңдар, қойыңдар», – деп еді, вообще естіген де жоқ, қараған да жоқ.

И: Сонда Сіздерді ұрып бастап жатқан кезде, сіздер басында қорғандыңыздар, сосын неге зданияға қаштыңыздар?

С: Иә, ең басында қорғандық. «Э, қойыңдар, жігіттер», – деп айтып едік, ондайға ешкім көнбеді. Сонымен ұрып бастады, дене жарақаттарын алдық. Менде бушлат болады ғой, мына ашық жерлері, кистытан удар тиді, гематома түсіп и обратно біз прокуратураның зданиесіне қашып бара жатқан кезде, арттан ұрды. И біреу кәдімгі арматура лақтырды ғой.

И: Олар сіздердің арттарынан еріп, кірген жоқ па?

С: Еріп кірген жоқ. Потому что, біріншіден, ол жақ өртеніп жатыр. Екіншіден, іші деген тізеден төмен су болды. Жаңағы пожарды өшіріп жатқанда, іші полный су болды. Может, сол себептерден кірмеді ме екен? Болмаса, сыртта тұрған машинаны алып, основной толпа оны алып кетіп бара жатқаннан кейін, дальше кетті ме екен? Ол жағын білмедім. Получается, біз частьқа келдік, частьқа келген бетте, машинаны қойдық.

И: Бұл сағат нешеде болды?

С: Где-то 4-пе, 5-пе екен. Сол шамада частьқа келдік, одан кейін түнде де выездар болды. Ең бірінші выезд Департамент полиции, Масанчи көшесіндегі болған. Уақытын білмеймін, бірақ кешкі уақыт. Ең бірінші замначальникқа барып айттым: «Осылай, осылай, аға мырза, типа, бізге выезд түсіп жатыр. Не істейміз? Барамыз ба?». «Бару керек. Өйткені ол біздің жұмысымыз». Сонымен мен тұрып айттым: «Типа, бізді на верную смерть отправляете», – дегендей ше. Өйткені қалада ситуация нестабильный болды. Біз, где-то түнде 4 выезд ба, 3 выезд ба жасадық, вот, бір скорый, бір милиция көрген жоқпыз. Бізде чисто тек қана пожарный машиналар ғана жүрді. Барып, бүлікшілер қиратқан, сындырған, өртеген заттарды барып, біз өшіруге сондай ғана жіберіп жатыр. Сол 1-ші выездымыз Департамент полиция жаққа бардық. Получается Сейфуллина даңғылымен жоғары көтеріліп, қателеспесем...

И: Масанчи - Қарасайда ғой, Сіз айтып отырған полиция Департаменті.

С: Қарасайға бұрылған, иә. Сол жаққа бұрылдық, Қарасайға Сейфуллин даңғылынан бұрылған бетте тоқтадық. Ар жақты қарап едік, қараңғы да. Ну алыстан көрінеді де, где-то топ-топ боп, адамдар жүр, полиция Департаментінің мына жағына кетіп бара жатыр екен. Қолдарында щит бар, дубинка ұстап алған. Сонымен бізде возможность болған жоқ та ол жаққа барып, өшіруге. Ол жақтан кейін «101» бізге отбой берді. «Возвращайтесь в расположение части», – деді, содан келдік. Екінші выездымыз неге болды, Розыбакиева - Төле бидегі «Магнумға» болды. Ол жақта да возможность болған жоқ. Потому что... Толпа адамдар. Сонымен обратно келіп, қайттық. И бір выездымыз неге болды, Толе би – Ауэзовада «Белый ветерға» болды. Ол жақта да тоже, жаңағы, неше түрлі бүлікшілер... Мародерство.

И: Көрдіңіз ғой көзіңмен?

С: Иә, елдер кәдімгі ішіндегі бүкіл товарларын алып и жаңағыдай өрт қойып жатыр екен. Сонымен, ол жақта да возможность болған жоқ өшіруге, қайтып келдік. И частьқа келіп, сонда болдық.

И: Бұл нешелердің шамасы еді? Үш выезд сіз айтып отырғаңыз?

С: 12-ге дейін болды.

И: Түнгі сағат 12-ге дейін?

С: Иә, получается, біреуі жаңа обедте болған. Одан кейінгісі, Департамент полицияда болды. Где-то кешкісін 8 шамасы ма екен, шамамен сол кезде. Одан кейін біреуі «Белый ветерде» болды. Где-то 9:30-10:00 шамасы. И біреуі 12-ге дейін, Розыбакиева/Төле бидегі «Магнумда» болды. Ол жақта да неше түрлі мародерство, «Магнумның» ішіндегі тележкасына заттар салып... Тонау фактілері, сондай көп болып жатты да. И толпа, толпа адамдар болды. Одан кейін келдік, и 12-ден кейін бізді еш жаққа жібермеді.

И: Іште болыңыздар деді ма?

С: Іште болдық, иә. Таңға жуық біз светін өшіріп қойғанбыз ғой частьтың, чтобы внимание болмасын деп ше. Өйткені, біздің часть тура жолдың бойында тұр. И получается, частьтың Сейфулина жақ бетінде Жетысуский РОВД тұр. Ол жақта түнімен атыс болды. Кәдімгідей мылтықтың дауысын естідік те, атысып жатқандарын. И одан кейін, недостоверный информация болған да, қалай айтсақ болады? Естідік, что митингующийлар Ташкентский/Бөкейхановадағы «SinoOil» жанармай бекетінде заправка жасап и дальше төмен аэропортқа қарай кетіп бара жатқан сияқты. Екі жағында да атыс болған. Біреуі жаңа Сейфулина жақта и біреуі не болды. Сол себепті біз светті өшіріп, частьтың ішінде болдық. И шамамен, где-то 4 шамасында ма, 3 шамасында, біздің жұмыс орнына где-то бір толпа адам келді. И келіп, терезені сындырып, ішіндегі машинаны алмақшы болды да. Бірақ біздің замначальника келіп, переговоры жүргізіп, сөйлесіп, «Жігіттер, осылай-осылай», – деп, сабырға шақырып, тоқтатып, частьта бір техниканы бермей, потому что айтты да, типа: «Бұл техникалардың кілті бұл жақта жоқ. Бұның бәрін жинап алып кеткен. Бұл жақта өзіміздің қарапайым балалар ғана». Соны айтып еді, жаңағы балалар түсініп, ештеңе демей, дальше төмен қарай түсіп, кетіп қалды, «SinoOil»-ға қарай. Ол где-то 3–4 шамасы ма екен? Где-то сол кезде.

И: Сіз осы қаңтарда болған оқиғаларды бір сөзбен немесе бір сөйлеммен белгілей аласыз ба? Атау қойып?

С: Бір сөзбен айтатын болсақ, таза беспредел дейді ғой. Таза беспредел болды.

И: Бұл Сіздің ойыңызша не болды? Көтеріліс па, халықтың ашу-ызасы ма әлде бір террорлық акт па? Алматыда болған осы оқиға қаңтарда не болды?

С: Менің ойымша, көтеріліс болған сияқты. Өйткені террорлық акт деуге келмейді да. Мен ол жақта көрген адамдардың қолдарында қару, ештеңе болған жоқ. Қолдарында, жаңағы, дубинка. Бірақ арасынан шығып, «осындай-осындай», – деген бір талап қойып, ондай болған жоқ.

И: Сол Сіз 5-і күні ситуацияны айттыңыз таңертеңге дейін, 6-ы күні үйде болдыңыз, 7-і күні де жұмысқа шықтыңыз, бірақ есте қалатындай жағдай болған жоқ дедіңіз?

С: 7-і күні, иә, ондай есте қалатындай жағдай болған жоқ. Өйткені, ол кезде мен резервный техникада болдым. Получается ол усиленный вариант и екінші караул, бізді резервный техникаға қойды. Ал 5-і күні получается біз өз сменамызға түстік, біз основной техникада болдық.

И: Сіздің ойыңызша, осы Алматыға қандай зиян келді?

С: Біріншіден, менің ойымша – халық. Халықта қорқыныш пайда болды. Одан кейінгі, жаңағы, үлкен-үлкен супермаркет, болмаса магазин-дерге ауыр болды. Шығын келді деп ойлаймын.

И: Қала ішіндегі ең үлкен шығын не деп ойлайсыз өзіңіз?

С: Қала ішіндегі ең үлкен шығын... Может акимат шығар. Өйткені, үлкен здание, өртеп жіберді, оны өшіруге де возможность болған жоқ.

И: Неліктен Алматыда болған оқиғалар осы біздің қаламызда ең ауқымды және жойқын жоспарға айналды деп ойлайсыз? Білесіз ғой, басқа қалаларда да болды? Батыс Қазақстанда?

С: Иә, Қазақстанның почти барлық қалаларында болды.

И: Бірақ Алматыда масштаб жағынан ең үлкен болды.

С: Менің ойымша, Алматыда приезжийлар өте көп. Может сол себепті өзінің қаласына деген бір жан ашу или басқа зиян келтірмеу деген ой болмаған шығар.

И: Түсінік болмаған шығар.

С: Түсінік болмаған шығар деген ой да. Өйткені, мысалы, Маңғыстауды алайық. Онда неғып ондай көтеріліп, мысалы, қаланы бәрін қиратып, сындырып, ондай жасамады да. Өйткені, ол жақтан бір адам шығып айтты да: «Біз өз қаламыз, өз қаламызға зиян жасамаймыз», – деген сияқты. Өйткені, видеодан көрдік. Ал Алматыда сырттан келген адамдар көп болғандықтан деп ойлаймын. Олардың қаласына жан ашу болмағандықтан и бұл жақта көтерілісшілердің арасынан бір сөзі жүретін адам болмағандықтан деп ойлаймын да. Сабырға шақырып, осындай талап деп айтатындай ше.

И: Уақытыңызды бөліп, сұхбат бергеніңізге рахмет.

С: Сізге де рахмет.

ИНТЕРВЬЮ №7, ЖИТЕЛЬНИЦА ГОРОДА НАРГИЗ

И: Месяц почти прошел, вот если вспомнить эти события, каким словом или фразой Вы могли бы их обозначить? Что они для Вас? Как Вы их оцениваете? Что это было вообще?

Р: Знаете, я могу сказать, в моей жизни это для меня был не самый тяжелый день, но для меня он был тяжелый в том, что я увидела ужас, и этот ужас у меня перед глазами стоит до сих пор. Я видела людей раненных, в крови, которых увозили на машинах, которых сбивала машина. Для меня это было, я не могу сказать переломный, но сломали жизнь, во второй раз в жизни меня сломали. 4-го я пришла с работы, не заходила ни в какие соцсети, я пришла домой уставшая в 9 часов, помылась, покушала и легла спать, дети что-то там шушукались. Утром 5-го проснулась такая вся бодренькая, говорю: «Доча, я, наверное, сейчас схожу в магазин». Она говорит: «Мама, какой магазин?! Вчера возле «Алматы Арены» собралась толпа людей, и они пошли к Площади». Я говорю: «А что они ночью-то там делали? Надо же это днем делать». А я вообще никогда в жизни на митинги не выходила, всегда хочу, но меня не пускают родственники. Я не за режим Назарбаева, я ни за левых, ни за правых, ни за «красных», ни за «белых», я за справедливость, мне нравится больше слово «справедливость». Я хочу, чтобы дети учились бесплатно, чтобы образование было бесплатное, в конце концов, я хочу, чтобы мои внуки ходили в бесплатный кружок. Дворец пионеров у нас стоит, но у кого 3 или 4 детей родители не могут позволить каждому ребенку оплачивать какую-то сумму, потому что родители сейчас с утра до вечера на работе. Дети, если у родителей денег нет, дети учатся дома и занимаются, чем хотят, а ничем они не занимаются, они сидят просто в телефонах и все. А я хочу, чтобы закончилась коммерческая жизнь, чтобы вот эта коммерция, торговля кончилась уже. У нас что ни постройка, то торговый центр, ни какие-то там детские кружки, где обучали бы детей, если у нас есть талант, люди же талантливых обучают обычно. Дочка мне говорит: «Мама, ты что, куда ты пойдешь, люди идут уже с «Алтын Орды» на митинг».

И: А Вы где-то рядом там живете, да?

Р: А я живу по Ташкентской. Я говорю: «Схожу, все равно мне надо в магазин». Я оделась поудобнее, обувь, курточку и пошла, но я не взяла с собой ни маску, ни воды, ничего, потому что магазины все закрыты были. Я просто капюшон надела и пошла, я просто думала, что это ми-

тинг такой, походишь с лозунгами и вернешься домой. Я вышла, идет толпа действительно, не толпа, а люди идут, и мужчины, и женщины. Я подошла на Ташкентскую, мне женщина кричит, мол: «ты не хочешь, что ли за внуков своих? Давай, присоединяйся, нечего стоять в стороне, пойдете!». Я когда стала проходить, вижу, по Момышулы машина стоит, я говорю: «А что было-то?».

И: Сгоревшая машина?

Р: Да. А со мной шел один мужчина, как-то он более интеллигентно выглядел, я к нему сразу примкнула, говорю: «А что за шествие?». Он говорит: «Мы идем с «Алтын Орды», вчера митинговали ребята, мы пойдём, сейчас их сменим, мы останемся, а они пойдут домой отды- хать».

И: Это по Ташкентской Вы шли?

Р: Да, это по Ташкентской до Саина, где «Prime». И я у него спраши- ваю, он говорит, я работал 40 лет учителем в школе, я, говорит, пошел за внуков. Видно, что человек умеет говорить и на казахском языке, и на русском языке, потому что я на казахском не умею говорить. И мы дальше с ним идем, разговариваем, то-се, потом дошли до Саина, и тут один молодой человек кричит: «Давайте подождем всех, а то мы так растянулись. Подождем всех». Ну, мы начали ждать всех людей, все люди подошли, и мы начали советоваться, как нам идти, чтобы выйти на Площадь, и один парень говорит: «Надо идти по Толе би, так мы быстрее дойдем. Прямо, никуда сворачивать не надо». Мы говорим, ладно, давайте, он же моложе, он, наверно, знает.

И: А почему на Площадь-то сказали? С чем связано, что Площадь именно?

Р: Потому что на Площади, говорят, ребята митинговали всю ночь, а теперь мы пойдём их поменяем, вот такой был разговор. Мы пошли, дошли до этого «Prime», и вот этот мужчина говорит: «Ребята, ни- чего не трогайте, не надо», – ну, он на казахском говорил. Там маши- ны, сгоревшие уже были, и они брали булыжники, и знаете как злость срывали, кидали булыжники в эти машины. Мы идем, и он говорит: «Ничего не трогайте чужое». И мы до Толе би дошли, а Толе би вооб- ще была разгромлена, мы поднялись туда, где рельсы, где «Казахтеле- ком» остановка, там уже даже рельсы были разобраны, кирпичи везде валялись. Когда мы дошли до «Нур Отана», он был уже весь разгром- ленный.

И: А «Нур Отан», где находится?

Р: По Толе би.

И: Районный филиал, да, там по-моему?

Р: Да, районный. И он уже весь был разбомбленный. И я еще говорю: «А когда это успели разбомбить?». Он говорит: «Да ночью, наверное, бомбили», – этот мужчина мне говорит. А я к нему примкнула.

И: То есть, вокруг были больше молодые казахоязычные парни, да?

Р: Да. Я так поняла, они идут с «Алтын Орды», это район «Кемертогана», там не живут русскоязычные казахи, там живут оралманы, там живут приезжие, в общем там живут все.

И: Там частный сектор или...?

Р: Там частный сектор. И с «Алгабаса» они шли, в «Алгабасе» тоже живут оралманы. Но ребята шли молодые, они шли опрятно одетые, интеллигентные, они не матерились, ничего, но есть там пару, которые: «о, я их сейчас это...» и начали кидать в «Нур Отан» камни, я им говорю: «Зачем вы кидаете?». Ну кто-то слышал, кто-то не слышал. И мы двинулись дальше, я пересечения улиц не знаю, мы по Толе би шли очень далеко зашли, я только увидела «Желтоксан» вывеску. И в нас начали кидать слезоточивым газом.

И: То есть, там впереди стояла полиция, да?

Р: Да, стояла полиция. Но в нас слезоточивый газ кидала не полиция, потому что впереди нас же шла толпа еще, мы, получается, в серединке, а в нас кидали сверху. И когда мы подняли голову, увидели, как парень убегает. И эти ребята побежали за ним в дома, там такие синие дома, я не знаю, что там за здание, синее здание, либо там какое-то заведение учебное, либо что.

И: А это во сколько было?

Р: Смотрите, я в 11 вышла из дома, где-то часа в 2 дня мы дошли до туда.

И: А Вам родственники не звонили?

Р: Связи же не было, единственное, когда я дошла до «Нур Отана», я смогла дозвониться, и единственный человек, кому я смогла дозвониться, это была подруга дочери. Я говорю: «Если ты дозвонишься, скажешь, что я пошла на митинг, он мирный, здесь все хорошо, скажи, что я пошла».

И: Но Вас сожженные эти машины не пугали?

Р: Я спрашивала этого мужчину, почему так, а он говорит: «А вы что, нигде не читали, не лазили?». Я говорю, что вчера спала, а сегодня интернета уже не было.

И: Но Вас не напугало это? Вы не приняли решение развернуть-

ся?

Р: Нет. Вы знаете, у меня было такое желание увидеть, что там, изнутри, пойти до конца. И я пошла. Около «Нур Отана» я снимала, а мужчина этот мне говорит: «Не снимайте, у вас сейчас заберут телефон и разобьют, не снимайте». И я его вообще отключила, положила во внутренний карман и больше я его не вытаскивала. И когда слезоточивый газ, люди все идут и кричат: «Давайте, выходите». А там же эта машина была, эвакуатор, на этом эвакуаторе стояло очень много народу, и этот мужчина вез их, а я уже идти не могла, у меня гръжа, я уже идти не могла. И мне парень один говорит: «Татешка, идите, туда залезьте, он хоть чуть-чуть вас провезет». И они меня затащили на этот эвакуатор, я залезла и сидела в этом эвакуаторе, хоть чуть-чуть проехала я. И я говорю: «Все, я отдохнула, дальше я пойду пешком». И там еще какой-то ехал джип, и женщины, которые шли со мной, они моего возраста и чуть старше, они сели в этот джип, мужчина им сказал, что я тоже туда еду, садитесь, я вас подвезу. По улице пока мы шли, люди раздавали минералку, «Макси чай», вот эти сэндвичи всякие.

И: Какие это люди?

Р: Люди были на машинах, на джипах. Машины, я вам скажу, были хорошие, без номеров. И самое главное, что они подъезжали, женщинам и ребятам раздавали, я сказала, что не ем такое, не буду кушать, поэтому я воздержусь, дайте мне бутылочку воды. Они мне дали воду, я опять нашла глазами этого мужчину в голубой куртке, я почему-то рядом с ним чувствовала себя защищенной, и мы пошли дальше. И когда мы свернули на эту улицу, с Толе би на Желтоксан, в нас стали кидать слезоточивые. Ребята побежали, догнали этого парня, а этот парень был военный, молодой человек, курсант или как там их называют. Уже начали его бить там, я побежала, говорю: «Вы не бейте, он выполняет приказ, он не гражданский, он военный». Там мужчины были, которые держали, чтобы его не били, а он плакал. И ему говорили: «Зачем ты кидаешь в нас слезоточивый газ?». И потом куда-то там его отвели и мы пошли дальше. Мы свернули на Фурманова, по Желтоксана мы поднимались, потом налево повернули.

И: А улицу не помните?

Р: Не помню. Там уже стоял впереди наряд, они как будто ждали нас оттуда, и они начали стрелять слезоточивым газом опять, и ребята еще одного ловят, и начинают его бить, говорят: «Сними форму», а он говорит: «Я не сниму», знаете, он плакал, говорил, это мой абырой: «Я не сниму форму, я давал присягу, я не сниму». И тогда все ребята ста-

ли говорить: «Смотрите, настоящий герой, он не снимает форму, он будет идти до конца». И один мужчина сказал: «Отпустите его, зачем он вам нужен? Не трогайте его». Его отпустили и мы опять пошли вверх. Вверх шли, шли, а там памятник какой-то, я не помню, что за памятник был, там еще ели растут и там было очень много газа, я уже дышать не могла, хоть бы шапка была, я бы ее натянула, а мне плохо было очень сильно. Я взяла бутылку и начала умываться, оказывается умываться нельзя, еще больше жжет, и парень подбежал и дал мне маску марлевую, такая, знаете, несколько слоев, а внутри вата. И я начала дышать.

И: Ничего себе, такая маска? Это же самодельная.

Р: Я начала дышать, пошла туда к елям, села и не могу. И я всех потеряла своих.

И: К елям. Вы же не по Кунаева шли?

Р: Я честно не помню. И мы опять пошли. И тут я встретила парня, с которым мы работаем вместе. Он говорит тоже пришел на мирный, но кажется он немирный уже. Но мы уже были, знаете, где, сзади Площади и там такие зеленые заборы и там внутри ребята выгнали транспортер, шли к ним со щитами. Вот эту машину выгнали они, там было очень много щитов, и ребята взяли вот эти щиты. Подъехала машина джип «Patrol» и там у него было наверху. А мы, когда шли по улице, было очень много одежды, вот этого обмундирования военного, которые со щитами идут, вот это было разбросано. Они собрали, оказывается, щиты, на эту машину погрузили, и когда мы стали к Площади подходить, повернули и на бугор начали заходить, начали вот эти щиты раздавать им. Ребята, кто-то брал палки резиновые, кто что и вот этот транспортер выехал, и я еще ему говорю: «где они могли взять этот транспортер?». И все, мы уже на Площади: народу тьма тьмуцая.

И: Но это было уже часа в 4?

Р: В 4–5.

И: Уже темнело?

Р: Не темнело, но смеркалось. И уже народ стоит. Я думаю – никогда в жизни столько народу не видела, говорю: «Боже мой, сколько народу!». Но акимат уже горел. И мы когда поднялись, вот здесь акимат, Площадь, а с этой стороны мы, наверх еще поднимались, где улочка. И мы дошли до сюда, я здесь встала уже, здесь уже горит, народу много. И когда мы поднимались наверх, и толпа наша идет, и вдруг она назад побежала, и я не успела развернуться, у меня же грыжа болит, и вот эта толпа меня развернула вместе с собой. И я говорю: «А что

случилось?». Коллега же со мной рядом шел, а уже и нет его, я развернулась и говорю: «Что случилось-то?». А там ходила женщина одна, она начала плакать, говорит: «Там стреляют в людей». Говорю: «Как стреляют? Наверное, резиновыми пулями». Она говорит: «Нет, настоящими пулями». И тут все стали кричать: «Разойдитесь! Разойдитесь!». Все расходятся, и проехала машина «Газель», я вот так вот отошла, и тут, знаете, подъем такой, бордюры, и вот эта машина проехала, и там лежали люди в крови, мужчины и женщины раненные, их уже куда-то увозили на этой «Газели».

И: Это с Площади, сверху, да?

Р: Я не знаю улиц. Вот здесь вот акимат, а вот здесь вот мы, там дорога идет вверх, знаете?

И: То есть, Вы в сторону Резиденции уже прошли получается?

Р: Да, выше. Вот здесь акимат, вот он горит, нас отделяет 600–700 м. И вот эта толпа вверх сначала, а потом резко назад, и очередь слышна, ну стрельба. А я же слышала стрельбу, я могу отличить, но я думала, что это резиновые пули. Но когда я увидела своими глазами, увидела, что люди ранены, в крови, кровь, у меня сердце начало болеть, у меня схватило сердце, я отошла. Я сама курю, но у меня в тот день ни сигарет с собой, ни зажигалки, меня уже вот так трясет всю, я уже отошла. И тут все говорят: «Пойдемте, всех не убьют!». И я думаю, действительно, всех же не перестреляют. И мы опять пошли. И эта женщина, которая ходила, плакала, она меня угостила сигаретой, я ее спрашиваю: «А вы что здесь ходите?». Она говорит: «У меня здесь 2 сына ходят, не могу найти их». И я ей говорю: «Вы не расстраивайтесь, связи нет, может быть сейчас». И в этот момент черная машина сбивает человека, не останавливаясь, проносится мимо. Подъезжает машина другая, они начинают ему кричать, чтобы он открыл двери, что этого мужчину надо увезти в больницу, а он не открывает. И эти ребята начинают: «Открой, мы тебе сейчас все разобьем». И он открыл, испуганный такой парень. Посадили к нему этого мужчину, сказали везти его в больницу ближайшую. И в этот момент толпа опять идет вверх, и снова кричат: «Разойдитесь все!». В кино я такое только могла видеть, такое эхо «разойдись!». И в этот момент оттуда сверху выезжает эта машина, транспортер, как танк он, и за ним сначала «Пожарка», а потом транспортер. И он даже не смотрел, что люди там стоят, он ехал на всей скорости, и он прямо так и уехал. И тут по толпе пошла молва, что это уехал начальник вот этих подразделений или чего там. Я думаю, ну слава Богу, он уехал, сейчас приказ никто не будет отдавать, чтобы

стрелять, так что, ребята, все нормально. И тут же опять начинается разговор, что там акимат, еще вчера подожгли его. И в этот момент взрывается в толпе напротив акимата машина, опять люди расходятся все. Парень сидит, а у него в голове или пуля пролетела или что, и я не знаю, что делать, все в крови. И вот которую марлевую повязку давали мне, я не знаю, что делать, эту марлю к нему приложила, обмочила, приложила и начала обвязывать голову. Он говорит: «Тате, рахмет», я говорю: «Ты может, куда-нибудь пойдешь в больницу, давайте мы отправим его куда-нибудь?». И тут опять начала бежать толпа, и меня опять подхватила эта толпа и вынесла отсюда вот на эту улицу, я не знаю, что за улицу. И меня вынесли, я вот так встала, меня трясет все, я уже ног не чувствую, у меня уже сердце, все, вот эта часть начала неметь, как боль перед инсультом, и я чувствую, что я уже на грани срыва. Я уже никого не видела, не слышала, у меня в ушах стоял шум такой. И ко мне подошел парень и говорит: «Тате, езжайте домой, вы уже такая бледная, езжайте домой». А он мне говорил на казахском языке. Здесь молодежь без вас, стариков, справится. Я ему говорю: «А что вы хотите сделать?». Он говорит: «Мы хотим свергнуть всех, пусть будет честный Казахстан». Я говорю: «Балам, вы с таким ожесточением не свергните власть, надо как-то по-другому». Он говорит: «Вы видите, убивают». И тут я увидела, проехала машина еще раз, эта же «Газель» проехала, опять она этих людей собирала, увозила, но там люди уже лежали друг на друге. Знаете, как в кино показывают, люди лежали друг на друге. Я испугалась, заплакала, он говорит: «Давайте я вам такси словлю». И тут машина какая-то подъехала.

И: То есть, там такси, машины ездят, да?

Р: Да. Такси «Яндекс», и он останавливает, говорит: «Отвезите татешку домой». А я села, впереди сидят интеллигентные люди, а я видимо была испачкана, что-то там на лице было, и он говорит: «Тате, вам куда?». Я говорю: «На Ташкентской меня оставьте, я там выйду». А этот парень оказывается был представителем «Яндекс такси», и он говорит: «Я езжу по городу, собираю свои машины, потому что эти машины участвуют в митинге, а мы только вчера или позавчера перед Новым годом купили 2 машины, которые стоят хороших денег, там по 13 миллионов что ли». Я говорю: «Да вы что, жалко, конечно, если ваши машины разгромлены, но говорю, пусть люди будут живые». Говорит, что вот мы до нескольких ребят не можем дозвониться, не знаем, где они. И мы выехали и поехали прямо по Абылай хана, там машина стояла без водителя, тот парень пересел в ту машину, и мы по-

ехали по Ташкентской, потом меня довезли до Аэродромной, сказали: «Тате, может, вы сами доедете?». Я говорю: «Конечно, я сама доеду». И я стала ловить такси, остановилась возле меня белая машина, я сказала: «Ребята, довезите меня, пожалуйста», они говорят «Қанша?», я говорю, что вообще денег нет, «Каспи» не работает, они мне говорят: «Садитесь, тате». Я села. И когда мы доехали по Ташкентской, не доезжая моста, вот где Момышулы мост же есть, туда нас не пускают. А ребята, уже другая толпа, они стояли и уже жгли машины, было очень много машин, они сожгли эти машины и этими машинами перегораживают путь. И этот парень говорит: «Мы только оттуда сверху с митинга едем, со вчерашнего дня там стоим, вы нас пропустите. Вот, у татешки спросите», а я открыла окно, говорю: «Да, балам, я оттуда». А тот парень посмотрел, еще записал номер. У меня лицо было испачкано, они сказали: «Ну, ладно езжайте». Остановились возле «Арзана», они меня высадили, и я ушла домой.

И: Это когда Вы вернулись?

Р: Я вернулась домой где-то в 18:30.

И: 5-го утром Вы вышли?

Р: Да, это было 5-го. В 10 я вышла из дома, где-то 10:20.

И: Но вот те люди, которые шли с Вами, они о чем говорили?

Р: Мы шли с этим мужчиной, и говорили в основном про школы, про детей. У меня, говорит, сын пошел по моим стопам, работает в школе, дочка пошла, работает химиком, и я учитель, говорит, всю жизнь. И вот мы с ним, с другими я не особо разговаривала, потому что, я же говорю, я не особо на казахском разговариваю и не сильно много понимаю. Когда долетит до меня какая-то фраза, я из этой фразы строю общую картину. А он и на казахском хорошо говорил, и на русском, но я не видела, что это были люди террористами, это были обычные люди. Там вот парень шел среди нас, говорит: «Мне 35 лет, я ипотеку плачу, уже не могу, тате, у меня уже нервы сдали, я уже жить не хочу, а у меня 5 детей». Одна ему женщина говорит: «Что ты жалуешься, что у тебя 5 детей, кто тебя заставлял столько рожать?». «А у нас у казахов, – говорит он, – нельзя иметь по 1–2 ребенка, мы с многодетной семьей». И вот так на такие темы мы шли, разговаривали. Те, с кем я шла, они вообще не разбивали ничего. Единственное, пару штук камней бросили в «Нур Отан» и все. И когда на следующий день, я включаю вот эти видео и говорю: «Нет, вот этого не делала наша «команда», которая шла с «Алтын Орды», они не делали этого, доча, они правда не разбивали». Она говорит: «Мама, это может быть до вас». Я го-

ворю, видела, что только «Нур Отан» сожжен, вот эти все банки, не видели, что они разбомбленные. Единственное, две «Пожарки» стояли, горели, 2 машины военные сожженные вот, кстати, когда мы ехали, машины еще 2 сожгли.

И: То есть, паники не было, просто шли в сторону акимата, потому что, говорят, там наши стоят и чего-то добиваются, да? Не отставки акима, Президента?

Р: Нет. Даже таких лозунгов не кричали. Мы кричали: «За свободный Казахстан!», «Медицина бесплатная!», «Учеба бесплатная!», – мы вот это вот кричали. Когда шли, выкрикивали: «Медицина бесплатно, учились чтобы бесплатно, повысится пенсия!». «За пенсию», – я, конечно, больше всех там накричала. Пенсию с 58 лет! А они все кричали, чтобы кредиты все наши обнулили. А я еще иду и говорю: «Ты же кредит сам брал, тебе государство не навязывало кредит, ты брал на свои нужды, поэтому не нужно насчет своего кредита говорить. Вы идете для чего? Мирный митинг. Например, медицина, обучение бесплатно, чтобы пенсионный возраст с 58 лет шли, мужчины 60 лет. А почему вы про кредиты, чтобы они вам списывали их? Вы живете на квартирах, а берете «Айфоны» за миллионы, потом страдаете, ходите».

И: А вот полицейских Вы видели в действии?

Р: Нет, ни одного полицейского я не видела! Ни одного! Единственное я видела, что «скорая помощь» стояла, она была вся разбитая. И когда я спросила, зачем вы «скорую помощь», у нас и так машин мало. А один парень ответил так, что ночью ее поймали на том, что она возила оружие, он мне так сказал. Я говорю: «Да? А откуда они оружие взяли?».

И: А кому они возили оружие?

Р: Не знаю. И вот так обрывками можно было услышать. И вот я еще чему удивилась, когда ребята ехали, мы ехали в джипе каком-то, там у них были телефоны, я ему еще говорю: «А что связь есть?», он говорит: «Да, есть. Народ идет с Толе би, а у вас направление откуда?», те говорят: «с Фурманова» (ну «связь громкая»), «с Фурманова идем», он говорит: «Ну все, на Площади встретимся». Я потом телефон включила, а связи нет. Я говорю, интересно, у вас связь есть, а у нас нет, у вас, что, другая связь? У нас «Билайн», «Теле-2» не отвечает. Он так ничего и не ответил, и через 2 квартала он нас высадил, теперь идите пешком. Мы там с одной женщиной, нет чтобы развернуться и домой идти, уже грыжа болела, а я все хотела посмотреть изнутри, что

же там на Площади происходит, потому что уже шум идет, что Площадь горит. Но не было такого слова, что там людей расстреливают, но вот когда мы пришли, в этот момент начали стрелять. Хотя ночью, говорят, тоже стреляли, но мы этого не знали. Видать те люди, которые шли со мной вместе, они тоже этого не знали, были не осведомлены.

И: А на Площади самой, Вы, наверное, не слышали, что хотели, зачем все туда стекаются?

Р: Свергнуть власть Назарбаева. Они не хотели, чтобы эта власть была, «Шал, кет!», – они кричали, а я еще думала, причем тут «шал», причем тут «кет», он может умер уже. А я еще подумала, зачем вы, уже же были приказ, что Токаев, что он взял на себя все обязательства, причем здесь шал, если уже Токаев отдает приказы? И потом начали кричать: «Назарбаева в отставку!», «Все Правительство в отставку», всех депутатов, все. Вот это я слышала.

И: Получается, что все равно какие-то политические требования были?

Р: Были, конечно.

И: А я все не могу понять, почему Вас эта паника не охватывала, что домой надо сбежать, вот уже на Площади, когда Вы были, все равно же страшно?

Р: Я хотела понять, это правда или нет, что они стреляют в людей. Я хотела просто убедиться, правда ли стреляют в людей. Шел же слух, что Токаев давал приказ, а я шла, защищала, говорила, что он не может. Я всегда хотела пойти, я всегда за справедливость, но у меня дочка говорит: «Ты не выдержишь пыток, тебя будут пытаться». А я правда не выдержу пыток. А у нас ипотека, мы законопослушные люди.

И: Надеюсь, Вы на следующий день уже не пошли?

Р: На следующий день, у меня ключи забрали уже, я их напугала сильно.

И: И вот этот переход от мирного к немирному, он все-таки был? Вот эти сожжения машин, зданий? Или это не эти были, а другие?

Р: Я так думаю, что здесь немирный. Потом, когда я начала читать, что 4-го собралось столько народу, это же надо призвать чем-то их, это же надо как-то призвать. Здесь все-таки больше то, что очень хорошо спонсированная программа, хорошая подготовка была. Потому что так люди мирные не пойдут на это, вот такие как я, мне зачем крушить и что-то? А мародерство началось, я так думаю, учитель не пойдет мародерствовать, интеллигентный человек не пойдет, даже среднестатистический, такой как я, я – средний человек, у меня средний достаток,

ниже может даже среднего, но я не пойду воровать и мародерствовать, потому что у меня интеллект не позволит, мой внутренний стержень не позволит этого сделать. Кстати, парни там ходили с дубинками, у которых не было видно лица, говорю: «Зачем вы так лицо закрываете? Как преступники ходите?». Но это уже было ближе, когда мы подходили уже к Площади, было очень много одежды военной, раскиданной, прямо много ее было, вся улица была забита. И я видела, как они отходили, отходили, назад отходили. Потом они загрузились в эту машину и уехали, но какая улица – я не знаю.

И: А когда эти выстрелы начались, говорили, кто стреляет? Это были именно военные или кто-то из толпы неизвестные стреляли?

Р: Нет, именно вооруженные стреляли, военные.

И: Значит, это не были какие-то провокаторы, подставные, условно?

Р: Нет, нет.

И: Значит, 5-го на Площади были военные, которые стреляли?

Р: Да. Я же говорю: первый раз с толпой пошла, в эту толпу начали стрелять, их вывезли всех. Вторая толпа опять пошла, и я опять с ними пошла. И уже когда третий раз можно было пойти, но я уже не могла уйти, и меня потом толпа вот так вынесла.

И: А они потом куда? Они потом акимат захватили?

Р: Нет, акимат уже горел всюю. Акимат и вот улица с левой стороны, не с той стороны, а с левой стороны.

И: Фурманова?

Р: Да. Она вот так наверх, а еще наверху вот так вот люди стояли. Где парк и люди сверху смотрели, я все хотел наверх забраться, и хорошо, что не забралась, я бы оттуда просто не смогла убежать, там люди просто зеваки, вышел, покуривает, прогуливается и смотрит, что там. Я все хотела туда забраться, но не смогла подняться по ступенькам.

И: А вы вообще любопытный человек или как?

Р: Нет, я не любопытная.

И: Слава Богу, что живы остались, не покалечились, ничего такого не случилось. Спасибо за интервью!

ИНТЕРВЬЮ №8, РАБОТНИК СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ МАРЖАН

И: Бізбен кездесіп, сұхбат беруге келіскеніңізге үлкен рахмет. Біздің бүгінгі сұхбатымыздың тақырыбы осыдан бір ай бұрын болып өткен Алматыдағы қаңтар оқиғаларына қатысты өрбитін болады. Қазір осы оқиға сізде қандай сезім тудырайды?

С: Сезім болғанда, қазір сол кездегі жасалған ұрлық дейді ғой, тонаушылық. Енді біз супермаркетте істегеннен кейін, кәдімгідей охранның, тем более охранада істегеннен кейін, тонаушылық жаңағы келіп, ұсталып жатқан адамдар оформляют етеміз ғой кражаларда. Бір жағынан қарайсың, аяйсың, бір жағынан қарайсың, жауыз да. Былайша айтқанда, бір-біріне жан ашуы жоқ, халық ертеңін ойламайды. Өйткені ертең даже жарайды «Магнум» тонасын, любой бір басқа бутикті тонасын, хотя бы соның ішінде жүрген аға-қарындас, бауырларының жұмысын ойлау керек еді. Мыналардың жұмысы тоқталып қалады ғой, бір нәрсе болады ғой деп. Ертеңгі күнді ойлау деген жоқ болды да халықта, сол күні келген кезде.

И: Сіз бұл оқиғаларды бір сөзбен немесе фразамен белгілей аласыз ба, атау қойып осы қаңтардағы?

С: Негізі, құтырдық қой былай қарағанда.

И: Сөйтіп ойлайсыз ба?

С: Негізі мен өзім айтам – құтырдық. Себебі ондай үлкен кредит менде де бар. Бірақ никогда в жизни, тәрбиеге де байланысты ғой, барып, біреудің затын тонап. Жарайды, тонаған жарайды, берді, ал дегеннің өзінде де сап қып, оны түсіріп, жерге мыжып оны. Біреуге барып, пышақ тақап, автомат тақап, құтырған до такой степени, ақша сұрап ше: «Ақшаларың қайда?», – деп. Алтындар шашылып жатыр, алтынды алды. Техниканы тонап жатыр, жарайды, понимаю, қарындары аш халықтың. Тонасын «Магнумды», тона. Бірақ деген пышақ тақап, «ақша қайда?», мысалы, главный кассаның орнын сұрап ше. «Ақша қайда?», – деген өте анандай, құтырдық.

И: Барлық алматылықтар қаласа да, қаламаса да, қаңтар оқиғаларына қандай-да бір рөлде қатысты. Біреуі белсенді қатысушы болды, екіншісі бақылаушы болды, сырттай бақылап жүрді. Осы оқиғалар сіз үшін қалай басталғанын толықтай егжей-тегжейлі айтып бере аласыз ба сипаттап?

С: Сипаттағанда, наверное, мен бақылаушының рөліне кіретін шығармын. Шеттен қарап сол.

И: Оқиғалар сізде қай күні басталды?

С: Қаңтардың 5-і күні получается, остановка бар менің жұмысыма жетпей, тура соның бойында квартира жалдамалыда тұрамын. Таңертесін тұрсам, баррикада қойып тастапты. Сотрудниктер емес, правоохранительные органның адамдары емес, кәдімгі қара халықтың жігіттері. Машина не ары емес, не бері емес, магазиндердің барлығы жабық. Барлық магазиндерді жауып, одан бөлек жолда өртенген машиналар тұр. «Kaspi» істеген жоқ қой, мен 1000 тенге алу үшін, по Ташкентской төмен түсуіме тура келді. Сол кезде бүкіл картинаны сырттай көрдім. Даже ана элементарно просто видеоға түсіріп жатты ғой қыздар, қазір телефонға түсіреді ғой барлығы. Телефонға түсірген адамды өз-өздері ұрып соғып жатыр да, быт-шыт боп. Ол жерде мен айтпаймын таза Алматының адамдары деп.

И: Сырттан келгендер болған сияқты ма?

С: Тілдерінен анық көрініп тұр. Өйткені мына жерден қанша жыл істеп жатырмын және бұл жерде, в основном, 90% населения сырттан келген адамдар. Оралман десем де, оралман да деп айтуға болмайды енді. Басқа жақтан келгендер.

И: Сырттан келгендер.

С: Сырттан келгендер, Өзбекістаннан келгендер, олардың тілдерін өте жақсы білемін мен. Сол кісілер: «Бүйте қойсашы, сүйте қойсашы», – дейді. Өздерінше баррикада жасап алған, магазиндерді тонаған, заправканы тонаған. Содан жаңағы анадай бутылкалар бар ғой стеклянный бутылка, соның ішіне коктейль Молотова дейді, как бомбочка сияқты. Сондай жасап, қаланың ішін в общем тас талқанын шығарған ғой, былайша айтқанда.

И: Сіз жұмысқа қай күні бардыңыз?

С: Жұмысқа мен 5-і күні келдім. Иә, 5-і күні получается, мен ары-бері жүріп, 6-сы күні таңертесін үйге келіп жатсам, бастығым звондайды. Менде ол күні выходной күн болған. «Выйдешь вечером на смену на ночь?», – деді. Менің негізгі жұмыс уақытым 12-ден 12-ге дейін. Бірақ 7-сі күні болатын. Я говорю: «Хорошо». «Выйдешь на смену, потом приедешь, я тебе все объясню», – деді. Сеть біресе ұстайды, біресе ұстамайды. Бық-шық. «Егер сен сменге шыға алмасаң, мен саған ренжімеймін. Әркімге жан керек, анау-мынау», – деп. Мен ойладым, сөйтпін айтқанға: «Құдай сақтасын, глобальный бір нәрсе боп қалды ма», – деп. Мен ойладым, тоналса, қала тоналып жатқан шығар, заправкалар, кішкентай құттай-құттай магазиндер. Бірақ ни в коем образом это не «Апорт» деп ойладым, потому что білмеймін енді, барлығы өзіміздің

население. Күнде «Апортқа» келетін адамдар, бала-шағасын «Funku Town»-да ойнатады, тамақтарын «Магнумда» алатын адамдар.

И: Даже кейбіреулерін танысыз? Күнде көресіз?

С: Иә, күнде сәлеметсіз де. Еште сол күні ше мені көріп жүрді ғой олар. Сөйтіп бастығым деген: «Выйди на смену вечером 6-го», – деді. Я: «Хорошо, выйду», – дедім. Сөйтіп кешкісін 6-да шықтым. Жолда балалар ары-бері жүр екен да, жаяу жүргіншілер. Солармен бірге деген, тұман. Жол үсті тұман болды, вообще свет жоқ. Қорқынышты, апокалипсис сияқты болды. Сөйтіп әрең дегенде «Апортқа» жетем, бастығым айтады: «Осылай күндіз бізге де кірді. Видеосын барлығын дайындап, ертең маған айтасың, жарайды ма?», – деді. Видеосын бәрін флэшкаға жазып қой деді. «Жарайды», – деп, «түнде кірмейтін шығар, тұман ғой, халық қой, қорқады ғой», – деп, сондай ойда болдық қой біз. Сөйтіп тамақ, шәй ішіп алдық, сағат кешкі 19:40. Ровно 19:40-та видеоға бардым да, балалар кіре берісте входта тұрды да.

И: 7:40-та ғой кешкі?

С: Иә, кешкі 7:40-та. Мен 6-да келіп алдым сменге, қабылдадым сменді. Балалармен обход жасап шықтық, кассовый зона кішкене тас-талқаны шықты, кішкене ғана. Соны көріп, реттестіріп, кабинетке бардым. Видеоны жазып жатсам, жаңағы бізде жауып тұратын қақпаны ролл-шторы деп айтады, соны қағып тастайды, «Апорттың» охранасы: «Келе жатыр», – деп. Ана «келе жатыр» дегенде, как будто кинода бір соғысты көресің ғой, «они нападают», – деген сол сияқты ше. «Келе жатыр», – деп айғайлайды еште, ролл-шторды қолымен қағады да. И мен түсінбеймін, не істесем болады. Балаларға айттым: «Жарайды, кетейік», – дедім служебный входқа қарай. Сөйтіп «Магнум» плакаты болатын үлкен кіре берісте. «Керек болады видеонаблюдение, видеоны алып тастау керек», – дедім. Алдым да, видеонаблюдениенің есігін жауып тастадым плакатпен. Сөйтіп плакатпен есігін жауып тұрмыз, сағат 19:40. Біз артынан жүгіріп келдік те «Апортқа», алдынан мародерлармен бірге кірдік.

И: Как будто сол толпаның ішінде жүрген адамдар сияқты?

С: Как будто сол толпаның ішінде жүрген адам сияқты кірдік. Кірсем, қарасам, «Апорттың» охранасы бар екен, дружинаның балалары бар екен. Қолыма бір дубинка ұстатты олар. Балаларыма бір-бір дубинкадан ұстатты да: «Никому алкоголь ішкіздіртпе, алкоголь алдыртпа», – деді. Я говорю: «Ренжімейсің, бірақ олар «Магнумға» кіреді, біз халықты ұстай алмаймыз», – дедім. «Максимум что можем, адамды по чуть-чуть, по чуть-чуть жібере аламыз, әліміз жеткенше». Сыртқа

қарасаң, кәдімгідей адам жиналып қалған ғой, 200–300 адам. Кәдімгі үлкен, не ғой, көлем. И барлығы: «Біз кіреміз, үйтеміз, сүйтеміз», – деп жатыр ғой енді. Сөйтіп деген «Апорттың» охранасы айтты: «Ренжіме, 20–30 дамнан кіргіземіз. Қолымнан келгені сол ғана, тек қана спиртной іштіртпе». «Неге, спирное по любому ұрлайды ғой. Жартысы спиртнойға келді ғой жастар барлығы». «Өйткені бұлар, короче, ішіп алады да, тағы да алаңдатады. Коктейль «Молотова» тағы жасайды. Тағы да кипишь, хаос болады осы арақтың үстінде», – деп. Я говорю: «Ладно, жарайды». Дубинканы алып алдық та, ішінде жүрдік, обход жасап. Кіре берістегі балалар темекіні де ұрлап жатыр. Ұрлап жатқанда, продукты тонап жатыр. Жабайылық қой, жабайылық. Бұл таза алматылықтардың қолынан келмейді.

И: Сіз осы есіңізге алып көріңізші, ол адамдар негізі ұрлағандардың көбісі жастар болды, да? Әлде аралас па?

С: Бірінші жастар кіріп бастады.

И: Неше волна болды? Олар бір топ келеді, ұрлайды, кетеді. Екінші топ келеді. Осындай топтардың қаншауы болды?

С: Былай болды ғой. Бұлар бәрі митингта болады ғой, якобы митингта болады. На самом деле митинг емес, бұлар Ташкентскийдің бойын жауып, жаулап алған. Машиналарды өртеп тастаған, настоящие митингующие были в акимате, а которые беспределщики, вот боевики беспределщиктар, олар Ташкентскийдің бойында, жаңағы машина өртеп, беспредельничать етіп, ары-бері жібермей, это уже вандализм. Это неправильно. Ол кісілерді митингующие... сол кезде бұл жерде жас балалар целый день далада жүрген жас балалар түрлерінен-ақ көрініп тұр, бірінші жас балалар кіре бастады. Средний возрасттары 18 бен 30-дың арасындағы жас балалар. 20-30 адамнан, 20-30 адамнан, прям жүгіріп кіреді, керектісін алады, жаңағы, темекісін, суын алады да шығып кетеді.

И: Олар негізгі нені алып жүрді осы жастар бірінші?

С: Бірінші келген жастар темекі мен суды алды.

И: Тек қана?

С: Өйткені бізде кірген жерде, ролл-шторды сындырды ғой олар, қақпаны сындырған кезде, кірген жерде бізде кассовый зона тұр. Кассовый зонада темекі тұрады. А кто знает, «Магнумға» кіретіндер темекінің қайда тұрғанын барлығы біледі. Темекі, сағыз, шоколад. Сондай майда-шүйделерді алады да жастар бір-бір пакеттен, қалталарына сиғанын салып алып кетеді. Бірінші солар кіріп бастады, а уже где-то сағат бір 12–1-ге таман уже анандай әйел адамдар, кәдімгі школьник

балаларымен. Еше деген: «Тәте, ұялмайсыз ба?»...

И: Түнгі бір-екілерде?

С: Түнгі, иә. Мынау, кәдімгі осы районның адамдары, кішкентай балаларымен бірге. Кішкентай болғанда оқушы, ес білетін бала уже, оң-солды анықтайтын бала. Кіргенде айтасың ғой енді, ішің ауырып айтасың ғой: «Не үшін кіріп бара жатырсыз? Балаңызға не үйретіп жатырсыз?», – десем, «Сен қазір маған бермесең, сырттағыларды на-травить етем», – дейді. «Қазір саған айтсам, аналар саған сүйтіп кетеді, бүйтіп кетеді!», – дегенді айтып жатыр ғой. Я говорю: «Маған бәрібір, тәте. Ажалым сіздерден кеп тұрса, жарайды, бопты, бәрібір». Сондағысы, я понимаю, тамақ ұрласа екен ше. Жетпей жатқан сұйық май, күріш, ұн ұрласа ше, мен түсінемін, иә, халық аш. Жоқ, олар ұрлағанда, жаңағы, «нон-фуд» деген отдел бар бізде, тамақ еместің отделеы ше. Сол отделеға кіреді да, полотенце, жаңағы столға қоятын, орындыққа қоятын чехолдар. Душқа қоятындар, сондай. В общем, тамақ емес заттар ғой, кіріп, сұйық май алса, ұн алса, баласына шоколад алса, түсінесің. Келіп ап, мына жерде өңшең хрусталь, посуда не керек десеңізші андай кезде?

И: Адамдар қолына түскенін бәрін алды десеңізші бір сөзбен?

С: Жоқ, қолына түскен емес, таңдап жүрді.

И: Таңдап жүріп алды ма?

С: Таңдап жүріп кәдімгідей. Тонап, быт-шыт қылып, бізде тележка 100 теңгеге салынып алынады ғой, тележканы 100 теңгемен салып алынады. Это уже обозначает, что это уже наш покупатель. Өйткені біздің филиалда ғана 100 теңге салынып алынады.

И: Олар біледі дейсіз бе қалай алу керек екенін?

С: Да. Өйткені басқа филиалдарда ондай жоқ. Экспериментальный филиал біздікі болғаннан кейін, 100 теңге біздің тележжаларға ғана салынады да. 100 теңгені салып аккуратно оған, бірақ тележка үшін бірін-бірін өлтіруге барды, шыны керек.

И: Тележкаға таласып па?

С: Конечно. Обычный тележка бітіп қалғаннан кейін, стеллажбен тасыды, рохламен (спец тележка) тасығандар болды. Ол точно наглость қой.

И: Қару асынып, қарумен, суық қарумен кірген жастар болды ма?

С: Әрине болды.

И: Олар қандай киімде болды?

С: Так, біреуі кірді. Ол анандай военный форма, военный дегесін, рыбактар, охотниктар киетін киім ғой, барлығы.

И: Ұзын курткалар?

С: Бүкіл жаңағы боевиктердің киінген киімдері, жаңағы, рыбақтар киеді ғой душлат сияқты асты-үстімен? Сондай киген. Ал бетінде строго жаңағы спецназдың қара маскісі болды ғой.

И: Жабық жүздері?

С: Көзі ғана көрініп тұрады и еріні ғана ашық тұрады, болды, сондай киіп алған. Үстілерінде безрукавка, мына жерінде гранат. Өмірімде гранат көрмегем. Мектепте ғана көргем мен гранатаны. Қолдарында автомат, дробовик, сайга. В общем, нелері бар, соны алып алған.

И: Сол қарулармен сіздерге, сіздің жұмыстастарыңызға олар сес көрсетті ма? Агрессивті болды ма олар?

С: Жоқ.

И: Олар тек тонаумен айналысты?

С: Бізге емес, олар, шыны керек, мен «Апорттың» кіре берісінде тұрдым ғой, «Магнум» мен «Апорттың» кіре берісінде тұрдым ғой, сол жерде кірген кезде жеті адам кіріп келді полный вооруженный, от и до. От головы до ног полный вооруженный кіріп келеді. Кіріп келеді де, олар айтады: «Біз «Магнумға» кірмейміз», – деді. Не керегі бар оларға продукты? Зачем им марасться? В принципе жас балалар тоже. 30–35 шамасындағы. «Біз «Магнумға» кірмейміз. Бізге банкомат қайда, соны көрсет, «Технодом»». И «Апорттың» бүкіл передвиженіесін біледі. Значит, ол «Апортқа» келіп жүрген постоянный посетитель. Енді «Апорттың» балалары, охранник балалар, дружиналар сөйлескісі келді ғой: «Достар, қоя салыңдар, анау-мынау. Керек заттарыңды алыңдар да, короче, бүлдірмей, алаңдатпай кетіңдер. Банкоматтарды не істейсіңдер?», – деп жатыр ғой. Бірінші банкоматтарды атып бастады. Балалар сөйлесуге барып еді, балаларға қарай екі рет атты да, жаңағы, охранник балаларға екі рет атты. Дауысы енді, дробовиктің дауысы өте қатты шығады екен. Сөйтіп не керек, балалар, короче, жан керек қой, қашты «Апорттың» охранник балалары жан-жаққа қарай. Пока аналар шыққанша, жеті бала. Еще деген үшеуі «на шухере» дейді ғой, үшеуі қарап тұрады да, ана төртеуі получается көтеріп кетеді де, «Технодомды» алып шығады. «Технодомды» алып, машиналарына қойып тастайды да, одан кейін барады да, сөйтіп и полный сыртан қарайсың.

И: Кезектесіп жатыр дейсіз ғой?

С: Иә, бірін-бірін кәдімгідей. Хотя они были в нетрезвом состоянии. Қайдан білдім? Олар по манерам общения. Сөйлескенінен, жап-жас бала. «Битіп ұстау керек, сөйтіп ұстау керек, атып тастау керек».

И: Айналаңыздағы адамдарда үрей, қорқыныш болды ма? Оларда не болмаса бір сіздің есіңізде қалатын ерекше іс-әрекеттер?

С: Ерекше іс-әрекеттің біреуі, менің, получается, екі контролер СБ входта информационный стойканың жанында тұрады. Қарап тұрды олар, потому что ар жағында видеонаблюдение кабинет қой. Бізге барынша сол кабинетті сақтап қалу керек болды. Сөйтіп қарап тұрған кезде, бір жас бала кіреді. Подросток, бір 18–19, студент явно. Қара көк, темный көк курткада келеді. Қолында несі бар, мылтығы бар. Келеді де, бірінші аспанға атты. Бізде әлі даже үстінде несі бар, тесіктері бар автоматтың орны. Аспанға атқаннан кейін, мен сразу ішіне кірсем, оказывается, ішінде жүр екен ол. Аспанға атып бастады да, бір кезде екі бала бері қарай келе жатқан, ішінде анау-мынау алып, жинап. Пакетке жинап, сөйтіп жүрген. Алады да, соның аяғына атады. И алады да, бір-бірін көтеріп далаға шығып кетеді. Жаңағы раненый екі бала бір-бірін көтеріп, далаға шығып кетеді. Анау где-то бір 10 минуттай жүрді де, түк алған жоқ, просто алды да, шығып кетті. Атып, атып, шығып кетті. Дені сау адам, мне кажется, өйтіп істемейтін сияқты.

И: «Магнумды» тонады, сонда барлық нәрсені алды ма? Сіз айтқандай, таңдап алғандар болды, сосын жейтін тамақ бөлімін, чипсы, шоколадтар алды, және тұрмыстық заттарды алды. Кассаға тиісті ма олар?

С: Иә, бірінші кассадан алды ғой жас балалар, бірінші кассаны тонап кетті. Мына кассада бізде денежная ячейка деген болады, сонда кассирлар ішіне ақша салып қоятын. И маған бір бала келіп, пышақ тақайды: «Ақшаларың қай жақта?». Менің өзімнің қалтамда екі мың теңге ғана бар, жолдың ақшасы. Жолдың ары-беріге, тамаққа деп, «Магнум» істейді деп келгем ғой, мың теңге алып. Сөйтіп маған айтады: «Ақшаларың қай жақта?», – дейді. Мен айттым: «Айналайын, міне, ұзыннан-ұзақ, бірінші касса мен он сегізінші кассаның бәрін ашып шық. Бір тиын тапсаң, сенікі. Таппай жатсаң, маған кел, қалтамда екі мың теңгемді мен саған берем, прям ақшаға қиналып жатсаң». Қолыңда кәдімгі үйде мясо рубить ететін, мясорубка пышақ болады ғой дәу столовый? Сондай ғой.

И: Одан кейін қандай жағдайлар болды?

С: Таңға дейін уақыт өтпей қойды.

И: Тонау сағат нешеге дейін жалғасты?

С: Получается мен 6-сы күні сменге түсемін, кешкі 19:40-та, 7-сі күні мен видео полностью жаздым ғой, 7-сі күні сағат 15:30-ма, сондайға дейін тоқтап қалды полностью. Потом бір-екі адамнан, бір-екі адам-

нан, солай айтқанда 5-те. Ровно бір сутка десең де болады ғой.

И: Бір күнге жетер жетпес уақыт адамдар толықтай «Магнумды» тонаумен айналысты ғой, иә? «Магнум» қаншалықты зардап шекті осы сіз жұмыс жасайтын?

С: Полностью. Даже склад, складтан бөлек бізде мынау мясной деп айтамыз ғой, цехымыз бар өзіміздің СП (Собственное производство). Соның ішінде сотрудниктарға тамақ істеп қояды, салаттар бар, готовый продукция, халық соған дейін алып кетті ғой.

И: Осы кезде сізді не қатты таң қалдырды және не нәрсе сізді қатты қорқытты?

С: Шыны керек, ештеңеден былай «ойбай» деп қорыққан жоқпын мен, потому что 4 жыл андай, өзіңнің менталитет деп айтса да болады, ренжитін де шығар бірақ менталитет деп жатырмын. Андай бір қорқыныш, ештеңе болған жоқ, единственное один момент, что, когда анау, жаңа айттым ғой жеті адам вооруженный кірді ше, балаларға атты ғой, сол кезде переживать етіп, күнде араласып жүрген балалар ғой, «Апорттың» охранныктері, соларға біреуге тиіп кетті ма деген переживание.

И: Жарақат алмасын деп.

С: Иә, момент был, когда адамдар деген мына баррикададан адамдарды жібермей жатты ғой не былай, не былай емес. Сол моменттерде біреуге анандай бір нәрсе тиіп кеткен шығар, андай-мындай, бірақ бір жағынан ойлаймын, тонап жатыр, бүлдіріп жатыр, сауап, сол керек деп қоясың да аналарға ше, обычный адамдарға. Охранныктерге жаның ашиды, потом ішім ашығаны, мен қорыққан да жоқпын, андай бір нәрсе де болған жоқ, как будто солдат болдым, «тұрасың до конца» дейді ғой, сол сияқты. Жұмысқа келдім, жүрдім, контролировать еттім, ішім ашып тұрды, ұратын адамды, ұрып та алдым ше.

И: Кімді ұрдыңыз?

С: Ұрғанда болғанда, прям ұрған жоқпын, просто бір қыз кірді подружкаларымен. Үстінде кәдімгі солидный киініп алған, көзінде наращивание ресниц прям, ухоженный қыз да.

И: Жағдайы жоқ деп айта алмайсыз?

С: Жағдайы жоқ деп айта алмаймын мен. Оның жанында менің жағдайым нашар деп ойлаймын ше. Ана қыз кіреді, түсінем ше, заттарды алып жатыр, тамақ алып кетті біріншісінде. А, жарайды, может жағдайы жетпейді. Екіншісіне келіп, подругаларымен, сосын төртеуі жүріп, үшіншісіне где-то 500 мың товарын шығарып тастады. Сөйтіп «Апорттың» охранныгіне айттым: «Мына қызды тоқтатып алығы-

зшы», – дедім. Қыз болғанда, әйел адам, екі баласы бар екен. Қызды тоқтатып алды. Бұрын «Магнум» қысқартқан кезде, мынандай ішінде пустой помещение болатын, сол жаққа кіргізіп алдым да: «Неменеге тонайсың сен, нең жетіспейді?». Бұл айтып бастады сказканы: «Мен квартирада тұрамын, мен көшіп келгем, менің күйеуім жоқ». Может действительно солай да шығар. Сөйтіп бастады да ол маған. «Тонау деген осы болады ма?», – дедім. Сөйтіп апарып жатқан последний продуктысын алып алам да, оны үйіне жіберемін. «Енді келсең, ренжіме», – деп ше. «Мына жерде мен сені өлтіріп қойсам да, сені ешкім іздемейді», – дедім да. Ну, жалпақ сөзбен айтқанда.

И: Қорқытып айттыңыз?

С: Иә, сөйтіп айттым да, оны жібергем. Менің ішім ашиды, шыны керек. Үлкен кісі болып, жағдайы нашар болып, анандай бишараланып келсе, другое дело. Анау бір прям тонауға емес, бір как будто бір свиданияға келген адам сияқты.

И: Жаңа сіз айтып отырсыз да, 17–18 жасар, даже одан да кішкентай балалардан, жасы үлкен апа-аталарға дейін тонаумен айналысты ғой сонда «Магнумда»?

С: Иә.

И: Әртүрлі жастағы адамдар?

С: Иә, түнімен келген адамдар үйге барады да, үйлеріне, көршісіне айтады. В основном, бәрі общагада тұратын адамдар ғой, бір общагада кем дегенде 10–20 адам, семьядан тұрады. Барады да айтады екен: «Осылай, осылай, «Магнумда» тегін таратып жатыр», – деп. Өздері сондай, өзі сондай ашып жіберген, потому что жалғыз өзі баруға қорқады ғой адам. Жанына группа, «көп түкірсе, көл», біраз адам боп барса, уже оборона сияқты. Бұлар сөйтіп айтады екен да, жанындағы анау аңқау көршілерін бәрін алып келеді. Барлығы бірге қосылып, ұрлайды. Қазірдің өзінде, мысалы, күніне 10–15 дамнан ұсталып жатыр ғой мародерлар. Ұсталғанда, сұрайсыз ғой: «Апай, не үшін істедіңіз соны? Сондағы алғаныңыз бір пакет товар, анау-мынау», – деп сөйтеміз ғой, «э, көршім айтып еді, «Магнумда» бесплатно беріп жатыр, анау-мынау деп айтты», – деп.

И: Сіз сол 6-сы күнгі өзіңіздің көргендеріңіз бар, соның нәтижесінде қандай қорытындыға келдіңіз? Не ойладыңыз? Қорытынды ойыңыз қандай болды сіздің?

С: Қорытынды ой дейсіз ба? Қорытынды ой жоқ қой, құтырдық и все. Басқа ештеңке айта алмаймын, бір-біріне деген жан ашу жоқ, Құдайдан қорқу деген жоқ.

И: Осы Алматы қаласына қандай зиян келді деп ойлайсыз? Қала үшін ең үлкен шығын не?

С: Қала үшін ең үлкен зиян ол адам шығыны шығар. Біріншіден, жаңағы видеодан, неден көріп жатырмыз ғой, Instagram-нан, жан-жақтан, «все это полный ужас, это наш последний день», – деп, ана әке-шешесіне обращение жасап жатыр видеомен. Вот сондай моменттерде мен, мысалы, інім бар, сестренкам, сол моментте ойланып қалдым: «Не дай Аллах, конечно». Ана акиматтағы сотрудниктар, байғұс, бишаралар, обычный жұмысын істеп жүрген, біз сияқты адамдар ғой, мысалыға. Обычный адамдар просто, просто-напросто өліп кеткендер-ау. Жаңағы, машинада семьясымен отырған ғой, оның 6 жастағы қызы бар, кішкентай бөпесі бар, соларды атып тастағандары, енді, білмеймін не. Қай жақтан болсын, билік жақтан болса да, адамдардың өздері жақтан болса да, адам өлтірген... Ладно, тонасын, киім, техника, алтын, оның бәрі дүние, ал адам жанын ешкім қоя алмайды орнына.

И: Неліктен Алматыда болған оқиғалар ең ауқымды және жойқын жоспарға айналды деп ойлайсыз?

С: Алматы – мегаполис. Одан бөлек, бізде андай приезжийлар көп.

И: Сырттан келетіндер?

С: Сырттан келген, басқа мемлекеттен келген адамдар көп болды, беспредельщиктарды есептеуге болады. Қазір сол кісілердің зардабының кесірінен, кәдімгі өзіміздің Алматының местный адамдары бар ғой, тұрғылықты тұрып жатқан, туылып өскен, «менің Алматым» деп шықты ғой сол күні митингке. Олар олай ойлаған жоқ қой сол террористердің арасына кіріп кетеміз деп. Олар митингке шықты, соның арасына кіріп кетті, оның арасында барлығы болды. Үлкені, кішісі, кәрісі, барлығы болды и жаңағы «бір құмалақ бір қарын майды шірітеді» дегендей, сырттан келген адамдар үшін, анандай жағдай болған өте обидно.

И: Үлкен рахмет уақытыңызды бөліп, сұхбат бергеніңізге.

С: Рахмет.

ИНТЕРВЬЮ №9, ЖУРНАЛИСТ ДЖОН

Р: Что это было? Казахский бунт, как говорят «бессмысленный и беспощадный». Началось с ночи с 4-го на 5-е. Дело в том, что я живу на перекрестке... Ну, как мы, к горам же считаем вертикальные улицы, а которые идут, как бы сказать, с запада на восток, это мы считаем не вертикальными, а горизонтальными. И вот, выходя на балкон, мы всю ночь «наслаждались» буханьем, бабаханьем со стороны Площади. И понятно, что там что-то творилось. Причем, интернет работал хорошо, были сведения, что там, сям волнения. Рано утром...

И: Так, стоп, 4-го днем про то, что на «Алматы Арене» что-то собиралось, Вы ничего не знали?

Р: Вечером только узнал. Было приковано внимание к Жанаозену: что там все обошлось, что люди поддержали по всему Казахстану. Мы же сейчас не поклонники марксизма и ленинизма, что поднялся там пролетариат или поднялись казахские «пауперы», это было непонятно, но было понятно, что есть некая связь. То есть, она могла быть безвоздушной, бестелеграфной, безинтернетной, просто поддержали Жанаозен, такой момент тоже был. Может, он большой, может, он маленький, не мне судить, но он был, потому что Жанаозен, он как символ. И вот ночью стало ясно, что какой-то пипец пришел, и не примерно. Всю ночь грохотало там. Какие-то звуки долетали, а потом пошли звуки, как фронт. Потом это все утихло.

И: К утру?

Р: Ну я, скорее всего, заснул в этот момент. Утром я шел на работу, 5-го числа. У нас шеф был на работе, и мы пришли. Я пешком хожу, это примерно 4–5 км, быстрым шагом, тем более, народу нет. Тишина жуткая. Но когда на Шевченко уже какое-то бабаханье, и в воздухе запах уже чего-то ненормального, химического. Это примерно 10 утра, может быть, даже чуть позже, плюс-минус. Я подхожу к работе, на улице все коллеги и обсуждают это грохотание. Мы не знаем, что там творится, мы слышим только грохот. Среди нас русский человек, надо сваливать. Вызываем такси, не получается, один согласился за 5 тысяч, но решили – дорого. И вот мы идем по Шевченко до Байтурсынова и тут видим, что с Байтурсынова идут клубы дыма на перекресток. Там снизу все в дыму, ничего не ясно, туман, хлопки, крики, вой этот звериный, никаких там тебе: «Шал, кет!», ничего, просто: «ууууу!». Байтурсынова/Джамбула мы еще не видим, там же горочка. И потом из дыма

показываются 5 солдатских бушлатов. Все такие «маломерки», извиняюсь, где они таких курсантов берут? Так вот смотришь, наша молодежь сейчас рослая, высокая, но там никакой рослой, высокой молодежи не было, кроме офицеров. И наш русский побежал. К ним! Не в обратную сторону! Туда! Русский человек. У него на шее подарок от «Кока-Колы», шарф, потом он им защищался, вытянув эту руку.

И: У Вас нет таблички «Пресса»?

Р: Нет ничего. «Пресса» у меня в сумке, я ее надел потом, чуть позже. Мы подходим, там все в дыму. Наконец, я вижу эту толпу. Там стояла машина «Урал», в которой ребята стояли со светошумовыми гранатами, просто там дым. Как там в этом дыму, скажем так, протестанты выживали – непонятно, они либо накаченные, либо адреналин такой, мы несколько раз вдохнули и чуть не сдохли. Нашего коллеги нет. Потом один какой-то омоновец, тоже, кстати, очень хиленький, говорит: «Вы отходите, гражданские или кто вы тут». Он понял, что мы не протестанты, взрослые люди, одеты не по-спортивному, скажем так. Мы отступаем, отступаем. И вот после Джамбула, когда дым развеялся, я вижу длинную ленту народа, и конец ее теряется возле Никольской церкви. Вот когда говорят «20 тысяч террористов», может, собственно террористов не было. Я не знаю, почему так президента ругают за это, но, слушайте, город разнесли не 20 тысяч, это минимум, а 35 тысяч, это просто мама, не горюй.

И: Что они делают? Стоят или что?

Р: Нет, постоянно швыряют камни, брусчатку, не знаю, где они их отковыряли, но они кидают и кидают. И когда уже чуть ли не в нас, мы обогнали отступавших солдат, на перекрестке стояли, смотрели, и отступили в сторону «Тропиканы», уже не видим, что там творится. И не заметили, что ребята обтекли их с разных сторон, с запада, с востока и с другими, и ударили им в спину, этим солдатам. И коллегу мы потеряли из виду.

И: С Курмангазы?

Р: С Курмангазы. Мы бежим в обратную сторону. Бежим, потому что это невыносимая гарь, это просто, все бегут. Там бежали ребята-зеваки, я и коллега, он тоже плакал и задыхался, у него адреналина-то не было в крови, он даже падал. Никакой человеческой гуманитарщины, чтобы я его поднял – я даже не думал, свои жопы спасали. Добежали до работы, там вахтер, он бывший военный, говорит: «Вы что, идиоты, не понимаете? Там рубка идет!!!». Это говорит человек, который по звукам понял это все. И говорит: «Я вас не пущу». Мы отступаем

до Сейфуллина.

И: Вы не зашли?

Р: Не зашли. Мы же трясемся, где наш коллега? Русский человек.

И: Вы его искали?

Р: Как «искали»? Мы боимся туда пойти, мы отступаем до Сейфуллина. Тут встречаем журналистов, не помню их фамилии, они говорят нам: «Не снимайте, даже не думайте, они уже и прессу тромбят. Они вообще тромбят любого человека, который их снимает и прессу, жестко идет установка. Уже ребята есть, к ним подходили и говорили: «Э, кто ты такой? Че ты меня снимаешь?». И почему это было инспирировано, объясню позже, это железно. Мы добегаем до Сейфуллина, а толпа уже претя по Шевченко в нашу сторону, понятно, что эта толпа прорвалась там и к Абая, но мы-то здесь! Мы поднимаемся по Сейфуллина и снова отступаем по Курмангазы, уже Курмангазы вся забита. И что мы видим? И мы видим, что с этих вертикальных улиц выбегают 5–6 парней, у одного в руках были уоки-токи, это маленькие радиостанции, которым все равно, есть у тебя интернет или нет. У тебя уоки-токи, у меня и у пятерых, и он может говорить с тобой напрямую. Понимаете?

И: Как типа рация?

Р: Да, это и есть рация, Вы просто невоенный человек, уоки-токи, это рация для полицейских. Не телефон, еще раз подчеркиваю, не телефон, а рация. Табличка «Пресса» уже на мне, я еще думаю – в ней постою. А с этих вертикальных те говорят: «Э, жағыңдар! Тез!» (поджигайте быстро). Такая толпа – «уууу», человек 50–60 из этой улицы. А там стоят такие городские жители, компания, девочки-мальчики: «Где здесь можно кофе попить?». Я так понял, что искали какую-то мелкую кофейню, а их же на Абая много. Так они к этим пацанам (протестующим), а те: «Э, не тұрсыңдар?». Понятно, что эти городские поднялись и чухнули куда-то, как сейчас помню: в желтой куртке, в синей, ну такие, видно же, городские. К нам не подошли, потому что борода есть, ну не ваххабистская, старческая, явно не их контингент. В общем, забежали к одному знакомому и у него сидя узнали, его знакомые звонили, сказали, что горит бывший ЦК Компартии. А мы, когда к нему шли, уже слышали автоматную очередь.

И: Давайте по времени. Это во сколько было?

Р: Это было уже обеденное время.

И: Но не 15:00? Не после обеда?

Р: После обеда мы уже сидели у знакомого, вышли от него в таких су-

мерках, это часов 5-6. И так же быстро пошли до Дворца спорта. Мы шли, когда домой, мы спокойно дошли, пустой город, но навстречу шли по 3-4 человека, но это уже были не вот эти заряженные ребята, а просто казахские ребята. Возможно, даже не городские, они шли быстрым шагом в сторону Площади. А когда мы сидели у знакомого, он говорит: «Не вздумайте к редакции ходить!». У нас есть великолепные кадры с наших видеокамер, как один парень подходил с закрытым лицом, палкой сбил камеру, как перед этой камерой убивали солдата, реально убивали. Его раздели, подкидывали, он падал, сначала с ним браться начала какая-то компания, а потом поток идет и идет, они его потащили в сторону Сейфуллина, возможно это одна из будущих смертельных жертв, потому что парень уже был никакой, мало того, что его били, и в лицо пинали, еще подкидывали. Это, кстати, зэки подкидывают так: человек падает, почкой или головой.

И: И Вам знакомый сказал: «не вздумайте идти»?

Р: Конечно! А там же место, рядом, господи, 2 шага! Он говорит: «Не вздумайте, здесь толпы шатаются, они всех бьют!». А русский коллега наш оттуда каким-то чудом вылез, прижимая этот красный «кока-кольный» шарф.

И: Получил по голове?

Р: Нет, он получил по руке, я думаю, если бы он получил по голове, то он бы там остался, наверное.

И: То есть, он побежал перед Вами. Что он видел?

Р: Что он видел – эта толпа как ринулась! Мы тоже видели этот момент, поэтому убежали. Они просто там на Джамбула разбили эту цепь, ему дали втык, как мы поняли, и он там потерялся. Наш коллега тоже бежал в сторону Байтырсунова уже в толпе бегущих солдат. Они бежали вдоль Шевченко, там есть такой дом старинный советский, весь первый этаж утыканный МСБ, и там есть МСБ такой, подвальное помещение, там танцевальное. Коллега говорит: «я ничего не вижу, меня солдатики тащат эти бедные, не бросают меня, это на полпути к редакции. А этот солдат, парень молодец, он пнул эту дверь, она такая хлипкая дверь, они забежали в этот подвал, а там 2 двери и ни одна не открывается. И вот полный подвал людей. Вот прежде, чем в подвал лезть, перед этим же нужно выстроить некую конструкцию. Вот сбоку этой конструкции лежат 15 избитых солдат, щитами закрылись, но в тот момент их еще не добивали, они просто лежали побитые, реально побитые, еще побитые сюда залезли в соседний подвал».

И: А если бы протестующие увидели, они бы их...?

Р: Мы уже потом их судьбу не знаем, кто его знает. И коллега наш говорит: «Я понял, что я попал в западню, я солдат поднимаю и говорю: я в армии служил, нас здесь убьют, давайте». По ним, по ним, потом выбежал, а тут уже все, толпа. Причем, это все происходит: основная толпа здесь, а остальная толпа еще медленно отступает солдат, они с боков их просто, они по центральному...

И: Ни командира нет?

Р: Командиры есть, но такие командиры, знаете, они и солдаты, как мухи.

И: Но солдаты, это Нацгвардия, да?

Р: Нацгвардия или курсанты, я так понял, потому что совсем молодые дети.

И: А не было полиции, никого?

Р: Полиция была, но беспощадно их рубили, вот которые с дубинками, в космо-шлемах этих. И коллега говорит, что выбежал и начал кричать: «Гражданские! Гражданские! И оттого, что я русский и оттого, что я еще с красной тряпкой, от меня, наоборот, шарахались». И там они в осаде сидели 5 человек. Так вот, я поскольку был в одном из эпизодов этой «битвы» на Байтурсынова, потом я видел по интернету, что случилось в том месте, откуда мы ушли с Сейфуллина – там перед McDonald's человек 6 ментов просто убивала толпа – это вот гуляет по сети. Это вот та толпа, от которой мы «верхами» убежали, обогнули их, к знакомому попали, а коллега в осаде. И самое жуткое, рядом с ним разорвалась граната, он оглох на одно ухо, еще неделю не слышал, ну со звоном слышал. Рука у него, слава Богу, кость не отбита, а попала в костную ткань, лилово-серая была. Мы ему говорили: «Дурак, засвидетельствуй!», но русский человек рассказал: «Херня! Это счастье, что не сюда прилетело. Я вот так повернулся. Удар. На адреналине я даже не понял, какой удар. А потом, когда в редакцию зашел, весь плачущий, сморкающийся, на пол упал, потому что я уже не мог ни бежать, ни дышать, мне плохо было». В общем, я четко видел, пусть они не говорят, что голодные массы. Все это было удивительно четко для казахов организовано. Просто вот: выбегают, разгоняют перекресток, а потом свистят и эта толпа. Направление главного удара.

И: И так, какая-то толпа шла по Толе би, какая-то вверх поднималась.

Р: Основная шла по Толе би. Они докатили туда быка. Ну бык с яйцами (скульптура), где? Он же стоял у магазина «Метро», они быка скovyрнули. Ну это что за адская работа, что его надо было толкать до

Комсомольской? Они что хотели с ним сделать? Я тоже понимаю, это адреналин.

И: А этот адреналин естественный? Или все же были какие-то «травы»?

Р: Были, были. Я не буду называть фамилии, один парень, тоже журналист, не буду называть его имени, он придумал фразу: «Шал, кет! Саган рахмет!», когда он ее крикнул, на него очень косо посмотрели. Он видел, как бородатые ребята, которым в общем и в целом это харрам, курили «соль», ну «соль», это наркотик. Если мы сейчас накуримся «солью» – мы с вами в животных превратимся.

И: Ну видно, что что-то курили, да?

Р: Курили. Но нельзя говорить, что они прям все «накочегаренные» были, они имели самое главное приказ, и они ему жестко следовали. Поэтому я не знаю, как это квалифицировать: терроризм или нет, или такое высокое самосознание казахской молодежи. Они были заряженные и все молодые. Но там мы заметили интересную подробность – некоторые ребята светились лицом. У человека, мужчины, парня светится лицо, когда он побреет голову, побреет многодневную щетину, это прям бросалось в глаза, он разгоряченный, все, и прям румяный такой. Это он был с бородкой, но потом ее сбрил. Это я вот на присяге могу. Такие лица были. Там и бородачи были, но были и реально побритые ребята. И все еще, вот все говорят, что какие-то не похожие на казахов типа. Нет, я бы не различил, узбек или казах, но я одну вещь скажу – этих рож я никогда в городе не видел, скажем так, это где-то там ниже Ташкентской, «Алтын Орда», этих лиц ты в городе не встретишь, а если и встретишь, то очень редко. Коллега сказал: «бандерлоги порвали мой город». В принципе и такая характеристика имеет место быть, вот и все. Понимаете, если какая-то организация на беспорядке, а мы в данном случае о беспорядках говорим – это одно. Другое, что люди из себя изображали в лайковых перчатках и несли какие-то лозунги. Но то и другое будет одинаково, потому что это же все равно организация. В любом случае это организованный митинг, и самое главное – туда же были вбуханы деньги. Очень хотелось бы узнать, сколько стоит такой спектакль.

И: Ну да, как нам рассказывали, что подъезжали машины, раздавали напитки...

Р: Там эти носились, на мопедах развозили. И они что, были гуманитарщики или что? Вряд ли, вряд ли. А вообще социологи или как называть их, они знают контингент, кто на мопедах рассекает? Наверняка,

он очень разношерстный, там и городские ребята есть, и студенты, и люди, которые, как бы это сказать, обслуживающие люди. Их могли зарядить. Но я их не считаю преступниками, их гонять за это, что они там, не надо. Но я надеюсь, что не было прецедента, что они таскали в этих своих, там не поместится даже самый короткий израильский автомат и т. д. Наркотики, возможно.

И: Без разницы, да? Просто много разных, да?

Р: Просто вот без всякого ящика, без мопеда, подъезжали на машинах. Почему, странно, не возникает тема: «у кого отбирали машины»? Ведь они разъезжали без номеров. Многие сняли номера, чтобы...

И: Откуда эта мода взялась – снимать номер? По рассказам это был едва ли не главный опознавательный знак. То есть, если ты без номеров, то тебя пропускали.

Р: У меня родственник снял номера.

И: Вот откуда он узнал?

Р: Он живет в этих именно всяких «алгабасах», потому что страшно ему, что менты за ним придут, а это опознавательный знак, конечно.

И: 7 января выехала, видела, по городу стояли машины без номеров, вдоль дорог, по Шевченко, по Курмангазы.

Р: И я еще одного не могу понять, почему говорят «жестокая стрельба», это излишки производства, извините меня. Теперь алматинцы будут наученные, что, когда будет второй раз, а это, я думаю, что прецедентная вещь, как выяснилось, это легко организовать или трудно, но факт, что это была либо интенсивная, либо протяженная работа. Я в этой конспирологии не силен, но оказывается, это можно организовать. Ну это было ясно и по «арабским веснам», я думаю, там технологии одни и те же.

И: Большое спасибо Вам!

ИНТЕРВЬЮ №10, ЖИТЕЛЬНИЦА ГОРОДА АЙНУР

И: Спасибо, что согласились встретиться с нами. Если взять какое-то слово, предложение или образ, как бы Вы назвали то, что произошло в Алматы в те дни?

Р: Вот то, что сейчас говорят «январская трагедия» – да, действительно трагедия была.

И: А вот для Вас, например, эти события, которые были в Жанаозене, они значили что-то? Вы следили за митингами в Актау, в Жанаозене?

Р: Да, в соцсетях мы это все читали, следили. Я сама живу на Новой Площади, и уже 3 января уже оцепили наш район, уже начали глушить интернет и туда таксистов не запускали. 4-го числа уже были усиления там.

И: Вы не ходили на работу в тот день, да? Сидели весь день дома?

Р: Да, потому что у нас онлайн работа, и у меня ребенок, 10-летняя дочка, мы с ней дома только вдвоем были.

И: А у Вас не первый этаж?

Р: Нет. Помню, днем я хотела еще выйти, мне нужно было у кого-то забрать там вещь, и этого человека не пропустили, так как у нас оцепили район, я пешком до Абая прошла. И когда обратно хотела вернуться к своему дому, я уже не могла пройти, потому что полицейские меня не пропускали уже.

И: Это во сколько было?

Р: Это было днем, после Жанаозена у нас уже усилили, Площадь особенно. Я им объясняла, что у меня там дома одна дочка сидит, они сначала не слушали, не пропускали, но потом в итоге пропустили все-таки.

И: А что они говорили?

Р: «Нельзя» и все, даже ничего не объясняют, ничего не проверяют, просто не пропускают в сторону Площади. А у меня-то дом находится именно в той стороне, и вот туда никого не пускали. И когда я даже объясняла, что у меня там дом, квартира, я там живу, у меня там дочка, даже так не слушали и уже у меня там истерика началась, переживала, что вдруг я сейчас не попаду, а у меня там дочка одна. В итоге все равно пропустили.

И: Пропустили. А за Вами никто не пошел, чтобы проверить? Просто со слов?

Р: Да, со слов, поверили. Я пошла домой, потом следила по новостям,

что происходит.

И: А Вы что подумали, когда Вас не пропускали?

Р: Я ничего не подумала, потому что знаю, что всегда, когда есть возможность, что на Площади будут митинги, всегда у нас оцепляют, закрывают, для меня это было нормально. Я так ничего серьезного не ждала, но я следила за новостями по соцсетям, наблюдала, что везде митинги начались, и в Алматы. У нас была тишина до 10 вечера примерно, к 10 вечера к нам уже начали приезжать полицейские, потом, кажется, СОБР, они в черной одежде были, потом военные.

И: Как вы отличали СОБР от военных?

Р: У военных одежда цвета хаки, военных-то я знаю, как они выглядят, а СОБР просто в черной одежде, у них каски были, я так понимаю, это СОБР. Также были полицейские машины, их было очень много, это были белые машины, с затемненными окнами, как бывают же маршрутки такие. И много было военных машин где-то после 10, 10:30 вечера, вот так. Также много было «скорых», также приехали пожарные машины, и они все там у нас собирались.

И: Но самих митингующих не было?

Р: Пока не было, но уже подготовка шла к тому, чтобы их встретить и задержать, можно сказать. У нас, напротив, был объект какой-то, и вот эти все машины все туда заезжали, я не знаю, что за объект, если честно, но вот туда они заезжали. Потом где-то к 22:30 что ли или позже я уже услышала со стороны Абая голоса, это уже было понятно, что митингующие были, там что-то выкрикивали, лозунги, наверное. Я не различила слова, потому что далеко было. И когда я вышла на балкон, и с балкона увидела, как люди пришли на Площадь, эти митингующие. Я могу утверждать, что это мирные митингующие были. Они вышли на Площадь, остановились, что-то там выкрикивали, но они ничего не разрушали, ничего такого плохого не делали.

И: Вам совсем не слышно было, что они говорили?

Р: Да, я не слышала. Потом уже операцию начали, то есть, у них (полиция) до этого уже подготовка была четкая: у них какие-то машины были специальные, они еще так открывались щитом, такие синие, я такие в первый раз видела, и на этой машине вот эти мужчины, которые СОБР вроде, я думаю, вот они на эти машины залезли и первые поехали. То есть, они как щиты, получают.

И: Разгоняют толпу, да?

Р: Я не знаю, не видно было. Видела, как расположились военные, вот эта вся техника. И вот эти синие машины поехали.

И: Эти щиты у них были внутри, да, получается?

Р: Нет, прям перед машиной.

И: Как бульдозер, что ли получается?

Р: Да. У СОБРа тоже есть щиты же, но это на машине. И вот эти машины первыми поехали, на этих машинах были в черной одежде которые.

И: Эти машины газ не пускали?

Р: Вот, которые на этой машине, они и пускали слезоточивый газ, и были светошумовые гранаты, они прям мощные были, я слышала, у нас было все слышно.

И: То есть, на Площади в это время было много людей, да?

Р: Нет, где-то в 22:30 там было немного людей, там часть, может быть, еще не дошли, то есть, они частями приходили. И всех, кто пришли, их всех задерживали, прямо такая операция была слаженная, сначала эти синие машины со светошумовыми гранатами и слезоточивый газ, они туда первыми поехали, за ними сразу поехали полицейские на машинах, и вот эти как «Газель» же машины есть с затемненными окнами, они на этих машинах забирали митингующих. А потом последними стояли уже СОБР и военные. То есть, которые убегали митингующие, их задерживали вот эти лица.

И: Вы все это время стояли на балконе, да? Не боялись? Тогда не стреляли?

Р: Нет. Тогда не стреляли, только вот эти светошумовые гранаты.

И: Водометные машины, не было такого, да?

Р: Нет. Пожарные машины были, но они ничего не делали.

И: А этот газ до Вас не дошел?

Р: Дошел. Трудно было дышать.

И: Но Вы стояли? Маску не надели?

Р: Нет, маску не надевали.

И: Вы с дочкой стояли?

Р: Да, мы с дочкой.

И: Ужас! То есть, Вы в тот момент вообще ничего не боялись?

Р: Нет. Вот люди, которые убегают, они бегут в сторону проспекта Достык, а вот СОБРовцы их задерживают.

И: И они заходили с других сторон? С Желтоксана, с Фурманова?

Р: Митингующих я видела именно со стороны Абая.

И: Но они по Фурманова шли?

Р: Получается, по Фурманова шли. Это буквально полчаса длилась эта операция, они всех задержали, и все, такая тишина была, на этом все закончилось. Я не знаю, что там ночью было, я этого уже не видела, не

слышала.

И: Ночью тишина, Вы спали спокойно?

Р: Да, я спала. Но где-то к 5 утра я слышала, чистили. Утром была тишина.

И: Вы на работу не собирались? Продукты у Вас были?

Р: Работа онлайн, но именно продуктов у меня не было, потому что домой я приехала 3 января. Как раз нас оцепили, и я не успела в магазин сходить. Единственное, у меня все крупы были и у меня была 1 большая лепешка, которую маму передала еще 31 декабря. Но самое интересное, вот этой лепешкой мы и питались все эти дни. И вот 5-го уже где-то к обеду Площадь не охранялась, ни полицейских, никого не было.

И: То есть, полицейские думали, что они победили как бы, да?

Р: Я не знаю, что они думали, но тишина была, только пару полицейских стояли, не перекрыли улицу как обычно, все нормально ездили, все ходили. И где-то к обеду уже я увидела, что пришли митингующие. Вот как раз среди них, я думаю, возможно, и мародеры были, но на Площади их было мало. Возможно, они по другим улицам, а на Площади их было мало. Но почему я думаю, что мародеры были? У нас в доме на 1 этаже есть кафешки, я слышала, как разбивали стекла.

И: 5-го числа уже?

Р: 5-го после обеда.

И: Сразу, как они зашли на Площадь, да, началось?

Р: Да. В это время военные были, и СОБР были, но дальше, что происходило на Площади, я уже не могла увидеть, что произошло.

И: А стрелять начали примерно во сколько?

Р: Я сейчас 5-е число не могу вспомнить, потому что вперемешку. Вот эти шумовые гранаты я не могу отличить от настоящего оружия.

И: Но были автоматные очереди или просто шум?

Р: Да, шум. И как будто стреляли, но я не знаю, из чего стреляли.

И: Но стреляли, получается, не близко к Вам?

Р: Не близко ко мне.

И: Потому что кто-то говорит «на Площади», а кто-то говорит «возле Резиденции», а возле Резиденции, это от Вас далеко.

Р: Скорее всего, возле Резиденции. Потому что на площади в основном были митингующие, я там не видела перестрелку, ничего такого. И вот 5-го они все остались митингующие на Площади, они там стояли до вечера.

И: А Вы выходили, все-таки? В окно смотрели?

Р: Нет, я не выходила. Выходила на балкон, смотрела, и митингующие там находились.

И: Вам было страшно или еще не страшно?

Р: Нет, мне еще не было страшно. Они находились там до вечера, вечером кто-то приехал, я не знаю, кто, на машине с мигалкой, там уже не видно и не слышно, и после этого люди стали расходиться. После этого люди разошлись, у меня дома телевизора нет, интернет 4-го дома отключили перед вот этой операцией, которая вечером была, и я не знала, что там вообще происходит, кто приехал.

И: Так 5-го числа уже подожгли акимат, Вам его не было видно?

Р: Видно было, но только огонь, а вот как там все...

И: Примерно не можете по времени сказать, да?

Р: Не могу сказать.

И: 5-го числа также напали на телерадиокомпанию...

Р: Не было видно.

И: До Вас не доходил запах?

Р: Нет, не доходил запах.

И: И 5-го числа Вы спокойно легли спать? Хотя там стреляли, и как уверяют, много было людей раненных, если не убитых.

Р: Нет, я не видела.

И: Но Вы же не все время смотрели, правильно?

Р: Да. И моя часть – только дорога. В основном все события 5-го уже были на Площади.

И: Итак, что было потом?

Р: Да. 6-го числа я вышла, все-таки...

И: А 5-го числа Вы спокойно спали, тишина, никто и ничто вас не разбудил? Никакие звуки?

Р: Нет. 5-го числа, вот как только приехали, после этого люди начали уже расходиться.

И: А почему Вы считаете, что кто-то приехал?

Р: Потому что я видела, что когда этот человек приехал, его сопровождали на машине, которая с мигалками.

И: Он ехал вниз или вверх?

Р: Он, кажется, с Аль-Фараби приехал.

И: На большой скорости или нет?

Р: Нет, просто приехал, он на Площадь поехал. Там, получается, люди все собрались вокруг него, я уже дальше не знаю, что он говорил, и через некоторое время люди начали расходиться сразу, быстро это все. Потом мы вечером уже легли спать. 6-го утром я вышла на улицу,

люди ходили, но в основном мужчины ходили. Я начала искать магазин, потому что у нас отключили газ. У нас крупы, все есть, но готовить было не на чем, у нас только лепешка из готового была. Я начала искать магазин, сначала в сторону Абая пошла, там, в основном мужчины ходили, потом в сторону Площади – там невозможно было идти. И мне мужчины сказали: девушка, идите домой, сейчас небезопасно на улицах ходить.

И: А почему Вы сказали, что только мужчины?

Р: Потому что я в основном видела только мужчин.

И: А до этого были и мужчины, и женщины, наверное?

Р: Вот 6-го я обратила внимание, что на улицах были именно мужчины, может, все женщины дома сидели в моей части.

И: А мужчины, они были как-то одеты или обычные люди?

Р: Нет, обычные люди.

И: Каких-то масок не было, в руках арматуры там?

Р: Нет, в руках ничего не было, просто мужчины. Они по-казахски говорили, по-русски говорили.

И: А алматинцы или кто-то другой?

Р: Не знаю, я их как-то не отличаю. Обычные люди.

И: И Вы послушали их, да?

Р: Нет, я их не послушалась, я решила... Они мне еще дали шоколадки, а я говорю: «Мне нужен магазин, подскажите, где магазин», они говорят: «Все магазины закрыты, ничего не найдете», и они вытащили мне шоколадки, дали и сказали: «Идите домой».

И: Трофейные шоколадки, да? Мародерские?

Р: Я не знаю, там несколько, всего 2 штучки. Я пошла в сторону Достык. Думаю, там уже буду искать магазин. Я не дошла в итоге. Это было времени где-то после 6 уже. И вдруг начали стрелять, это было после 6, хотя нам, помню, объявили, что комендантский час начинается с 9, я еще подумала, что успею сходить в магазин, и пошла в сторону Ленина. И вдруг начали стрелять.

И: Откуда начали стрелять?

Р: Я не могу определить, я услышала просто выстрелы, сразу подумала о том, что у меня дочка дом одна и я поторопилась домой, подумала: «Сейчас она испугается».

И: Вы на уровне метро были или возле Сельхозинститута?

Р: Я не дошла даже до Пушкина, получается, я была на уровне, где Аграрный университет. И после этого я сразу домой ушла, я уже никуда не пошла.

И: А стреляли, говорите, со стороны Площади, да?

Р: Да, со стороны Площади стреляли. И я пошла домой. Когда даже в сторону магазина шла, прямо на земле увидела сгустки крови. Потом я домой зашла, и вечером уже активно начали стрелять, в это время. Где-то вечером я услышала, как машина заезжает. Я поняла, что это военная, потому что тяжелая была, прямо чувствовалось. Я вышла на балкон, ну, потому что я увидела, что это были военные, у меня телевизора не было, я даже не слышала, что к окну нельзя подходить, на балкон выходить. Я спокойно вышла, их даже не боялась, это военные, что от них ожидать? Я не переживала, что они будут стрелять, я начала выходить на балкон, и смотреть. И вдруг они начали стрелять.

И: По Вам?

Р: Да.

И: Ужас!

Р: Они не только наш балкон, они по всем квартирам начали подряд.

И: Это точно были военные, да?

Р: Там кроме военных никого не было. Это было 6-го вечером, я время сейчас не помню, это было темно.

И: Вы пригнулись и ползком, да?

Р: Я в такие моменты сразу начинаю думать о дочке, я начала думать, что сейчас она испугается. Я начала заходить домой, на самом деле на тот момент я не испугалась, начала заходить домой, как только закрыла дверь в комнату, пуля прямо прошла через стекло двери этой в комнату.

И: Разбила окно?

Р: Да, разбила окно. И получается на балконе стекло и через дверь. И после этого я уже не подходила больше к окну, на балкон я не выходила.

И: У вас чат есть общедомовой?

Р: Нет.

И: С соседями не обменивались? Никто не был ранен?

Р: Я не знаю.

И: Тоже же могли выглядывать такие же любопытные.

Р: Да, я думаю, из-за того что люди выглядывали, из-за этого стреляли. После этого я даже не походила к окну и не знаю, что происходило. Единственное я один раз вышла, потому что я услышала, как машина проезжала, и начали стрелять, и услышала...

И: В тот день день? 6-го ночью? Или 7-го уже?

Р: Я уже дату не могу вспомнить, но после этого я только тогда вы-

шла. Я услышала, как машина проезжала, начали стрелять, и машина резко остановилась, и какой-то мужской голос начал просить о помощи: «Люди! Помогите! «Скорая помощь» телефон не поднимает!», – вот тогда я вышла на балкон и увидела: там белая машина остановлена была, и пара человек, мне кажется, это жители дома вышли. Чуть дальше стояли военные, но они не подходили, я не знаю, кто стрелял в эту машину, я не знаю.

И: Это просто обычный человек был?

Р: Да, обычный.

И: Зачем он поехал на Площадь в этот день?

Р: Не знаю.

И: Надеюсь, выжил или что? Неизвестно?

Р: Неизвестно. Я единственное, когда на балконе стояла, слышала, кажется, это жители сказали, что сейчас повезем в 5-ю больницу, и они говорили: «Голову держите, они еще живы», – получается, это 2 человека. Их забрали в 5-ю больницу.

И: Военные стояли, где? По Сагпаева?

Р: Они уже стояли чуть дальше, уже на Площади стояли.

И: А этот, видимо, хотел на Площадь проехать?

Р: Да, на Площадь. Он ехал, видимо, со стороны Ленина.

И: Но это было 6-го или 7-го?

Р: Это возможно 7-го, мне кажется.

И: Потому что уже был отдан приказ стрелять на поражение. Но по тем людям, которые вышли, по ним не стреляли?

Р: Кто выходил – я не знаю, я лично не выходила, на балкон не выходила, к окну не подходила, но я все время слышала, как стреляли. Но кто стрелял – я не знаю, но стреляли все время, особенно ночью.

И: А там люди были вообще 7-го числа на Площади?

Р: Я не видела, но я слышала голоса. Вот когда стреляли, я слышала, как кричали: «Атпаңдар! Атпаңдар!» – мужские голоса я слышала, я не знаю, кто это был.

И: И потом Вы сидели дома, книжки читали, или что Вы делали, без телевизора, без интернета?

Р: У нас лепешка была, у нас майонез был, мы только с майонезом лепешку кушали, готовить было негде, потому что у нас газ отключили.

И: А потом подключили когда?

Р: 11-го.

И: Но Вы вышли в магазин 7-го или 8-го?

Р: 10-го мы вышли, когда в первый раз, помните, интернет включили,

мы вышли. До 10-го мы сидели дома, не могли выйти.

И: Но сейчас психологическое состояние у Вас нормальное, да?

Р: Вы знаете, в те дни нормально себя чувствовала, я не боялась ничего, какая-то собранная была, а вот когда 11-го, когда это все прекратилось, я когда увидела последних, которые выезжали, уезжали люди. Помните, я говорила про объект, куда машины заезжали?

И: Там был раньше военный госпиталь.

Р: Да, госпиталь. Вот туда все заезжали. И вот в последний день 11 января военные туда заехали, но они как будто заехали кого-то задерживать что ли, то есть, все эти дни они там не находились. Я когда в окно посмотрела, опять вот эти в черной одежде туда заходили, но так потихоньку, потом я выстрелы слышала, но я не знаю, кто стрелял. Все, последний раз. Это было утром 11-го что ли. После этого уже прекратилась стрельба.

И: И Вас отпустило, да? Вы начали плакать?

Р: Да. Вот когда все закончилось, я подумала, что там кого-то убили или еще что-то, я начала возможно накручивать, и потом я заплакала, первый раз практически. И потом мы же столько не спали, мы практически не спали, потому что всю ночь же была стрельба, всю ночь слышали, как стреляли. Мы не могли нормально спать. И когда это все прекратилось, я еще неделю не могла спать, потому что мне все время казалось, что стреляют. Вот ложусь спать – мне все время кошмары снились, мне все время казалось, будто я там хожу. И после этого у меня это все началось.

И: Не обратились к врачу?

Р: Нет, не обращалась.

И: Может, какие-то успокоительные бы пропили, валерьянку?

Р: Нет, но где-то неделю я не могла уснуть, мне все время кошмары снились, я все время слышала стрельбу, даже когда по комнате шла, мне казалось, что стреляют все время.

И: А дочка как?

Р: Ну я ее успокаивала, она просто на каникулы ко мне приехала и уехала потом к бабушке.

И: Но дети быстро забывают. И вот последний у меня вопрос, вот сейчас все отремонтируют...

Р: Нам отремонтировали.

И: Вам вставили окна, да?

Р: Да, вставили. Нам быстро все поменяли, пришли, окна заменили.

И: А какие-то люди допрашивали вас, приходили?

Р: Нет, никто не пришел.

И: Никто не пришел спросить, почему разбито? А кто пришел делать Вам окна?

Р: Я так поняла, что эта организация, которая занимается частным бизнесом. Мы подали заявление о том, чтобы нам восстановили ущерб, потом мне позвонили, спросили, когда вы будете дома, чтобы мы могли прийти и все заменить.

И: А откуда Вы узнали, что можете подать такое заявление?

Р: Я у соседей спросила, я не знаю, откуда они узнали. Но я у них спросила, что нам делать теперь с этим, тем более, это холодно, у нас и в комнате пробили стекло.

И: До 10-го числа вы сидели с этим?

Р: Да. И после этого они сказали, что сейчас заявления собираем все и сдаем в КСК. И мы сдали, и после этого через несколько дней к нам пришли и заменили стекла, и на балконе, и в комнате. Но ничего не приходили, не спрашивали.

И: А пули никто не собирал?

Р: Не собирали, просто пришли, на видео сняли, но я не знаю, кто это приходил. В первый день, когда они приходили, просто на фото и видео сняли, то есть, зафиксировали сам ущерб и все.

И: Но это, скорее, коммунальные службы, чем полиция?

Р: Да. Пули у меня были, но я их выбросила, только сфотографировала на память.

И: Меня пугает, что они увидели, что Вы смотрите, и все равно стреляли.

Р: Да. И вот такие пули были в комнате.

И: Сейчас Вы в каком состоянии пребываете? В нормальном?

Р: Сейчас в нормальном уже. Но единственное, что уже не знаешь, чему верить после этого.

И: А Вы хотели бы верить во что?

Р: Все-таки, там большинство были мирные. Да, среди них были мародеры, и преступники, возможно, тоже были. Просто на площади было очень много народу, но они в основном были мирные, может, десяток человек, это были преступники, которые провоцировали людей.

И: А как вот Вы решили, что они мирные? Просто стояли, смотрели, да, людей?

Р: Да, я смотрела, видела, они нормальные люди. И у меня есть знакомые, которые говорили, что выходили. Это обычные гражданские люди.

И: А что они хотели? Что они кричали? Вы не слышали?

Р: Что они кричали 4-го – я не слышала. А 5-го уже, я не знаю, там беспорядки 5-го начались на самом деле.

И: Но кроме того, что стреляли, у Вас другого в памяти нет, да?

Р: Да. Стреляли. Стреляли военные.

И: Какое у Вас в итоге впечатление осталось? Они стреляли уже после того, как был отдан приказ?

Р: Да, получается, они во всех стреляли. Они же понимают, что в этих домах живут мирные жители, и то, что на балкон вышли или к окну подошли, это не основание в нас стрелять. Мы вышли, потому что мы им доверяли, мы не боялись их, мы не думали, что именно военные будут в нас стрелять, поэтому мы и вышли.

И: Спасибо Вам за интервью.

ОФ «ЦСПИ «Стратегия»

От Арены до Площади. Проживая алматинскую трагедию

Дизайн и компьютерная верстка – Абдикерим Эсем
Дизайн обложки – Керимбекова Алуа

Иллюстрации - Midjourney, лицензия Creative Commons 4.0

Подписано в печать ____ . ____ . ____ . Формат 61x86/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. _____ Тираж ____ экз. Заказ № _____

Казахстан
Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия»
050000, г. АЛМАТЫ, ул. Кунаева, 135/56
Тел. +7 (727) 272-13-83
info@ofstrategy.kz
www.ofstrategy.kz

Отпечатано с файлов заказчика
В ТОО «Издательство LEM»
г. Алматы, ул. Ауэзова, 82А
+7 (727) 390-19-96

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
СТРАТЕГИЯ